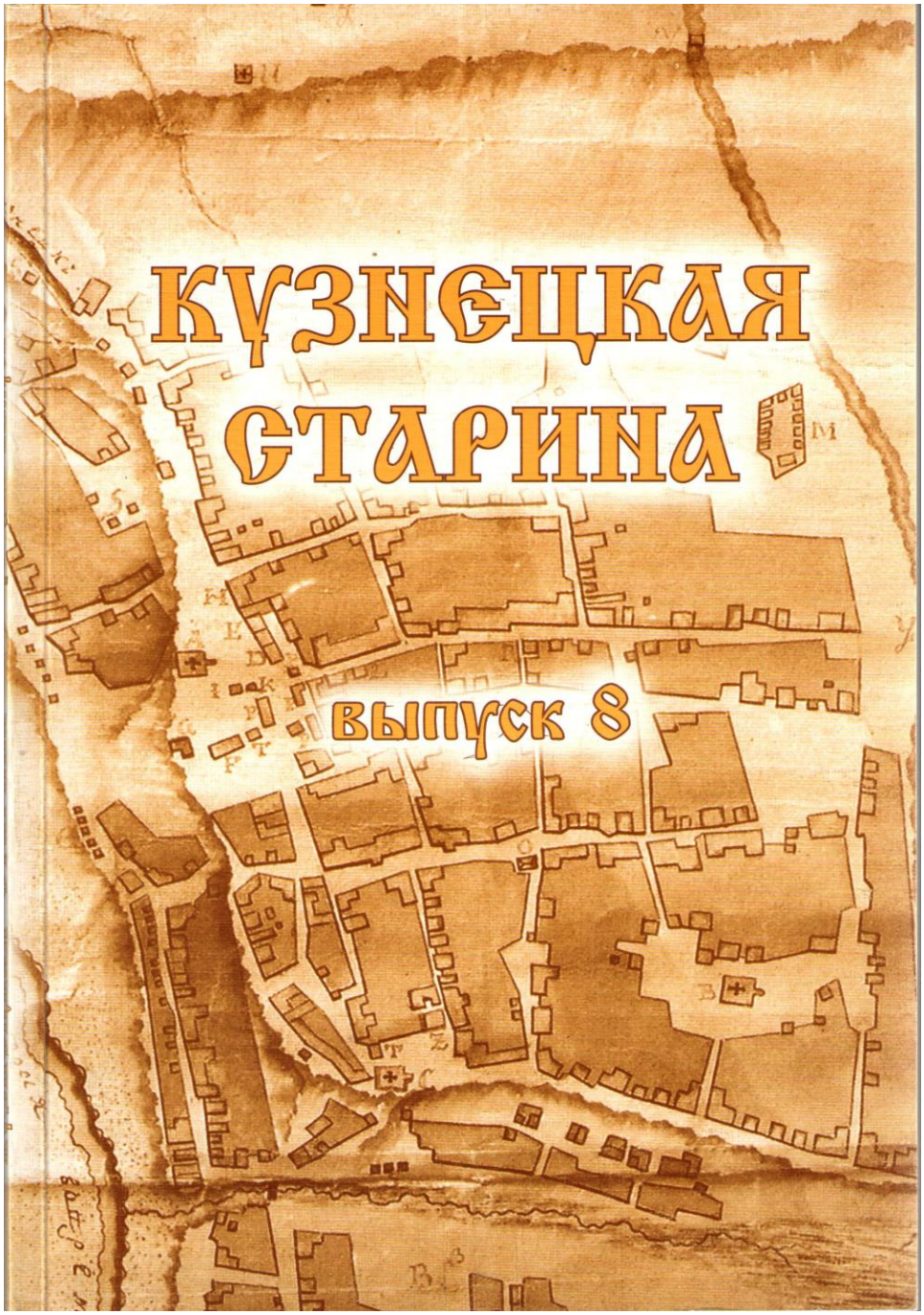
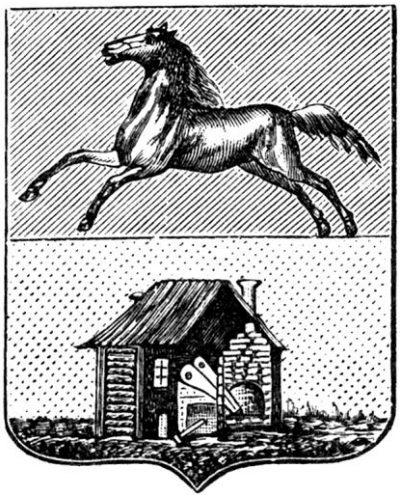
КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

выпуск 8



ИЗДАТЕЛЬСТВО
• Кузнецкая Крепость •

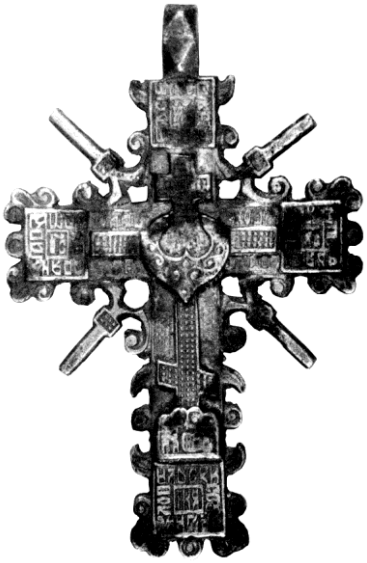


УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ Г. НОВОКУЗНЕЦКА

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ
«КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ»

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

Выпуск 8



Издательство «Кузнецкая крепость»
Новокузнецк 2006

ББК 63.3/2Р4 Кем
М43

Под общей редакцией к. и. н. Ю.В. Ширина

Редакционная коллегия:
С.Д. Мартин
М.М. Маслов
Б.А. Рахманов

Книга выпущена по заказу управления культуры администрации г. Новокузнецка

Кузнецкая старина. — Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2006.— Вып. 8.— 158 с.

ISBN 5-87521-096-6

Очередной выпуск историко-краеведческого сборника содержит результаты новейших исследований по археологии Кузнецкого края и сопредельных территорий, а также разнообразные материалы по истории г. Новокузнецка от начала XVII в. до середины XX в.
Книга рекомендуется для археологов, историков и широкого круга читателей.

На обложке: Фрагмент карты г. Кузнецка 1786 г.
На шмутитуле: Герб уездного г. Кузнецка Томской губернии образца 1804 г.
На титульном листе: Крест-тельник XVII в. из Кузнецкого острога.

ISBN 5-87521-096-6

© Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», 2006 г.

© Издательство «Кузнецкая крепость», 2006 г.

АРХЕОЛОГИЯ
И
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

С.А. Ковалевский, А.М. Илюшин

Материалы переходного времени и раннего железного века из комплекса поселений Торопово-4

На территории Кузнецкой котловины памятники переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века (далее — РЖВ) исследованы пока недостаточно. Поэтому новые материалы по данным периодам, полученные сотрудниками Кузбасской комплексной археолого-этнографической экспедициии (далее ККАЭЭ) в ходе изучения памятников долины р. Касьмы (правый приток р. Иня) за период с 1988 по 2002 гг., представляют несомненный научный интерес. В 1990-е гг. были исследованы разведками и раскопками курганы Ракитный, Ракитный-1 и 3, а также многослойные поселения Красная Горка-1 и Шабаново-6, что было отражено в ряде публикаций[1]. За последние годы сотрудниками ККАЭЭ был исследован комплекс поселений Торопово-4. Этот комплекс расположен в 0,7 км к СЗ от с. Торопово Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области, в среднем течении р. Касьмы. Объект находится на левом, более высоком берегу р. Касьмы, на естественной возвышенности нижней террасы, рядом с устьем сухого ручья (Рис. 1). Памятник был открыт в 1996 г. М.Г. Сулейменовым[2]. Комплекс поселений Торопово-4 интенсивно разрушался. В течение 1996—2000 гг. фиксировались происходившие с ним изменения и производились сборы артефактов[3]. Аварийное состояние Торопово-4 явилось причиной раскопок наиболее разрушаемой его части в 2001—2002 гг.[4]

Исследования показали, что данная площадка была обитаема в различные исторические эпохи (неолит, эпоха развитой и поздней бронзы, переходное время от бронзы к железу, ранний железный век, раннее, развитое и позднее средневековье). Наибольшее количество археологических материалов относится к эпохе поздней бронзы (ирменская культура) и средневековью. Находки переходного

---

[1] *Илюшин А.М., Ковалевский С.А.* Итоги исследования древностей раннего железного века ККАЭЭ // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 60-64.

[2] *Сулейменов М.Г.* Отчет об археологической разведке в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области в 1996 году. Кемерово, 1997. 12 с.

[3] *Мга В.В.* Хронологические лакуны Касьминского археологического микрорайона в Кузнецкой котловине по полевым сборам 1996 года // Материалы Сибирской региональной археолого-этнографической конференции учащихся. Красноярск, 1997. С. 20-30; *Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Мга В.В.* Древности Касьминского археологического микрорайона в Кузнецкой котловине (по полевым сборам) // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 107-121; *Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А.* Поселение Торопово-4 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 199-201.

[4] *Илюшин А.М.* Отчет об аварийных археологических раскопках ККАЭЭ в 2001 году. Кемерово, 2002. 183 с.; Он же. Отчет об аварийных археологических раскопках ККАЭЭ в 2002 году. Кемерово, 2003. 113 с.

времени и РЖВ в культурном слое единичны и представлены фрагментами керамической посуды. Всю керамическую посуду по особенностям профилировки можно разделить на две группы — горшки и банки.

Группа 1. Горшки. По профилировке и орнаментации выделены типы.

Тип 1. С низкими или высокими прямыми венчиками (Рис. 3, 1—3). Обрез венчика уплощен. На шейке или венчике налепной валик, орнаментированный косыми оттисками гребенчатого штампа. В двух случаях венчики были дополнительно украшены «чистым» жемчужником. На территории Среднего Притомья керамика, орнаментированная жемчужником в сочетании с горизонтальными, широкими налепными валиками, встречается на поселениях РЖВ, датированных И.В. Окуневой V-I вв. до н.э.[1] В южной части Кузнецкой котловины керамика с валиками известна из материалов поселений Красулино-1, Мамонтовка-1, Бардино-3, Карлык-3, Блиновское-1 и Тайменка.

И.В. Окунева и Ю.В. Ширин пишут, что керамика с широкими налепными валиками тяготеет по формам и орнаментальному стилю к выделенной ими третьей группе керамики. Исследователи предполагают, что валиковый комплекс в керамике третьей группы является наиболее поздним. Они отмечают, что однослойные поселения в Притомье с такой керамикой планиграфически и ландшафтно часто не совпадают с памятниками, орнаментальная керамическая традиция которых восходит к памятникам переходного этапа. Типологически сходные с третьей группой керамические комплексы в Верхнем Приобье встречены на поселениях, относимых к гунно-сарматскому времени[2]. Ю.В. Ширин связывает появление керамики с горизонтальными налепными валиками на юге Кузнецкой котловины с включением Томь-Кондомских предгорий в сферу влияния предгорного населения бассейна Верхней Оби (быстрянская культура)[3].

Вместе с тем материалы сопредельных территорий свидетельствуют как раз о более раннем возрасте валиковой керамики. На западной периферии Кузнецкой котловины В.А. Захом производились раскопки на поселении Линево-1, где было полностью исследовано жилище переходного времени от бронзы к железу[4]. В.А. Зах отнес материалы жилища к раннему, линевскому этапу завьяловской культуры, которая, по его мнению, синхронна позднеирменскому этапу ирменской культуры[5]. Небольшая часть линевской керамики была украшена валиками. В.А. Зах указывает, что наибольшее количество посуды с валиками (12%) известно из поселения Ближние Елбаны (Барнаульско-Бийское Приобье), тогда как на поселениях Линево-1 (Кузнецкая котловина) и Завьялово-5 (Новосибирское Приобье) такие валики единичны[6]. Это может указывать на направление культурных связей в переходный период.

Н.Л. Членова относит композицию из валика и жемчужника к ирменско-большереченской (переходной) группе орнаментов. Аналогии тороповской керамике с валиками известны на поселениях VII—VI вв. до н.э. — Ближние Елба-

---

[1] *Окунева И.В.* Поселения Среднего Притомья (ранний железный век и средневековье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. С. 7-9.

[2] *Окунева И.В., Ширин Ю.В.* Поселения эпохи раннего железа в Томь-Кондомском предгорном районе // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 11-12.

[3] *Ширин Ю.В.* Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 38-39.

[4] *Зах В.А.* Линево-1 — памятник переходного времени от бронзы к железу // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 94-95.

[5] *Зах В.А.* Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997. С. 93.

[6] *Зах В.А.* Эпоха бронзы... С. 89; Рис. 33, 6, 12.

ны (Барнаульско-Бийское Приобье), Большой Лог-1 (Омское Прииртышье) и Туруновка-4 (Барабинская лесостепь), ощутивших на себе влияние населения казахстанских степей[1]. На территории южной части Кулунды (Степной Алтай) алтайскими археологами был обследован комплекс древних поселений — Горелый Кордон, где была найдена керамика, орнаментированная валиками и жемчужником, почти полностью аналогичная тороповской. Исследователи считают, что по своему характеру подобная орнаментация занимает промежуточное положение между декором саргаринской посуды (эпоха поздней бронзы) и орнаментом сосудов скифского времени в степной зоне Алтая[2].

Учитывая приведенные факты, можно предполагать миграцию из Северо-Восточного Казахстана и Степного Алтая в VII—VI вв. до н.э., отдельных групп населения — наследников саргаринско-алексеевской культуры на территории Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины. Отдельные группы населения собственно саргаринско-алексеевской культуры проникали на территорию Верхнего Приобья еще в эпоху поздней бронзы, что было зафиксировано на материалах Милованово-3 — крупного ирменского поселения[3]. Севернее они не проникали. Более широкое проникновение постсаргаринского населения на территорию юга Западной Сибири начинается, видимо, в переходную эпоху от бронзы к железу, что фиксируется по материалам поселений типа Большой Лог-1. Интересно, что валиковая керамика Торопово-4 более всего сходна с керамикой поселения Горелый Кордон (Степной Алтай) и не несет на себе влияния завьяловской и позднеирменской орнаментальных традиций. Учитывая, что население, использовавшее в быту валиковую керамику, мигрировало именно из степей Казахстана и Степного Алтая, можно предположить наиболее ранний возраст валиковой керамики из Торопово-4 и предварительно датировать ее VII—VI вв. до н.э.

Тип 2. С коротким отогнутым венчиком с уплощенным срезом, орнаментированный по шейке рядом жемчужин без разделителей, а по шейке и венчику — рядами косых насечек (Рис. 3, 4). Сходные экземпляры известны из материалов поселений переходного времени Инберень-5, Маяк и Красная Горка-1[4].

Тип 3. С низким отогнутым венчиком, украшенный резной линией по верхнему краю венчика и жемчужником с разделителями в форме полулунного оттиска угла пластины — по шейке (Рис. 3, 5). Подобный орнамент известен из материалов поселения бийского типа Бийск-Скотобойня, датированного VII—VI вв. до н.э.[5] Похожий сосуд есть и в Новосибирском Приобье, на поселении Батурино-2 V—IV вв. до н.э.[6] Характерен такой орнамент для поселенческой посуды

---

[1] *Членова Н.Л.* Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. С. 77; Рис. 1, 5; 23, 7; 30, 9.

[2] *Фролов Я.В., Ведянин С.Д., Изоткин С.Л.* Комплекс древних поселений — Горелый Кордон // Михайловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 67, Рис. 3, 4,6.

[3] *Новикова О.И.* Эволюция декоративно-морфологических типов керамики ирменской культуры (по материалам поселения Милованово-3): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 18-20.

[4] *Членова Н.Л.* Памятники... Рис. 5, 10; *Окунева И.В., Ширин Ю.В.* Поселения... Рис. 7, 9; *Илюшин А.М., Ковалевский С.А.* Итоги... Рис. 1, 15.

[5] *Фролов Я.В.* Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI-V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. Рис. 2, 3, 4.

[6] *Троицкая Т.Н., Назарова О.Е.* Еще раз о кижировской культуре // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. Рис. 1, 9.

Кузнецкой котловины переходного времени (Маяк) и РЖВ (Старочервово-2)[1]. Однако такие признаки, как короткий отогнутый венчик сосуда (по типологии Н.Л. Членовой, сосуд имеет ирменско-большереченский профиль), крупные жемчужины и оттиски угла пластины свидетельствуют скорее о принадлежности сосуда к переходному времени от бронзы к железу.

Тип 4. Представлен фрагментом слабопрофилированного горшка или чаши (Рис. 3, 6). Венчик орнаментирован оттисками косо поставленного мелкозубого гребенчатого штампа, шейка — жемчужником с разделителями в форме оттиска угла лопатки, плечо — четырьмя прочерченными линиями. По орнаментации сосуд имеет аналогии только среди поселенческой керамики переходного времени Кузнецкой котловины (Глинка), Омского Прииртышья (Большой Лог-1), Барнаульско-Бийского Приобья (Ближние Елбаны, Усть-Аллак, МГК-1/3) и Новосибирского Приобья (Завьялово-5)[2].

Тип 5. С низкими отогнутыми венчиками, орнаментированные по шейке или венчику рядом жемчужин без разделителей (Рис. 2, 7; 3, 7—10). Аналогии известны на поселениях Кузнецкой котловины (Лачиново, Курья-2, Маяк, Старочервово-2, Красная Горка-1) в материалах переходного времени и РЖВ[3].

Группа 2. Банки. По профилировке и орнаментации разделены на *типы*.

Тип 1. Орнаментированные по шейке или венчику рядом жемчужин с разделителем в форме оттиска уголка лопатки (Рис. 3, 11—14). Аналогии известны на поселениях Кузнецкой котловины (Маяк, Аил) и Новосибирского Приобья (Ордынское-9, Ирмень-5), датируемых переходным временем и РЖВ[4].

Тип 2. Орнаментированные по венчику рядом жемчужин с разделителями в форме вертикальной насечки (Рис. 2, 3). Аналогии есть в материалах переходного времени поселений Кузнецкой котловины (Маяк, Красная Горка-1)[5].

Тип 3. Орнаментированные в верхней части рядом жемчужин и рядами лунок (Рис. 2, 2). Аналогии известны в материалах переходного времени и РЖВ (Маяк, Курья-4А, Красулино-1, Старочервово-2)[6].

Тип 4. Орнаментированные в верхней части оттисками уголка лопатки (Рис. 3, 16). Похожий фрагмент сосуда на поселении Люскус датирован РЖВ[7].

---

[1] *Членова Н.Л.* Памятники... Рис. 50, 4; *Илюшин А.М., Ковалевский С.А.* Итоги... Рис. 1, 2-6.

[2] *Окунева И.В., Ширин Ю.В.* Поселения... Рис. 4, 16; *Членова Н.Л.* Памятники... Рис. 1, 1; 20, 1; 39, 12; *Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В.* Керамический комплекс городища Завьялово-5 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. Рис. 1, 6; 4, 4.

[3] *Окунева И.В., Ширин Ю.В.* Поселения... Рис. 3, 9,14; 8, 2; *Илюшин А.М., Ковалевский С.А.* Итоги... Рис. 1, 14, 16.

[4] *Окунева И.В., Ширин Ю.В.* Поселения... Рис. 6, 1, 3, 15; 7, 6; 8, 3, 4, 6; 10, 2; *Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. Табл. IV, 15; VIII, 13.

[5] *Членова Н.Л.* Памятники... Рис. 49, 8; *Илюшин А.М., Ковалевский С.А.* Итоги... Рис. 1, 17.

[6] *Ширин Ю.В.* Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. Рис. 3, 10; *Окунева И.В., Ширин Ю.В.* Поселения... Рис. 4, 6; 5, 8; *Илюшин А.М., Ковалевский С.А.* Итоги... Рис. 1, 2-6.

[7] *Бобров В.В.* Поселение на р. Люскус // Археология Южной Сибири. Кемерово. 1979. Рис. 19, 2.

Тип 5. Орнаментированные в верхней части рядом ямок и треугольными оттисками уголка лопатки (Рис. 2, 1). Аналогия известна в Новосибирском Приобье в материалах городища VII–VI вв. до н.э. Завьялово-1[1].

Тип 6. Орнаментированные по венчику жемчужинами и прочерченными линиями, образующими зигзаг (Рис. 2, 6). Сосуды с подобным орнаментом есть на поселениях переходного времени — Мереть, Маяк и Тайменка[2].

Тип 7. Орнаментированные по венчику жемчужинами, а также горизонтальными и вертикальными прочерченными линиями (Рис. 2, 4, 5). Точные аналогии нам не известны, однако сочетание жемчужин и горизонтальных прочерченных линий характерно именно для посуды переходного времени от бронзы к железу.

Материалы всех исследованных ККАЭЭ в период с 1988 по 2002 гг. памятников археологии в долине р. Касьмы (Касьминский археологический микрорайон) позволяют говорить о том, что эта территория была обитаема в различные исторические эпохи (неолит, эпоха ранней, развитой и поздней бронзы, переходное время от бронзы к железу, ранний железный век, раннее, развитое и позднее средневековье, новое время). Наибольшее количество археологических памятников относится к эпохе поздней бронзы (ирменская культура), раннему и развитому средневековью, что указывает на то, что именно в эти эпохи данная территория активно осваивалась людьми и служила местом их постоянного проживания. Эти данные хорошо согласуются с палеоэтнографической ситуацией во всей Кузнецкой котловине.

Памятники переходного времени и РЖВ в долине р. Касьмы единичны, что может указывать как на слабую заселенность этой территории, так и на нетипичность их расположения на местности. Причинами этого явления могут быть как экологические, так и хозяйственные факторы. Однако имеющиеся в нашем распоряжении наблюдения и материалы позволяют считать, что в переходное время и в РЖВ люди осваивали для жизни те же площадки, что и в другие эпохи. Селиться они предпочитали на левом, более возвышенном берегу р. Касьмы, выбирая высокие мысовидные террасы, продуваемые ветрами и с хорошим обзором. Обязательным условием являлось наличие рядом с поселениями (Красная Горка-1, Шабаново-6 и Торопово-4) небольших ручьев, впадающих в р. Касьму. Ручьи, а иногда и ключи, бившие из-под земли, играли роль источников чистой воды. Места впадения ручьев в реку были пригодны и для рыбной ловли. Наиболее высокий мыс левобережья р. Касьмы, известный как поселение Шабаново-6, мог являться в эпоху раннего железного века и ритуальной площадкой. Об этом свидетельствует найденный на поселении бронзовый котел. Подобные находки, как правило, являются маркерами ритуальных комплексов РЖВ[3]. Погребально-поминальные памятники раннего железного века Ракитный, Ракитный-1 и 3 находились на противоположном, правом берегу р. Касьмы, довольно далеко от реки — на водоразделе.

Имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные материалы переходного времени и раннего железного века долины Касьмы позволяют реконструировать следующую картину исторического развития. На рубеже VIII–VII вв. до

---

[1] *Троицкая Т.Н.* Новосибирское Приобье в VII-IV вв. до н.э. // Вопросы археологии Сибири. Вып. 38. Новосибирск, 1972. Рис. 1.

[2] *Членова Н.Л.* Памятники... Рис. 41, 10; 49, 15; *Окунева И.В., Ширин Ю.В.* Поселения... Рис. 7, 7; 10, 8.

[3] *Плетнева Л.М., Мец Ф.И.* Ритуальный комплекс раннего железного века в Томском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 145.

н.э. в результате пока не совсем ясных для нас причин нарушилось единство ирменской культуры. На территорию юга Западной Сибири началась инфильтрация инокультурных групп населения, которые, смешиваясь с потомками ирменцев, формировали синкретичные культуры. Из Северного Казахстана и Степного Алтая наблюдается приток постсаргаринского населения, что нашло отражение в появлении на поселениях этого времени валиковой керамики. Одновременно по р. Оби и ее притокам из Томско-Нарымского Приобья расселялись группы населения, использующие керамику с крестово-штамповой орнаментацией. Отмечается и проникновение из Минусинских котловин отдельных групп каменноложского (лугавского) населения. Материалы переходного времени долины р. Касьмы свидетельствуют о наличии здесь двух компонентов: местного позднеирменского и пришлого валикового.

Во второй половине I тыс. до н.э. на всех поселениях раннего железного века Кузнецкой котловины распространяются типы керамики и инвентаря, характерные для культур Верхнего Приобья (староалейская, каменская)[1]. Керамика РЖВ долины р. Касьмы в целом сходна с керамическими сериями других памятников Кузнецкой котловины, что может свидетельствовать об их принадлежности к одной культуре. Однако немногочисленность керамических серий РЖВ не позволяет пока достоверно определить характер, особенности и хронологические рамки данного культурного образования.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров, В.В. Поселение на р. Люскус / В.В. Бобров // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 47-59.

Зах, В.А. Линево-1 — памятник переходного времени от бронзы к железу / В.А. Зах // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 94-95.

Зах, В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона) / В.А. Зах. Новосибирск, 1997. 132 с.

Илюшин, А.М. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией / А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территории. Барнаул, 1999. С. 60-64.

Илюшин, А.М. Поселение Торопово-4 / А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский, В.А. Борисов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 199-201.

Илюшин, А.М. Древности Касьминского археологического микрорайона в Кузнецкой котловине (по полевым сборам) / А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов, В.В. Мга // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 107-121.

Мга, В.В. Хронологические лакуны Касьминского археологического микрорайона в Кузнецкой котловине по полевым сборам 1996 года / В.В. Мга // Материалы Сибирской региональной археолого-этнографической конференции учащихся. Красноярск, 1997. С. 20-30.

Новикова, О.И. Эволюция декоративно-морфологических типов керамики ирменской культуры (по материалам поселения Милованово-3): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.И. Новикова. Новосибирск, 1998. 21 с.

---

[1] *Ширин Ю.В.* Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 38.

Окунева, И.В. Поселения Среднего Притомья (ранний железный век и средневековье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.В. Окунева. Кемерово, 1990. 19 с.

Окунева, И.В. Поселения эпохи раннего железа в Томь-Кондомском предгорном районе / И.В. Окунева, Ю.В. Ширин // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 3-24.

Плетнева, Л.М. Ритуальный комплекс раннего железного века в Томском Приобье / Л.М. Плетнева, Ф.И. Мец // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 145.

Троицкая, Т.Н. Новосибирское Приобье в VII–IV вв. до н.э. / Т.Н. Троицкая // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972. Вып. 38. С. 3-35.

Троицкая, Т.Н. Большереченская культура лесостепного Приобья / Т.Н. Троицкая, А.П. Бородовский. Новосибирск, 1994. 184 с.

Троицкая, Т.Н. Керамический комплекс городища Завьялово-5 / Т.Н. Троицкая, Т.В. Мжельская // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 145-154.

Троицкая, Т.Н. Еще раз о кижировской культуре / Т.Н. Троицкая, О.Е. Назарова // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территории. Барнаул, 1999. С. 199-202.

Фролов, Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье / Я.В. Фролов // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 211–219.

Фролов, Я.В. Комплекс древних поселений — Горелый Кордон / Я.В. Фролов, С.Д. Ведянин, С.Л. Изоткин // Михайловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 66-69.

Членова, Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири / Н.Л. Членова. М., 1994. 170 с.

Ширин, Ю.В. Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины / Ю.В. Ширин // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 170–184.

Ширин, Ю.В. Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины / Ю.В. Ширин // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 5-40.

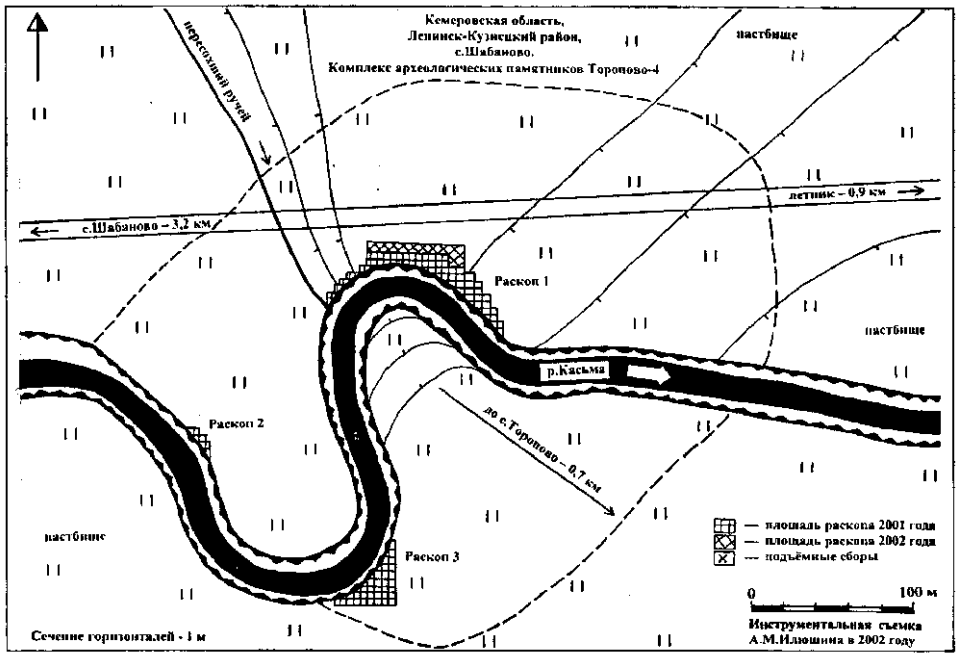


Рис. 1. План-схема комплекса археологических памятников Торопово-4.

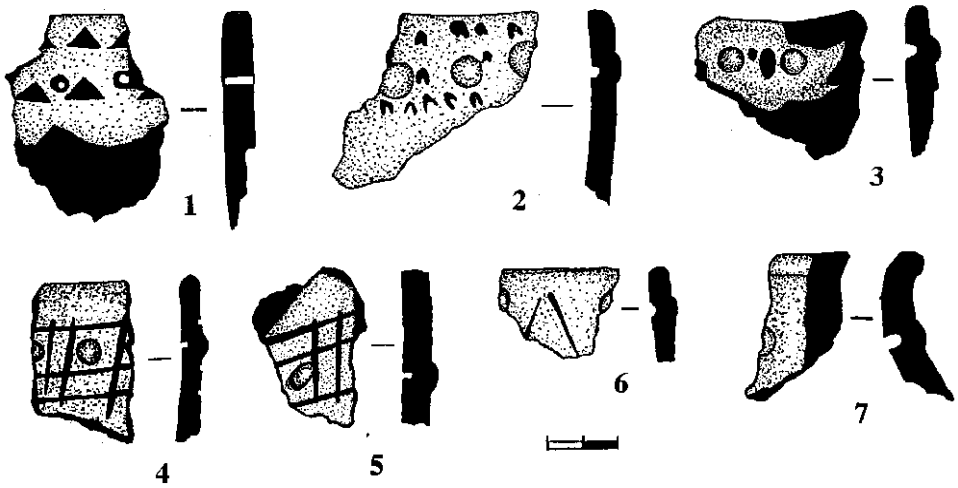


Рис. 2. Материалы переходного времени и раннего железного века с комплекса поселений Торопово-4.

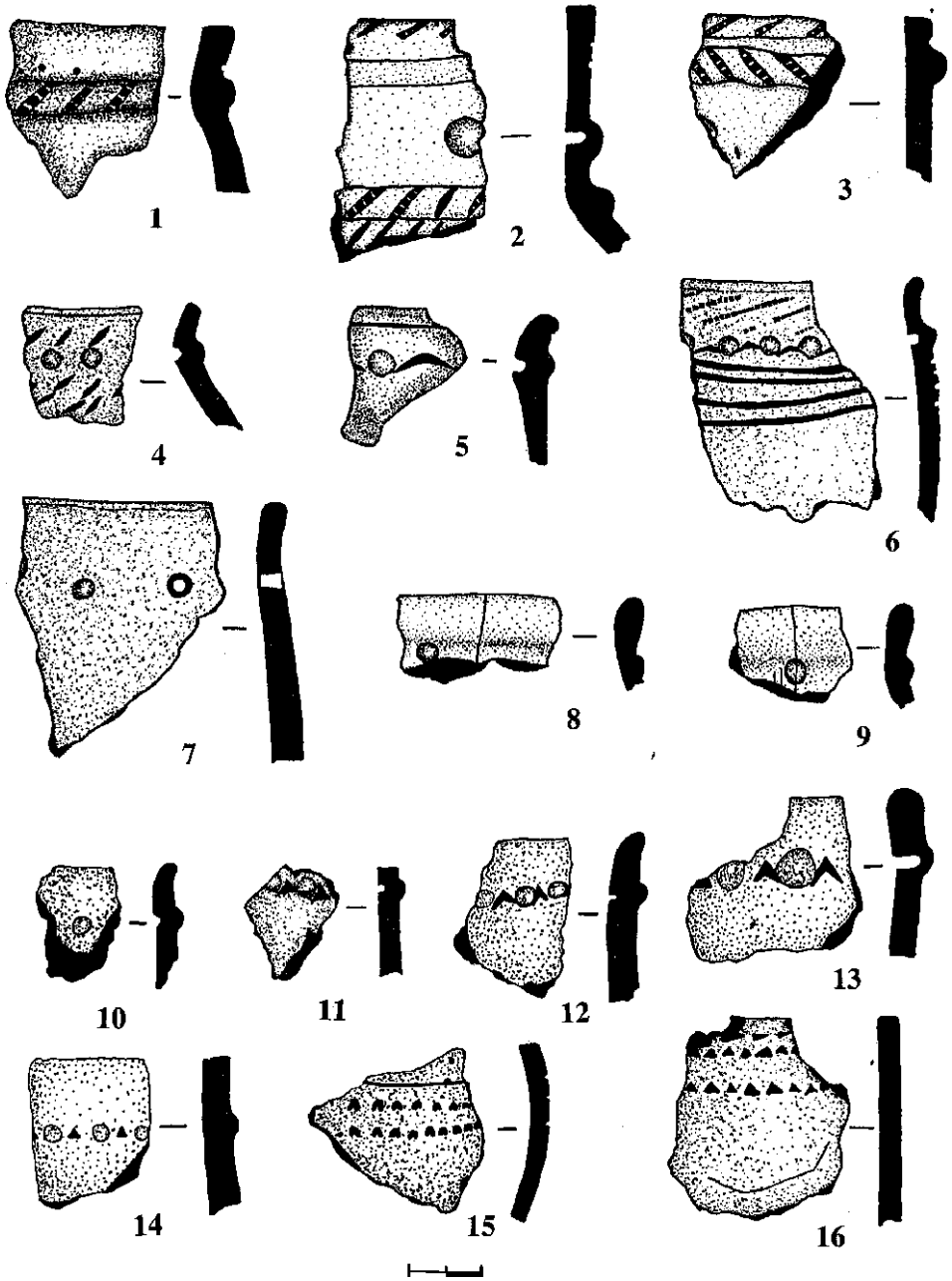


Рис. 3. Материалы переходного времени и раннего железного века с комплекса поселений Торопово-4.

Н.А. Кузнецов

Средневековые монеты в памятниках верхнеобской культуры как показатель торговых связей Сибири и Семиречья в VIII-IX вв. н.э.

Средневековая история Кузнецкой котловины таит в себе немало загадок. Она неразрывно связана с историей всей Южной Сибири, и Северного Алтая в частности. Но наш регион сравнительно хуже изучен. Несмотря на наличие весьма интересных археологических памятников VIII-X вв., многие из которых исследованы, вопросов по этнополитической истории на данный отрезок времени в нашем регионе остается больше, чем ответов. Это положение усугубляется отсутствием письменных источников по истории Кузнецкой котловины в средние века. В отличие от Хакасии, Тувы, Горного Алтая, здесь не найдено даже древнетюркских могильных эпитафий или наскальных надписей, исполненных «руническим» письмом. Малое количество исследованных поселенческих памятников, тоже не способствует тому, чтобы оценивать ситуацию с изучением средневековых памятников Кузбасса оптимистически. Однако материалы погребальных памятников здесь весьма интересны. По ним и строятся основные гипотезы об этнокультурной истории региона.

Следует отметить, что на сегодняшний день практически все исследователи сошлись на том, чтобы считать средневековые памятники VIII-X вв. в бассейне реки Ини и ее притоков, включая Новосибирское Приобье, относящимися к верхнеобской археологической культуре[1]. Но что касается этнической составляющей этой культуры, то вопрос ни в коей мере не прояснен. Разные исследователи придерживаются разных точек зрения, зачастую противоположных. Непримиримые точки зрения «объединили» Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков, «создав» не очень понятный конструкт: культура угро-самодийская, в которой наблюдается некоторая тюркизация[2]. Очевидно, такое определение этнической сущности культуры не может являться удовлетворительным, поскольку подразумевает, что население, достаточно компактно проживающее в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине, говорило одновременно на языках, относящихся к совершенно разным языковым семьям, при этом имело одинаковое мировоззрение, религию, обрядность, хозяйственно-культурный тип, материальную культуру.

Подобные интерпретации возможны на сегодняшний день потому, что мы не располагаем информацией, которая бы позволила прекратить дискуссии и прийти к однозначному выводу по проблеме этнической идентификации средневекового населения бассейна реки Иня.

Наибольшее «сочувствие» у археологов вызывает, как ни странно, гипотеза А.М. Илюшина, который связывает носителей Верхнеобской культуры с народом Бома, известным из средневековых китайских династийных хроник и географиче-

---

[1] *Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАИЭ СО РАН, 1998. С. 82.

[2] *Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура... С. 86.

ских сочинений[1]. При этом без достаточно веской аргументации А.М. Илюшин объявляет Бома самодийцами. В рамках настоящей публикации мы не будем касаться этой интерпретации, хотя категорически с ней не согласны[2]. По нашему мнению, гораздо более плодотворной представляется версия А.М. Илюшина о миграции части тюргешей после их окончательного разгрома карлуками из Семиречья в Саяно-Алтай, в том числе в Кузнецкую котловину[3].

Семиречье — это историко-географическая область, расположенная между озёрами Балхаш на севере, Алаколь на северо-востоке, между Джунгарским Алатау на востоке и бассейном верхнего течения р. Нарын на юге. В современных политических границах — это территории Кыргызстана и Казахстана. Название происходит от семи рек, впадающих в озеро Балхаш. Семиречье — один из древнейших центров земледелия, основанного на искусственном орошении. То есть это область с древней и богатой историей, хорошо развитой экономикой, культурой. В середине I тыс. н.э. в Семиречье существует очень сложная этнополитическая ситуация. Здесь одновременно проживают представители разных этнических групп, но главная роль принадлежит тюркам, китайцам и согдийцам. Тюрки считаются господствующим этносом, китайцы здесь стоят как военные гарнизоны в укрепленных поселениях, а согдийцы населяют города и поселки, занимаются земледелием и торговлей, являются податным населением для тюрков.

Владением тюрков Семиречье становится с VI в. Первый тюркский каганат проводил очень агрессивную внешнюю политику. За сравнительно небольшой промежуток времени тюрки создали огромное государство — от Манчжурии до Азовского моря. Однако такое огромное государство, совершенно естественно, было непрочным. Многочисленные племена и народы, вошедшие в состав государства, усиливали центробежные силы, а князья, рвущиеся к личной власти, начинали междоусобные распри.

Уже в 581 г., не просуществовав и 30 лет, это государство распалось на два каганата, враждующих между собой, Восточный и Западный[4]. В богатом Семиречье и находился центр Западно-тюркского каганата. В свою очередь это политическое образование при кагане Шаболо Хилиши (634-638 гг.) разделилось на 10 частей, образовав союз «народа 10 стрел». Это была конфедерация кочевых племен, но в нее входила и часть населения, занимавшегося землепашеством, ремеслом и торговлей. «Народ десяти стрел» (Он ок будун) делился на два союза племен — пять к западу и пять в востоку от р. Чу. Первые назывались Нушиби, а вторые — Дулу.

В 651 г. Западно-тюркский каганат потерпел поражение от китайских войск и на территории каганата были образованы два китайских административных округа, которыми управляли китайские чиновники. Китайцы устроили свои укреп-

---

[1] *Илюшин А.М.* Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. С. 114-119.

[2] *Кузнецов Н.А.* К вопросу о народе «Бома» // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы III Всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. Омск, 1995. Ч.1. С 37-40.

[3] *Илюшин А.М.* Политические события середины VIII века в Средней Азии и миграционные процессы в лесостепной зоне Западной Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып.1. Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1989. С. 28-29; *Илюшин А.М.* Этнокультурная история... С. 127-130.

[4] *Могильников В.А.* Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М.: Наука, 1980. С. 29.

ленные фактории на трассе Великого шелкового пути, который проходил и через Семиречье. Китайские гарнизоны, размещенные на завоеванных землях, обеспечивали защиту торговли и стояли на страже интересов Китая. Международная торговля по Великому Шелковому пути велась как никогда интенсивно. Однако уже в 70-е годы VII в. власть китайских чиновников была скорее символической, чем реальной.

Тюргеши — одно из племен Дулу, пришли к власти в Семиречье в 704 г. Им приходилось вести упорную и длительную борьбу с внешними врагами. Кроме основного противника — возродившегося Второго Тюркского каганата, появился новый опасный враг — арабы. После разгрома, нанесенного тюргешам полководцем Второго Тюркского каганата «Мудрым» Тоньюкуком, им пришлось пережить очень сложные времена. Только в 716 г. группировке «черных» тюргешей удалось восстановить независимость и возродить государство. Каганом его стал Сулук (716-738 гг.), который «...после каждого сражения добычу раздавал подчиненным, и довольные роды служили ему всеми силами».

Раннесредневековая городская и земледельческая культура Западнотюркского каганата была создана, в основном, с участием согдийцев, основавших свои торгово-земледельческие колонии на Великом Шелковом пути, в том числе и в Семиречье. Искусные земледельцы, ремесленники и торговцы, согдийцы были основными посредниками в торговле на международной трассе Великого Шелкового пути.

В VI-VII вв. в Чуйской и Таласской долинах возникают крупные согдийские города, такие как Тараз, Суяб, и другие. Согдийцы, выходцы из Самарканда, Бухары, Тохаристана и Чача перенесли в Таласскую и Чуйскую долины свою религию, культуру и товарно-денежные отношения, которые в самом Согде уже насчитывали не одно столетие. Согдийцы же и изготавливали монеты от имени тюргешских каганов.

Однако каган Сулук оказался самым предприимчивым и могущественным среди тюргешских каганов, и после его смерти не оказалось ни одного кагана, который бы смог сравниться с ним. Гибель Сулука положила начало длительной борьбе за власть между «желтыми» и «черными» тюргешами, что и привело к ослаблению Тюргешского каганата. Воспользовавшись его фактическим распадом, китайская (Танская) администрация Западного края постепенно подчинила своей власти Семиречье, а имперская армия продвинулась на рубеж Сырдарьи. Но в 751 г. на реке Талас арабское войско под руководством Зияд ибн-Салиха наголову разгромило 30-тысячный корпус китайцев и их союзников[1]. На этом надолго закончились попытки Китая продвинуться на запад, тем более что в 755 г. Танский Китай потерял и Кашгарию. Тибет отрезал от Китая западные земли. Продолжить борьбу Китаю помешало восстание Ань Лушаня, так как речь шла уже о существовании самого Танского государства[2].

Тем не менее, арабам также не удалось установить свою власть в Семиречье. Считается, что арабы были «остановлены в битве при Таласе», которая продолжалась 5 дней, и победили арабы только в связи с изменой китайских союзников — карлуков, ударивших китайцам в спину. И действительно, дальше на восток арабы не продвинулись.

Тюргешский каганат прекратил свое существование только в 766 г. Он был завоеван другим тюркоязычным же народом — карлуками. Эта смена правящего этноса не привела к заметным изменениям ни в городском жизненном укладе, ни

---

[1] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 368.

[2] *Малявкин А.Г.* Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск: СО изд-ва Наука, 1992. С. 228.

в денежном хозяйстве, поскольку продолжал находиться в обращении основной тип монеты с титулом тюргешского кагана. Для рядового согдийского населения городов сменилась только «правящая элита», остальное все осталось по-старому. Массовый приток согдийцев в этот период способствовал дальнейшему росту городов и поселений в Семиречье. Веротерпимость тюрков позволяла сосуществовать здесь зороастрийцам, общинам христиан-несториан, манихеев, буддистов, что привлекало сюда людей из областей, занимаемых арабами-мусульманами. Но постепенно новая религия — ислам — стала главенствовать и здесь.

По высказанной А.М. Илюшиным версии, часть тюргешей мигрирует на север непосредственно после 751 г., спасаясь от арабов[1]. Однако рядовым тюргешам не было нужды покидать родные кочевья. В качестве одного из аргументов появления тюргешей в Кузнецкой котловине А.М. Илюшин приводит наличие в здешних погребальных комплексах тюргешских монет.

К сожалению, до настоящего времени нет достаточно представительной серии средневековых монет с территории Кузнецкой котловины.

Как однажды сказал В.Н. Татищев, древние монеты источник скудный, однако же не совсем бесполезный. Это высказывание как нельзя лучше подходит для определения монетного комплекса из памятников верхнеобской культуры в Кузбассе. Так как выборка монет из этих памятников достаточно скромная, информации мы можем получить здесь не много. Но все-таки источник этот достаточно интересный.

Монеты, которые были обнаружены в памятниках верхнеобской культуры, использовались средневековым населением Северного Алтая не по своему прямому назначению. Естественно, денежного обращения у средневековых кочевников Южной Сибири не было. Привозные монеты использовались как амулеты (вроде современных китайских монетовидных амулетов). Исключение, видимо, составляют полулегендарные золотые монеты из Терехинского клада. Золото использовалось именно как драгоценный металл, как сокровище. «Полулегендарными» мы называем эти монеты потому, что не сохранилось до наших дней ни их точного описания, ни изображения. То, что на них был изображен человек с крестом, позволяет предполагать, что монеты были византийскими, но твердой уверенности в этом нет[2].

Монеты из драгоценных металлов имели внутреннюю стоимость. Они представляли собой «клейменый» государством кусочек благородного металла определенного веса и пробы. Китайские же медные и бронзовые монеты такой «внутренней» стоимости не имели. Обращаться по принудительному курсу они за пределами страны-эмитента не могли.

Китайские бронзовые монеты были зафиксированы на территории Кемеровской области в таких памятниках верхнеобской культуры, как курганные могильники Сапогово, Саратовка, Шабаново-I, Шестаки-II.

Три монеты (2 из Саратовки и 1 из Шестаков) хранятся в фондах музея «Кузнецкая крепость». Одна из этих монет «чанпин ушу» (Рис. 1, 1), изготавливалась в Китае (государство Северная Ци) в 553 г. при императоре Вэнь Сюане. Эмиссия таких монет относится только к одному году, но это была «стабилизационная» монета, предназначенная для закупок риса в государственные хранилища в урожайные годы, в связи с чем долго держалась в казне и впоследствии находилась в обращении длительное время. Две другие монеты имеют номинал в

---

[1] *Илюшин А.М.* Этнокультурная история... С. 127-128.

[2] *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 548; *Коротаев А.М.* К истории археологического изучения верхнего и среднего течения р. Томи // ИЛАИ. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979. Вып. 10. С. 144.

«5 шу» (У-шу) (Рис. 1, 2-3). Монеты номиналом в «5 шу» (У-шу), имеют даты выпуска от 118 г. до н.э. до 581 г. н.э.[1] Наши монеты относятся к эмиссии династии Суй, 581 г.[2]

Наиболее многочисленны в средневековых памятниках Кузбасса монеты «Кайюань тунбао». Однако их известно с территории Кузбасса тоже менее десятка. Основная масса их изготовлена в государстве Тан. Монета «Кай-юань» из Шабаново, хранящаяся в музее археологии Кемеровского гос. университета (Рис. 1, 4) относится к ранней эмиссии (621 - сер. VIII в.).

В курганах верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье монеты известны из могильников Юрт-Акбалык-8, Умна-3, Красный Яр-1, Каменный Мыс, Чингис-2. Это 9 монет «ушу», 2 монеты «Юнтун ваньго» эпохи Северного Чжоу (выпускались в 579-580 гг.), 4 монеты «чанпин ушу» 553 г. и 8 танских «кайюань тунбао»[3].

Кроме того, в памятниках верхнеобской культуры присутствуют и монеты, изготовленные не в Китае. Известны одна сасанидская и одна хорезмийская монеты VI-VII вв.[4] Но, естественно, для нашей темы наибольший интерес представляют 4 монеты (Рис. 1, 6) отлитые по образцу китайских монет, но несущие надпись, выполненную согдийским алфавитом, которая гласит: «Господин тюргешский каган. Фан» (Рис. 1, 6). Фан — это обозначение номинала монеты. Название происходит от китайского названия монет — «цянь». На реверсе тюргешских монет изображена тамга в виде лука или в ее начертании усматривают один из вариантов написания рунической буквы «ат» (t^1) (Рис. 1, 5).

Все эти 4 монеты из памятников верхнеобской культуры относятся к наиболее распространенному типу (четвертый тип по О. Советовой) тюргешских монет (Рис. 1, 5). Время начала эмиссии — начало VIII в. По мнению В. Кошевара, в Чуйской долине, такие монеты по своему прямому назначению использовались, скорее всего, не позже середины IX в.

Всего из памятников верхнеобской культуры нами рассмотрено около 40 экземпляров монет: 10 «Ушу», 2 «Юнтун ваньго», 5 «Чанпин ушу», более 15 «Кайюань тунбао», 4 тюргешских фана, 1 сасанидская и 1 хорезмийская. Даты их эмиссии укладываются в рамки 553-581-621 гг., то есть охватывают конец VI – нач. VII вв. В обращении находились они вплоть до позднего средневековья. Среднеазиатских и Восточнотуркестанских монет 6. Из них 4 тюргешские датируются началом VIII в. н.э. Таким образом, получается несколько странный временной разброс с середины VI по VIII вв. Монеты образуют несколько хронологических групп. Но обнаружены они в составе инвентаря памятников, которые датируются приблизительно одним временем.

Наличие китайских монет в синхронных верхнеобским археологических комплексах Северного Алтая уже привлекало внимание нумизматов. Так на X Всероссийской нумизматической конференции был представлен доклад В.В. Серова «О причинах появления первых монет на Алтае». Автор выделяет две хронологи-

---

[1] *Воробьев М.В.* К вопросу определения древних китайских монет «5 шу» («ушуцянь») // ЭВ. 1971. XX. С. 15-28.

[2] Определения монет из Кузнецкой котловины сделаны специалистом по восточной нумизматике В. Кошеваром на интернет-сайте Alwian. Приношу ему искреннюю благодарность за консультацию.

[3] *Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура... С. 30; *Масумото Т.* Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII ЗСАЭК. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 49-52.

[4] *Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура... С. 31.

ческие группы монет и выдвигает следующие версии, объясняющие причины появления монет на Алтае: 1) первое поступление монет на Алтай связано с включением его территории в состав Тюркского и I Восточно-тюркского каганатов, а также с активностью алтайских тюрок, привозивших монеты из военных походов. 2) Другая партия монетного материала датируется периодом второй половины VII-VIII в. По-видимому, основным источником поступления монет на Алтай в то время оставались походы тюрок. Нумизматический материал отражает участие алтайских тюрок в походах на Семиречье и против Танской империи. 3) После VIII в. поступление монет на Алтай прекращается[1].

Весьма любопытно совпадение в выделении хронологических групп монет Северного Алтая и Новосибирского Приобья (включая Кузнецкую котловину). Очевидно, что причины формирования этого «монетного запаса» на двух соседствующих территориях аналогичны. Этот «массив» монет единый. При этом археологические культуры на этих близких территориях не идентичны, что позволяет считать, что заселены были эти территории разными этническими группами. Предположение, вслед за гипотезой В.В. Серова, что монеты появляются в Кузнецкой котловине вследствие дальних военных походов, нам представляется слишком натянутым.

Другая версия появления монет в Западной Сибири высказана Т. Масумото, который считает, что китайские монеты проникали на север через Южную Сибирь в процессе тюркизации западносибирской территории. Приток тюркского населения на север из южной степи шел тремя волнами: первая совпадает с периодами максимальной экспансии Первого и Второго тюркских каганатов во второй половине VI и VIII вв. Вторая волна приходится на середину и вторую половину IX в. — эпоху активной экспансии каганата древних хакасов. Третья волна приходится на XI и XII вв., и была обусловлена подвижкой кочевых племен начала II тысячелетия н.э. Можно предполагать, что и китайские монеты проникали в Западную Сибирь поэтапно. С первой волной связано появление «У-шу», «Чанпин у-шу» и «Юнтун вань го», найденных в могильниках Умна, Юрт-Акбалык и Лихачево. Вторая волна «принесла» монеты «Кайюань тунбао»[2]. Здесь он так же, как В. Серов, связывает появление монет VI и VIII вв. с периодами «максимальной экспансии Первого и Второго тюркских каганатов».

Несмотря на попытки нумизматов разложить монеты на две хронологические группы, мы обнаруживаем в материалах одного памятника монеты разных хронологических групп. Важно то, что более ранние монеты — это китайские монеты VI в. При всем том, что нам известна дата их выпуска, мы не можем точно определить время, когда монеты данных типов перестали использоваться в обращении. Все эти «ранние» монеты продолжали оставаться в обращении во все время существования империи Тан.

Вопреки представлению, формируемому А.М. Илюшиным, об «исходе» тюргешей из Семиречья, оказывается, что снижение интенсивности товарно-денежных отношений в восточной части Чуйской долины произошло только в IX – нач. X вв.[3] Это говорит о том, что, несмотря на сложную политическую ситуацию и частые войны, экономическая ситуация после утраты тюргешскими вождями контроля над Семиречьем, оставалась достаточно стабильной и благоприятной. Явных причин к миграции не появилось.

---

[1] *Серов В.В.* О причинах появления первых монет на Алтае // 10-я Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2002. С. 49.

[2] *Масумото Т.* Китайские монеты... С. 52.

[3] *Кошевар* В.Г. Новые нумизматические свидетельства торговых отношений в Семиречье VII-XII вв. // Диалог цивилизаций. Бишкек, 2004. №2(5). С. 38-39.

Кроме китайских и восточнотуркестанских монет, в памятниках Кузбасса встречается довольно много явно привозных вещей. В частности, в могильнике Шестаки-II, нами были найдены такие предметы, как бронзовый кувшин с арабской надписью (Рис. 2, 1-2), срединная костяная накладка от лука, с вырезанной на ней тамгой (Рис. 2, 3-4). Любопытно, что тамга находит практически точную аналогию на одной из восточнотуркестанских монет (Рис. 2, 5). Большой интерес представляет находка серебряного позолоченного брактеата, из которого была изготовлена ременная накладка.

Эти предметы могут способствовать объяснению появления монет в Южной Сибири. Особенно брактеат, который переиспользован с единственной целью — скрыть изображение лица человека. Очевидно, эта переделка связана с требованиями ислама, запрещающими делать изображения людей и животных. Ислам стал господствующей религией в Семиречье не сразу. Этот процесс растянулся на долгие годы. И совпадает этот процесс по времени с господством в Семиречье карлуков, глава которых имел титул «Царь Алтая»[1].

В пользу того, что привозные предметы (монеты в том числе), попадают в Новосибирское Приобье и на Северный Алтай во время господства карлуков, свидетельствует то, что сами памятники, в которых обнаружены монеты VI-VIII вв., датируются VIII-X вв. Сами предметы (бронзовые монеты, недорогие бытовые вещи) свидетельствуют, что, скорее всего, они не являлись военной добычей. Даже дорогие византийские (предположительно) монеты, вероятнее всего, попадают на Сибирские земли по одной и той же причине. Полученные (и, видимо, в значительных объемах, так как Западно-тюркский каганат некоторое время контролировал торговлю шелком), эти монеты оказались «вне закона» при исламизации края. Предприимчивые купцы решили, что их выгоднее обменять на соболиные шкурки, чем просто переплавить на металл. Все находки монет в Западной Сибири — материальное свидетельство торговли, которая велась предприимчивыми семиреченскими купцами (вероятно, согдийцами), с племенами Северного Алтая. При этом монеты выступали, совершенно очевидно, не платежным средством, а товаром. Они продавались как амулеты.

Во времена господства «Царя Алтая», как именовали карлукского ябгу, торговые пути проходили практически не пересекая «чужих», неконтролируемых территорий. Такая торговля была относительно безопасна и чрезвычайно выгодна. За предметы, которые массово производились в ремесленных мастерских Суяба, Тараза и десятков других городов, руины которых известны среди археологических памятников Семиречья, купцы получали экзотические для Средней Азии товары. Это были дорого ценившиеся шкурки соболя (в памятниках верхнеобской культуры можно часто встретить в качестве амулета половинку нижней челюсти соболя), бересту (знаменитое дерево хаданг) и иные подобные товары, которые позволяли получить хорошую прибыль.

По нашему мнению, привозные вещи, в том числе и ранние монеты, которые обнаруживаются в памятниках верхнеобской культуры, попали в Сибирь в основной своей массе не в результате военных походов или миграций значительной части центрально-азиатского населения (хотя отрицать миграционные процессы ни в коем случае нельзя), а в результате торговых операций в течение VIII-IX вв. (так как уже в X в. наблюдается кризис товарно-денежных отношений на территории Семиречья).

---

[1] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993. С. 369.

ЛИТЕРАТУРА

Гумилев, Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. М., 1993. 526 с.

Воробьев, М.В. К вопросу определения древних китайских монет «5 шу» («ушуцянь») / М.В. Воробьев // ЭВ. 1971. XX. С. 15-28, 4 табл.

Илюшин, А.М. Политические события середины VIII века в Средней Азии и миграционные процессы в лесостепной зоне Западной Сибири / А.М. Илюшин // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып.1. Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1989. С. 28-29.

Илюшин, А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья / А.М. Илюшин. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Киселев, С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Коротаев, А.М. К истории археологического изучения верхнего и среднего течения р. Томи / А.М. Коротаев // ИЛАИ. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979. Вып. 10. С. 142-148.

Кошевар, В.Г. Новые нумизматические свидетельства торговых отношений в Семиречье VII-XII вв. / В.Г. Кошевар // Диалог цивилизаций. Бишкек, 2004. №2(5). С. 34-39.

Кузнецов, Н.А. К вопросу о народе «Бома» / Н.А. Кузнецов // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы III Всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. Омск, 1995. Ч. 1. С 37-40.

Малявкин, А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию / А.Г. Малявкин. Новосибирск: СО изд-ва Наука, 1992. 288 с.

Масумото, Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири / Т. Масумото // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII ЗСАЭК. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 49-52.

Могильников, В.А. Тюрки / В.А. Могильников // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М.: Наука, 1980. С. 29-43.

Серов, В.В. О причинах появления первых монет на Алтае / В.В. Серов // Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2002. С. 48-49.

Троицкая, Т.Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. Новосибирск: Изд-во ИАИЭ СО РАН, 1998. 152 с.

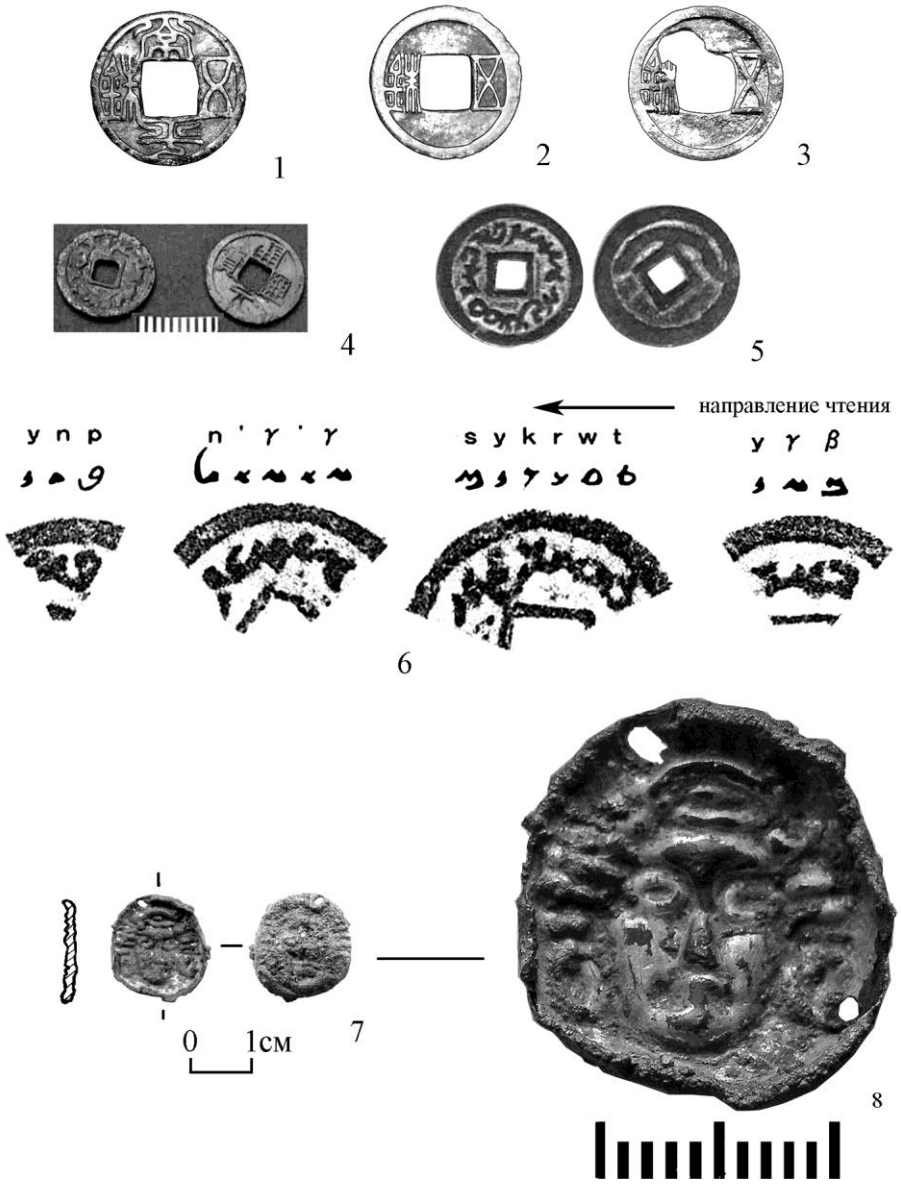


Рис. 1. 1-3 — монеты из фондов музея «Кузнецкая крепость»:
1 — Чанпин ушу; 2-3 — У-шу. 4 — тюргешский фан и танская Кайюань тун-бао (монеты из фондов музея археологии КемГУ); 5 — наиболее распространенный тип тюргешских монет; 6 — надпись на тюргешских монетах (взято с нумизматического Интернет-сайта. Режим доступа: http://www1.u-netsurf.ne.jp/~sirakawa/C014.htm);
7-8 — брактеат с изображением лица человека.

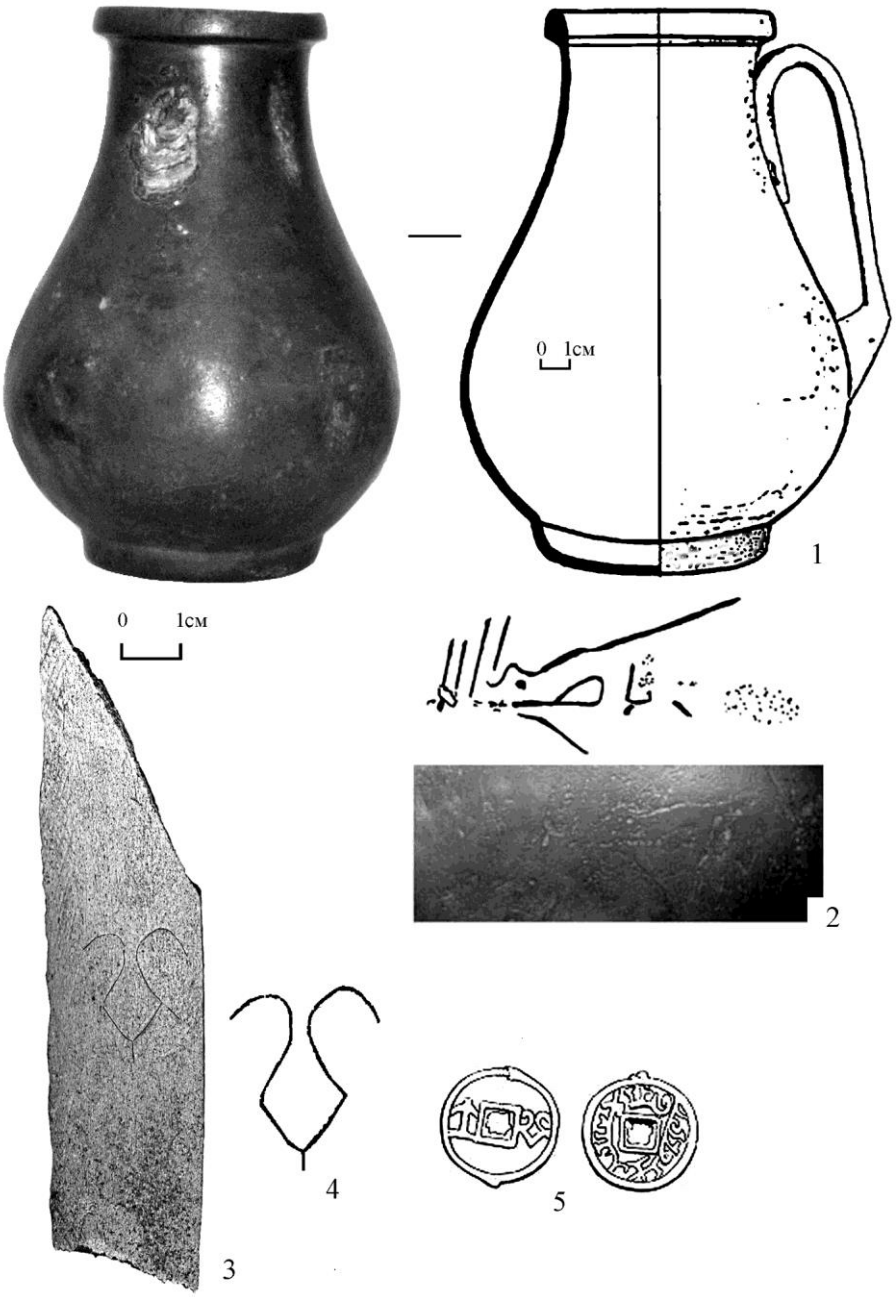


Рис. 2. 1 — бронзовый кувшин из могильника Шестаки-II; 2 — надпись на тулове кувшина; 3 — тамга на накладке от лука; 4 — прорисовка тамги; 5 — монета из Семиречья с аналогичной тамгой.

Ю.В. Ширин

К проблеме этнической атрибуции южно-сибирских археологических комплексов нового времени в зоне расселения русских[1]

В 1935 г. кузнецкий краевед К.А. Евреинов обнаружил в с. Староабашево ранее неизвестный археологический памятник. Здесь, немного выше устья р. Абашевой, в осыпях подмытого правого берега р. Томи, он собрал разнообразный подъемный материал. Вскоре К.А. Евреиновым была составлена подробная опись этих находок, которую он, являясь профессиональным художником, сопроводил тщательно выполненными рисунками[2]. Материалы Абашевской стоянки, собранные в 1935 г., не сохранились, но 2 альбома рисунков К.А. Евреинова позволяют иметь о них полное представление. Среди подъемных материалов были: колотые кости (лошадь, корова, овца, собака, птица), галечные грузила для сетей, битые камни, фрагменты толстостенной лепной керамики без орнамента. Абашевскую стоянку К.А. Евреинов отнес к неолиту. Следует отметить, что, будучи дилетантом в области археологии, он «датировал» свои находки неолитом всякий раз, когда среди «древностей» вместе с изделиями из камня и кости встречалась лепная керамика и отсутствовали предметы из металла. В данном случае К.А. Евреинов с датировкой ошибся.

Поиск аналогий лепной керамике Абашевской стоянки показал, что она наиболее близка керамике шорского производства, собранной этнографами в данном регионе в начале XX в. (коллекции МАЭ, МАЭС ТГУ, НКМ). Фрагменты сходной керамики были найдены У.Э. Эрдниевым при обследовании на р. Томи мест заброшенных шорских улусов XIX в.— Акколь и Косой Порог[3].

В ходе натурного обследования Абашевской стоянки, проведенного автором в 1988 г., были сделаны находки аналогичные сборам 1935 г.: фрагменты лепной и гончарной керамики, галечные грузила. При зачистке обнажений террасы, на нескольких участках выявлены объекты со следами гибели от пожара. В заполнении углубленных частей этих объектов были найдены фрагменты разнообразных бытовых предметов, обломки керамики, колотые кости, прокаленная глина от развала печей. В одной из линз на месте сгоревшего объекта было найдено 7 медных общегосударственных российских монет (у всех монет гурт гладкий): 2 коп. (1815 г., А.М., К.М.); 2 коп. (1822 г., А.М., К.М.); 2 коп. (1838 г., С.М.); 2 коп. (1838 г., С.М.); 1 коп. сер. (1842 г., С.М.); 1 коп. сер. (1846 г., С.М.);

---

[1] Согласно письму Института археологии РАН от 30 ноября 2000 г. № 14102/217-2-106: «Памятники русского населения Сибири и Дальнего Востока XVII - нач. XX в. подлежат учёту, охране и исследованиям наравне с другими объектами археологического наследия».

[2] *Евреинов К.А.* Абашевская неолитическая стоянка (1935 г.) (2 альбома) // Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 28.

[3] *Ширин Ю.В.* Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 48-49.

1 коп. сер. (1846 г., С.М.)[1]. В объекте с монетами также были найдены: галечные грузила для сетей, обломок боченковидного грузила из белой глины (Рис. 1, 1), точило из длинной гальки, железные скобяные изделия, обломок фарфорового блюдца (российского производства) с мелкими розочками, обломок гончарной миски с пятнистой зеленой глазурью, фрагменты лепных сосудов из двух типов глиняного теста — с примесью мелкого песка (Рис. 1, 6) и с примесью дресвы. Лепные сосуды из разного теста по форме сходны, но только горшки с примесью дресвы были украшены гребенчатым орнаментом (Рис. 1, 2-5).

Таким образом, было окончательно установлено, что подъемные материалы К.А. Евреинова в с. Староабашево связаны с существованием населенного пункта нового времени. Этническая атрибуция этих находок также особой сложности, вроде бы, не должна составлять. Староабашево — современное название бывшего улуса Абашевского. По данным переписи 1897 г., в ул. Абашевском проживало 234 шорца, 29 телеутов, 3 русских[2]. То, что находки Абашевского поселения связаны с ранними периодами существования шорского улуса, подтверждает и обилие среди находок лепной керамики характерного шорского производства. В 1976 г. антропологом В.А. Дремовым на старом кладбище в с. Староабашево проведено вскрытие могил предположительно XIX-XX вв. Это кладбище располагается на низкой пойме в устье р. Абашевой. Ранее в этом месте села, немного ближе к берегу р. Томи и на более высокой отметке, стояла деревянная церковь на каменном фундаменте. Сейчас данный участок частично застроен, но местные жители знают о старых захоронениях и указывают место, где в огороде встречаются камни от фундамента церкви. В результате раскопок В.А. Дремовым была составлена коллекция из 21 мужского и 23 женских черепов[3]. Данные, полученные при изучении этой краниологической коллекции, являются основой для характеристики антропологических особенностей северных популяций шорцев[4].

В ходе археологических работ, проводимых нами в с. Староабашево в 1996 г., в обнажениях террасы р. Томи было выявлено и исследовано еще несколько объектов нового времени. Один из них представлял собой подпольное углубление жилого дома подквадратной формы 3х3 м, глубиной от современной поверхности 0,7 м. Яма не имела следов деревянной обшивки. На пашне, которая полностью разрушила следы наземной части постройки, были найдены: мелкие фрагменты керамики, железный черешковый наконечник стрелы с плоским ромбическим острием (Рис. 4, 4) и бронзовый нательный крест с волютами и лучами в углах средокрестия, и с цатой на месте распятия (Рис. 4, 1). В ходе выборки заполнения выявленного подпольного углубления было найдено большое количество обломков керамики, железные предметы, кости животных.

---

[1] В скобках указаны: год выпуска монеты, знак минцмейстера (А.М. — Алексей Малеев (на монетах 1812-1817 гг.) или Андрей Мевиус (на монетах 1821-1830 гг.).) и монетного двора (К.М. — с 1802 по 1830 г. Сузунский монетный двор чеканку монет производил штемпелями с обозначением Колыванского монетного двора; С.М. — Сузунский монетный двор на Сузунском медеплавильном заводе).

[2] *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. 2. С. 277.

[3] *Дремов В.А. и др.* Краниологические источники // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Расогенез коренного населения. Томск, 1998. Т. 4. Гл. 2.1. С. 29.

[4] *Дремов В.А., Ким А.Р.* Население северных предгорий Алтая // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Расогенез коренного населения. Томск, 1998. Т. 4. Гл. 2.2. С. 51-67.

Основная масса керамики из исследованного объекта была представлена развалами лепных сосудов. Это были горшки с различной профилировкой венчиков (Рис. 2, 2-8), единичные миски (Рис. 1, 8, 10). Большая часть лепных сосудов имела в тесте примесь дресвы, но встречены сосуды и с примесью песка (Рис. 2, 5). Один из сосудов выделялся необычным тестом, из которого был изготовлен. Его черепки имели серебристый оттенок от подмешанного в глину мелко истолченного волокнистого голубоватого минерала. Кроме того, данный сосуд имел нестандартную форму, более тонкие стенки, был украшен налепным валиком в зоне шейки (Рис. 1, 9). На плечике еще одного горшка отмечены оттиски гребенчатого штампа (Рис. 1, 7). Выявлен только один фрагмент от сосуда, изготовленного на ручном гончарном круге — обломок миски с приостренным венчиком и срезанной шпателем, для большей тонкости, поверхностью (Рис. 2, 1).

Из металлических предметов найдены: 6 крупных железных черешковых ножей (часть из них в обломках) (Рис. 3, 9-12), узкое долото (Рис. 3, 5), шило (Рис. 3, 8), выпрямленный рыболовный крючок с бородкой (Рис. 3, 4), прямоугольная рамка пряжки (Рис. 3, 6), коса-горбуша с отломанным кончиком (Рис. 3, 7), обломок лезвия топора (угол отломился по кузнечному сварному шву) (Рис. 3, 2), петля с треугольным щитком с заклепками, видимо, для крепления к ремню или котлу (Рис. 3, 3). Редкой находкой является железная складная бритва или нож с деревянными щечками на рукояти, приклепанными тонкими штифтами (Рис. 3, 1).

Находки из камня представлены абразивными галечными брусками, осколками кремня с забитыми гранями — серыми кресальными (Рис. 4, 7) и розовыми или розово-серыми пищальными (Рис. 4, 5, 6). Плоскость одного из пищальных кремней имела следы от выгорания запального порохового заряда (Рис. 4, 6).

Кроме этого найдена крупная светло-синяя пастовая бусина (Рис. 4, 2) и обломок прямоугольного гребня из пластины бивня мамонта, с редкой и частой нарезками зубьев (Рис. 4, 3).

Среди костей следует отметить набор заготовленных для поделок рогов косуль (Рис. 4, 8-11). В подполе был найден полный череп (с совмещенной нижней челюстью) взрослой росомахи с проломом в затылочной части. Судя по найденным здесь же когтям, — это была шкура, снятая вместе с головой. Интересно, что такая шкура (именно росомахи) обычно использовалась как прикроватный коврик в быту русских сибиряков-старожилов.

Датирующие признаки комплекса находок из исследованного подпола позволяют достаточно уверенно отнести период функционирования связанного с ним объекта к концу XVIII в. Выявленные здесь формы керамики и металлического инвентаря, именно в таком сочетании, характерны для материалов русских деревень Кузнецкого края, которые датируются по сопутствующим монетам второй половиной XVIII в.[1] К этому же периоду восходит распространение складных опасных бритв[2] и ножей. Находок, сделанных в более поздних объектах культурного слоя с. Староабашево (стекла, русского фарфора, керамики с характерной для первой половины XIX в. глазурью и т. п.), в заполнении подпола не было. Тем не менее, полностью исключать возможность гибели данного объекта в начале XIX в. нельзя.

Как ни странно, гораздо больше сомнений может вызывать этническая атрибуция данного комплекса. А именно, связан ли исследованный объект со следами шорского улуса? Прежде всего, бросается в глаза несоответствие интерьерных

---

[1] *Ширин Ю.В.* Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. Рис. 2-3.

[2] Считается, что складные опасные бритвы появились в 1760 г.

особенностей выявленного объекта типичным постройкам кузнецких татар. Подобных подпольных углублений в них не предусмотрено. Вместе с тем, активное взаимодействие пришлого и местного культурных комплексов Кузнецкого края — объективная реальность, которую необходимо учитывать при анализе археологических объектов нового времени. Уже в начале XIX в., по наблюдениям Г.И. Спасского: «Избы их (В данном случае имеются в виду телеуты, но это же можно отнести и к северным этнотерриториальным группам кузнецких татар. — *Ю.Ш.*) сходны с тамошними крестьянскими... Достаточные телеуты имеют порядочные горницы, снабженные лавками, скамьями, полками и столами. В таковых домах живут они зимою и летом. Почти при каждом из них есть двор, скотский пригон и хлевы для мелкого скота»[1]. Пока не ясно, можно ли данные наблюдения переносить на вторую половину XVIII в. Дело в том, что исследователи XVIII в., посвящавшие свои труды характеристике этнических культур Кузнецкого края, прежде всего акцентировали внимание на своеобразии аборигенных комплексов и мало уделяли внимания признакам культурного влияния со стороны русского населения. Возможно, это связано и с отсутствием для того времени ярких примеров такого влияния.

Теперь обратимся к керамике. Горная Шория — регион, где в первой половине XX в. в традиционном хозяйственном комплексе коренных этнических групп зафиксировано гончарство. Этнографами данный факт был интерпретирован как результат консервации древней традиции[2]. Подчеркивая архаичность данной керамической традиции, исследователи проводили ей параллели с тагарской и таштыкской керамикой.

Представление о принадлежности данного типа керамики шорской этнической культуре было настолько устойчивым, что до недавнего времени, когда фрагменты подобной лепной керамики мы встречали при раскопках в русских деревнях в окрестностях бывшего г. Кузнецка и в самом Кузнецке, мы не особенно сомневались, называя ее «шорской» керамикой. Этому также способствовало то, что и в исторических источниках имелись сведения о поставках в XIX в. керамики кустарного шорского производства на кузнецкий рынок.

Благодаря активизации в Сибири во второй половине XX в. весьма плодотворных археологических исследований русских памятников XVII–XVIII вв., стало возможным выявление некоторых культурных особенностей русских переселенцев, в том числе и характерных черт их гончарства. Впрочем, посуда у русских поселенцев, которой они пользовались в повседневной жизни, была не только из глины, но и из металла, дерева, бересты, стекла, фарфора. Важно то, что археологические источники дали тот материал в освещении самобытной культуры русских сибиряков, о котором умалчивают письменные источники. Чаще всего глиняная посуда была сделана на ручном гончарном круге, но могла изготавливаться и без круга. На русских памятниках она представлена: горшками, корчагами, подойниками, кувшинами, сковородами (латками), мисками, кружками, чайниками, солонками и т.п. Кроме посуды собственного производства, русские переселенцы и XVII-XVIII вв. пользовались и привозной. Она была лучшего качества, изготовлена на ножном гончарном круге, глазурованная или чернолощеная. Также использовалась местная инородческая посуда, как правило, сделанная из глины лепным способом. Количество кустарно выполненной лепной посуды на поселениях Притомья увеличивается с массовым заселением крестьянами этих

---

[1] *Спасский Г.И.* Телеуты, или Белые калмыки // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. СПб., 1821. Ч. 16. Кн. 10. С. 9-10.

[2] *Потапов Л.П.* Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. С. 98-99; *Прыткова Н.Ф.* Глиняная посуда якутов // Сборник МАЭ. М.; Л., 1955. Вып. 16. С. 161-162.

земель в XVIII в. Опыт исследования памятников Притомья XVII-XIX вв. показывает, что наличие в объектах поселения лепной керамики (в том числе и орнаментированной) не обязательно является свидетельством его «не русской» принадлежности. Напротив, это типично для русских памятников Кузнецкой котловины[1].

В результате накопления опыта археологических исследований поселенческих комплексов Притомья XVII-XX вв. стало понятно, что зафиксированный этнографами керамический промысел у одной из групп кузнецких татар (д. Усть-Мрасс на р. Томи, в районе современного г. Мыски) — не результат развития традиционного гончарства. Скорее всего, шорское гончарство XIX - нач. XX вв. сформировалось как результат интеграции северных групп кузнецких татар в русский хозяйственно-культурный комплекс. Собственные керамические традиции кузнецкими татарами к концу XVIII в., в основной массе, были утрачены. Их гончарство более позднего периода аналогично кустарному домашнему керамическому производству ряда групп переселенцев из центральной России. Так называемая «шорская» керамика была встречена на многих русских поселениях XVIII-XIX вв. Притомья (например, в с. Мунгатском) и Лесостепного Приобья, недоступных для возможных поставщиков глиняной посуды из Горной Шории. Весьма показательно, что такая же кустарная глиняная посуда была найдена в объектах сер. XIX - нач. XX вв. на местах расселения в Притомье представителей последних переселенческих волн из России.

При внимательном рассмотрении оказалось, что шорское гончарство имеет и вполне очевидные показатели заимствования — искаженные русские названия для отдельных гончарных приспособлений, технология замеса глины, формовки сосуда и обжига (в русской печи), типы готовой продукции и их искаженные русские названия. Нацеленность на русский рынок также подтверждает данное предположение. «Шорскую» посуду зачастую можно отличить от «переселенческой» только по наличию характерных орнаментов. Но орнаментированная посуда и на местах поселений кузнецких татар встречается редко, да и эти узоры не являются развитием их традиционной керамической орнаментации[2].

Таким образом, комплекс лепной керамики из с. Староабашева уже нельзя безоговорочно считать «шорским». Достаточно ранняя датировка комплекса и нехарактерные для этого периода для кузнецких татар особенности домостроительства, прослеженные на исследованном объекте, не исключали и того, что это следы «русского» поселения. Детальный анализ исторических источников вскоре подтвердил, что это предположение не беспочвенно.

Удалось даже выяснить название этой деревни. Оно сохранилось благодаря Г.Ф. Миллеру, который в ходе своего посещения Кузнецка в 1734 г. собрал подробные сведения о деревнях, относящихся к данному уезду. В частности, он писал: «Непосредственно к городу относятся: а) От Кузнецка вверх по реке Томи: 1. Атаманова, на западном берегу р. Томи, приблизительно в 10 верстах выше Кузнецка. 2. Бараткова, на том же берегу, в 8 верстах от предыдущей. 3. Безрукова, на восточном берегу, немного выше впадающей с востока р. Абашевой, в 20 верстах от Кузнецка. 4. Ефтифеева, или Безрукова, на запад-

---

[1] *Ширин Ю.В.* Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 17-34.

[2] *Ширин Ю.В.* Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 36-50; *Ширин Ю.В.* Керамика кузнецких татар на русских поселениях XVII века // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово, 1992. С. 106-113.

ной стороне, на маленьком рукаве р. Томи, в 4 верстах от Баратковой»[1]. В дневнике спутника Г.Ф. Миллера И.Г. Гмелина деревня в устье р. Абашевой упомянута при весьма необычных обстоятельствах. 17-го сентября 1734 г. он записал: «Ходили слухи, что вулкан имеется близ места впадения речки Абашевой в Томь... Нас уверяли, что близ упомянутого места из горы постоянно выходит дым. Нам с г-ном профессором Миллером интересно, конечно, было узнать, в чем причина такого явления, и в 10 часов утра мы выехали туда. Проехав более 18 верст по трудной дороге, мы доехали до Абашевой и перебрели ее. Близ нее, в версте от маленькой деревушки Безруковой, на берегу Томи, мы нашли гору, которую искали. Дорога туда все время шла в восточном направлении»[2].

Таким образом, в XVIII в. в устье р. Абашевой располагалась д. Безрукова, а не улус кузнецких татар. Судя по всему, в начале XVIII в. это был именно русский населенный пункт. В этом качестве в 1720 г. д. Безрукова впервые упомянута ревизией[3]. Как видно из перечня Г.Ф. Миллера, точно так же, как деревня в устье р. Абашеевой, могла называться и д. Ефтифеева, расположенная на противоположном берегу р. Томи, в 8 км выше по течению. Ефтифеева, отмеченная еще на карте С.У. Ремезова, в настоящее время называется именно так — д. Безрукова. Примечательно, что на карте С.У. Ремезова, отражающей ситуацию заселения окрестностей Кузнецка на 1670-е гг., деревня в устье р. Абашевой еще не отмечена[4]. Видимо, она появилась немного позднее.

Изучение доступного картографического материала показало, что бывшая д. Ефтифеева отмечена как д. Безрукова уже на карте Кузнецкого округа 1826 г., где в устье р. Абашевой отмечены инородческие юрты Абышевы. Может быть, в дальнейшем, с расширением круга источников, удастся более точно сказать, когда произошел перенос названий этих населенных пунктов. Деревня Безрукова Кузнецкой волости упомянута в ревизиях 1720, 1747 гг. без указания числа податного населения. В ревизии 1763 г. в ней отмечено 26 д.м.п., в ревизии 1782 г. — 36 д.м.п., 1795 г. — 31 д.м.п., 1812 г. — 28 д.м.п., 1834 г. — 45 д.м.п., 1850 г. — 56 д.м.п., 1858 г. — 59 д.м.п.[5] В приведенном И.Ю. Усковым перечне деревень Кузнецкой волости отсутствует д. Ефтифеева. Это не исключает того, что в представленных сведениях ревизских сказок скрыта информация о двух деревнях. Когда и о каких именно деревнях приведены сведения в ревизии, пока можно только предполагать. Возможно, не случайно между ревизиями 1812 и 1834 гг. происходит резкое изменение (почти в 2 раза) числа податного населения, числящегося за д. Безрукова.

По изустным преданиям шорцев-старожилов с. Староабашево (Чульжановы, Полтаевы), их предки переселились сюда в XIX в. после пожара в прежнем улусе, который располагался в одном из логов немного ниже по течению р. Томи от устья р. Абашевой. По воспоминаниям старожилов, улус и на новом месте неод-

---

[1] *Миллер Герард Фридрих*. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. / Подготовка к печати и перевод А.Х. Элерт // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера: История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. VI. С. 17-36.

[2] *Гмелин И.Г.* Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734») // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 86-107.

[3] *Усков И.Ю.* Ревизские сказки как источник по истории Среднего Притомья // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок, 2002. С. 173.

[4] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882. Л. 12.

[5] *Усков И.Ю.* Ревизские сказки... С. 173.

нократно горел. Один из самых больших пожаров в Староабашево был весной 1927 г. Тогда сгорело много построек, так как некому было тушить — большинство жителей ушло на дальние пашни.

В связи с вышеизложенным, следует обратить внимание на то, что, видимо, не случайно некоторые из обобщенных показателей морфологических признаков черепов из с. Староабашево вызвали вопрос антропологов — не являются ли они отражением результата смешения аборигенов с русскими переселенцами[1]. Не исключено, что это может быть связано и с тем, что это просто смешанная краниологическая коллекция. В нее могла попасть определенная доля «русских» переселенцев, погребаемых возле своей церкви на протяжении не менее 150 лет.

Выявление археологических памятников отдельных этно-территориальных групп, проживавших в Кузнецкой котловине и в Горной Шории в XVII-XVIII вв., только началось. Слабая разработка методологии подобных исследований может подталкивать к поспешным выводам. В частности, нельзя признать удачной предпринятую А.М. Илюшиным попытку выделения древностей аз-кыштымов (ашкыштымов)[2]. Приведенный пример с этнической атрибуцией материалов Абашевского поселения также показывает возможные ошибки, которые подстерегают археологов, находящихся под влиянием опривыченной практики работы в бесписьменном регионе.

Совершенно очевидно, что при интерпретации археологических комплексов нового времени требуется не только многоуровневый перекрестный анализ имеющихся археологических фактов, но и обязательное использование максимального числа дополнительных источников (архивных документов, картографических материалов, этнографических наблюдений). Только в этом случае можно рассчитывать на прояснение этнокультурной ситуации в соответствующем регионе, а также на создание основы для последующих ретроспективных исследований. В противном случае лучше воспользоваться советом Г.Ф. Миллера, который полагал, что: «Лучше будет, что древние истории о народах, за неимением основательных доказательств, в прежней темноте оставить, нежели сообщить к ним ложное изъяснение».

---

[1] *Дремов В.А., Ким А.Р.* Население северных предгорий Алтая. С. 58.

[2] *Илюшин А.М.* Материальная и духовная культура аз-кыштымов (по археологическим данным) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 132-138.

ЛИТЕРАТУРА:

Гмелин, И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734») / И.Г. Гмелин // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 86-107.

Дремов, В.А. Краниологические источники / В.А. Дремов, А.Н. Багашев, А.Р. Ким // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 4. Гл. 2.1. С. 29-44.

Дремов, В.А. Население северных предгорий Алтая / В.А. Дремов, А.Р. Ким // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 4. Гл. 2.2. С. 44-67.

Илюшин, А.М. Материальная и духовная культура аз-кыштымов (по археологическим данным) / А.М. Илюшин // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 132-138.

Кимеев, В.М. Жилище и хозяйственные постройки шорцев / В.М. Кимеев, А.В. Притчин // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 16-32.

Миллер, Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. (подготовил к печати и перевел А.Х. Элерт) / Г.Ф. Миллер // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера: История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. VI. С. 17-36.

Патканов, С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / С.К. Патканов. СПб., 1911. Т. 2. 432 с.

Потапов, Л.П. Очерки по истории Шории / Л.П. Потапов. М.; Л., 1936. 260 с.

Прыткова, Н.Ф. Глиняная посуда якутов / Н.Ф. Прыткова // Сборник МАЭ. М.; Л., 1955. Вып. 16. С. 145-164.

Спасский, Г.И. Телеуты или Белые Калмыки / Г.И. Спасский // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. СПб., 1821. Ч. 16. Кн. 10. С. 9-14.

Усков, И.Ю. Ревизские сказки как источник по истории Среднего Притомья / И.Ю. Усков // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок, 2002. С. 153-175.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

Ширин, Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса / Ю.В. Ширин // Орнамент народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 36-50.

Ширин, Ю.В. Керамика кузнецких татар на русских поселениях XVII века / Ю.В. Ширин // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово, 1992. С. 106-113.

Ширин, Ю.В. Консервация древних традиционных ремесел у кузнецких татар / Ю.В. Ширин // Сибирский город вчера и сегодня (Тезисы научно-практической конференции, посвященной 380-летию Новокузнецка). Новокузнецк, 1998. С. 92-96.

Ширин, Ю.В. Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка / Ю.В. Ширин // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 17-34.

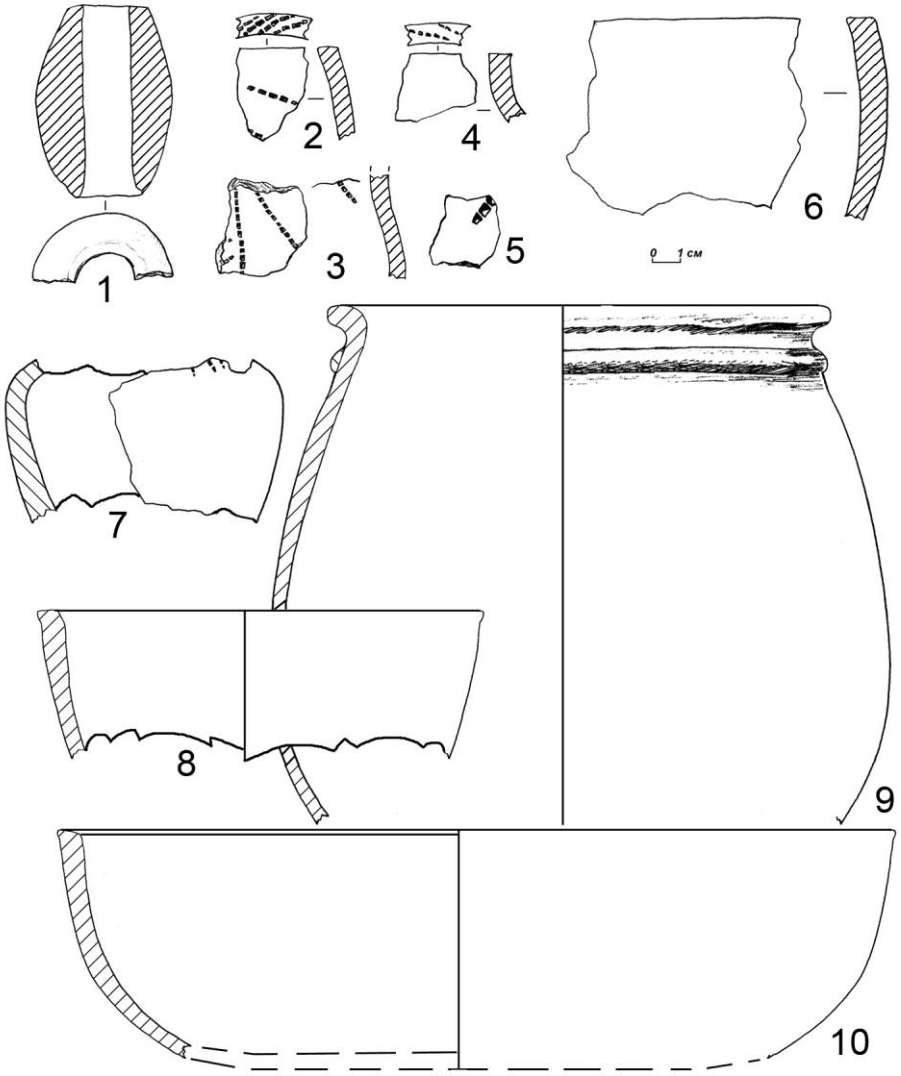


Рис. 1. Керамические изделия из разрушенных объектов в культурном слое с. Староабашево.

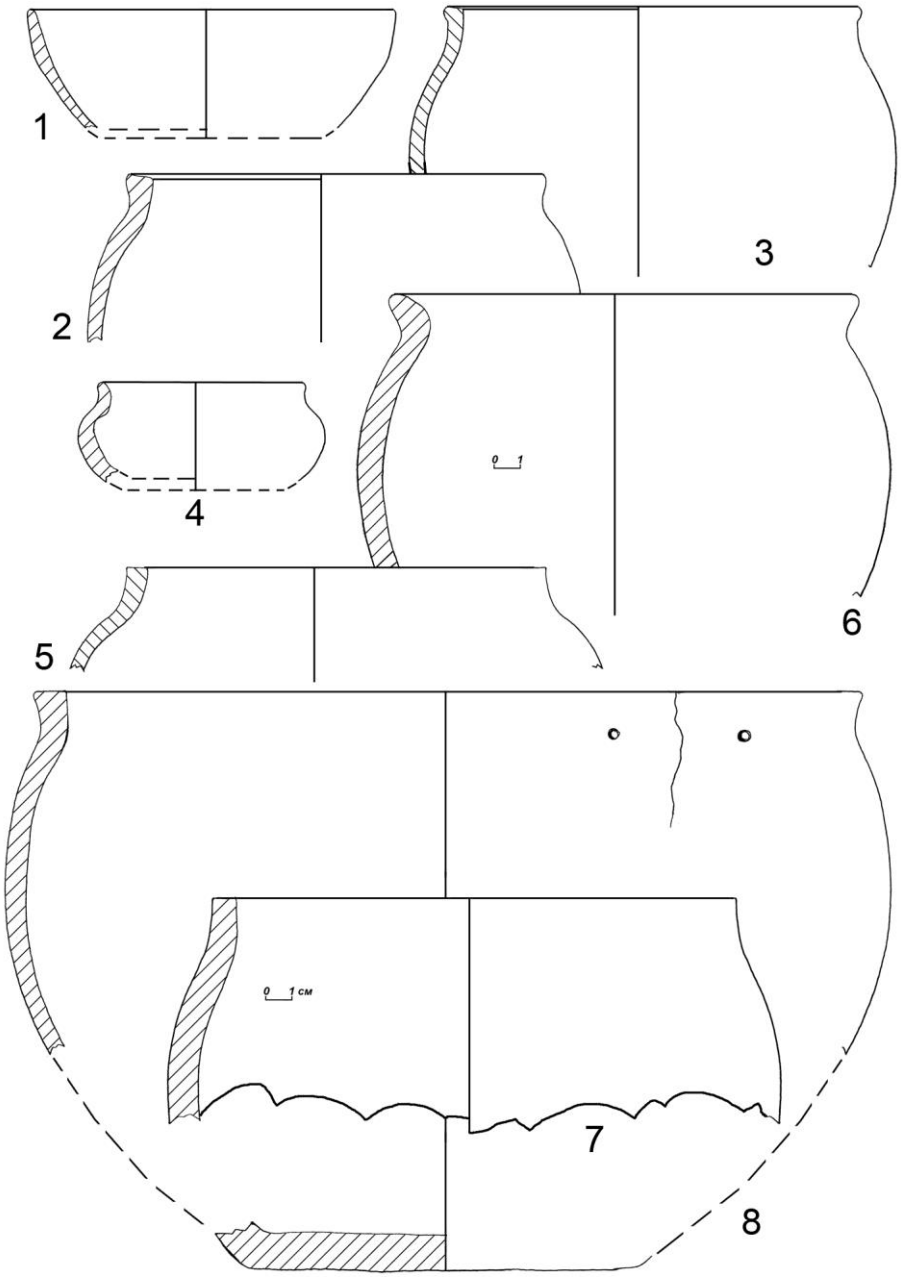


Рис. 2. Керамические изделия из разрушенного объекта в культурном слое с. Староабашево.

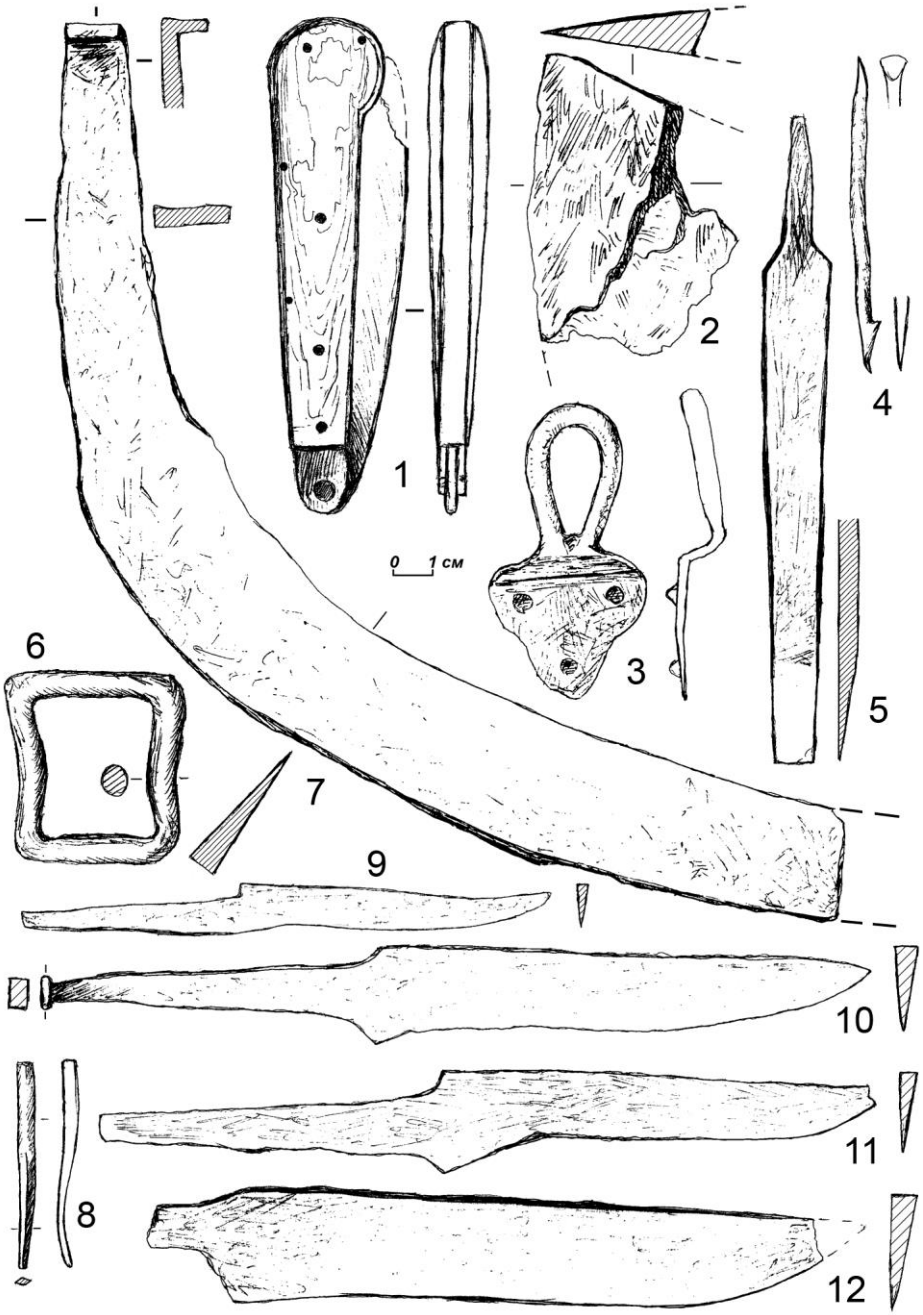


Рис. 3. Железные изделия из разрушенного объекта в культурном слое с. Староабашево.

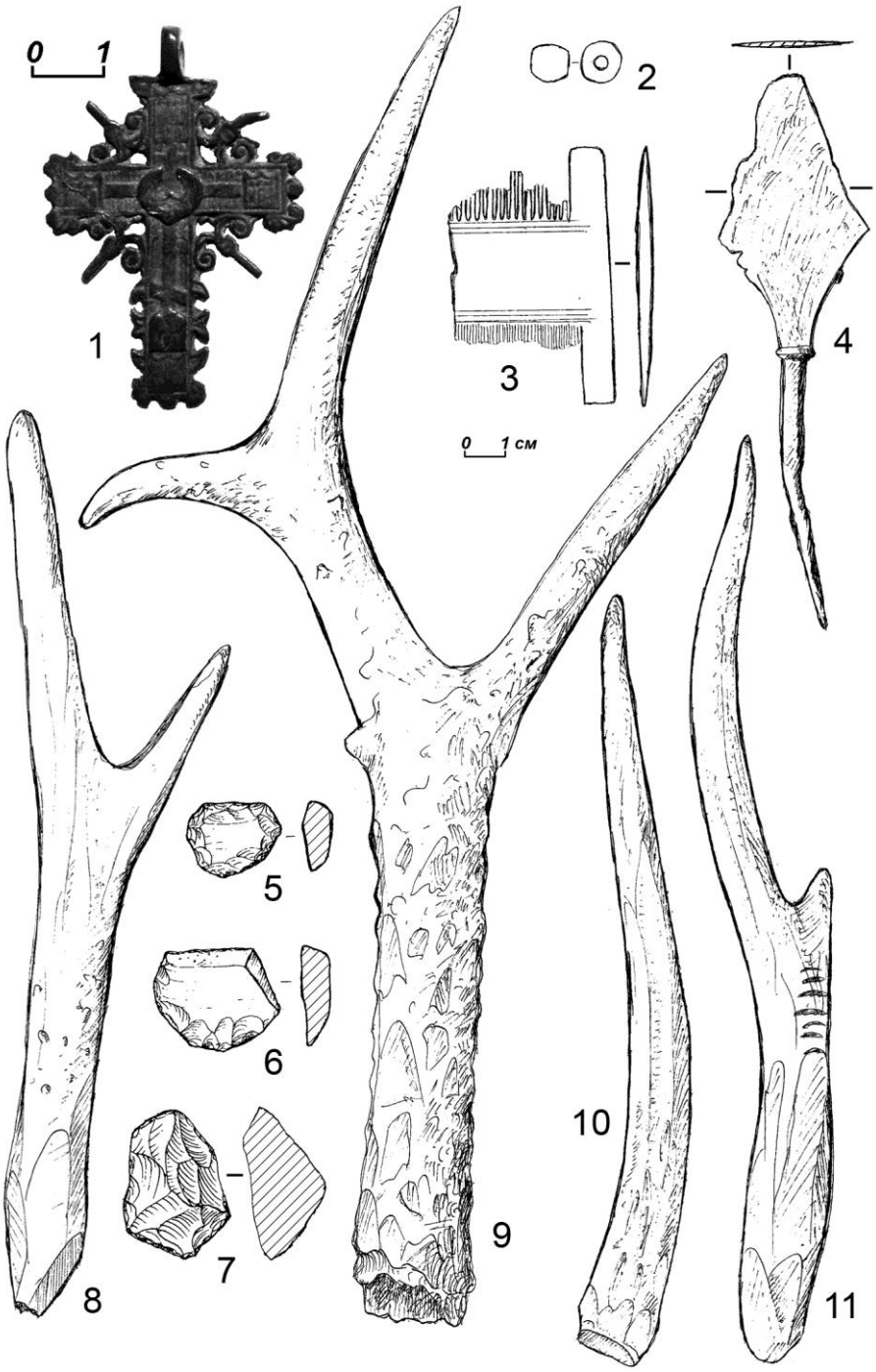


Рис. 4. Изделия из разрушенных объектов в культурном слое с. Староабашево. 1 — бронза; 2 — стекло; 3 — бивень мамонта; 4 — железо; 5-7 — камень; 8-11 — рог.

ИСТОРИЯ
XVII-XX вв.

А.О. Кауфман

Артиллерия укрепленных пунктов Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в.

В настоящей статье мы бы хотели остановиться на таком немаловажном аспекте обеспечения обороны Кузнецка и подконтрольной ему территории, как наличие артиллерии в укрепленных пунктах Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в., а также рассмотреть роль административного центра в снабжении их пушками. Эта публикация тематически продолжает предыдущую, посвященную, в основном, вопросу обеспечения артиллерией самого Кузнецка в XVII – первой половине XVIII вв.[1], дополняя ее и расширяя географические рамки.

Кузнецк, основанный в 1618 г., практически сразу же после своего сооружения стал выполнять весьма важные стратегические функции на юге Западной Сибири. В течение XVII в. он был пограничным укрепленным пунктом и отражал многочисленные набеги кочевников. Только крупных таких нападений, на Кузнецк и селения его уезда, до конца XVII в. было 15[2]. Не менее тревожно для города и его окрестностей начинался и XVIII век.

В сентябре 1700 г. состоялось крупное нападение джунгар («черных калмыков») и енисейских кыргызов. Войско кочевников насчитывало 1,5 тысячи человек, они «...монастырь сожгли и деревни разорили, и крестьян побили, и выезжих белых калмыков, которые жили в Кузнецку, юрт со сто разорили и жен и детей их и рогатой и всякой скот побрали в полон...»[3]. Кочевники стояли под Кузнецком неделю, «...приступали кругом города ко всем воротам»[4]. Они готовились к штурму, ожидали подкрепления, но оно так и не подошло. Осада была снята, но местные жители потеряли только убитыми 40 человек, из которых 33 были русскими и 7 — «подгородными белыми калмыками»[5].

Вскоре после этого нападения кузнецкой администрацией были предприняты некоторые меры по укреплению Кузнецка. В 1705 г. был построен новый острог, о чем воевода Б.А. Синявин сообщал в отписке, объясняя, что «...прежней ...острог от многих лет весь згнил и обвалился»[6].

Видимо, примерно в это же время были укреплены и окрестные населенные пункты. В «Городовом списке» Кузнецка за 1703 г. перечисляются 11 деревень и село Ильинское, около которых находились надолбы. А в самом селе Ильинском

---

[1] *Кауфман А.О.* Артиллерия Кузнецка XVII - первой половины XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. Вып. 5. С. 5-11.

[2] *Бояршинова З.Я.* Ранние страницы истории Кузнецкого города // Новокузнецк в прошлом и настоящем (Материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка). Новокузнецк, 1971. С. 18.

[3] Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1 (1700-1713 гг.). С. 101-102.

[4] Памятники сибирской истории XVIII века. С. 92.

[5] Памятники сибирской истории XVIII века. С. 96.

[6] *Уманский А.П.* Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1999. Вып. 3. С. 5.

упомянут еще и острожек[1]. Со стратегической точки зрения этот населенный пункт имел большое значение для Кузнецка: в его окрестностях находилась переправа через Томь, да и до города было недалеко.

Что касается артиллерии Кузнецка в это время, то здесь можно сравнить данные за 1689, 1701 и 1703 гг.

По «Росписному списку» Кузнецка за 1689 г., в городе было 10 медных, 3 железные пушки и 3 затинные пищали — тяжелые крепостные ружья. Всего к пушкам и затинным пищалям имелось на тот момент 902 ядра[2].

В 1701 г., по «Ведомости сибирских городов», в городе имелось только 7 медных и 2 железные пушки и, опять же, 902 ядра к ним[3]. Из «наряда» Кузнецка исчезли 4 пушки — 3 медные и одна железная, которые, видимо, были частью списаны, частью переведены для защиты окрестностей города, например, в село Ильинское, в острожек.

В 1703 г. в Кузнецке, судя по «Городовому списку», на вооружении находились 11 медных, 3 железных пушки и 3 затинных пищали. К пушкам и затинным пищалям было 1122 ядра «...и пуль железных и свинцовых»[4]. Как мы видим, хотя и не сразу, но «наряд» города был усилен, появилось 5 новых пушек — 3 медные и 2 железные, увеличилось и количество боеприпасов. Возможно, что часть новых пушек была доставлена из Тобольска, куда в 1700 г. привезли из Москвы сразу 85 железных пушек, а к ним 17000 ядер[5]. Новые кузнецкие орудия могли быть изготовлены и в 1701-1702 гг., когда в России произвели сразу 368 пушек, из них 175 мелкого калибра, предназначенных для полков. Причиной выпуска такой большой партии пушек явилась потеря всей русской артиллерии после Нарвского сражения 1700 г.[6]

В это время происходило не только «укрепление» Кузнецка и его окрестностей, власти также предпринимали шаги к нормализации обстановки в этом районе Сибири. В нападениях на русских в этот период особую активность проявляли енисейские кыргызы, и поэтому не случайно, что Петр I указал воеводам Томска, Красноярска и Кузнецка «...кыргызских людей смирить войною тремя городами». В результате последовала целая серия походов русских войск против енисейских кыргызов.

Служилые люди Кузнецка приняли непосредственное участие в осуществлении плана правительства Петра I по освоению верховьев Оби и Иртыша, а после увода джунгарами в 1703 г. енисейских кыргызов, и Среднего Енисея. Начало исполнения этого плана было положено сооружением Абаканского острога. В 1707 г. кузнецкий воевода О.Р. Кочанов послал с сыном боярским И. Сорокиным 1000 человек строить острог на р. Абакан, и в том же году это было выполнено[7]. Хотя мы не располагаем данными о наличии у этого отряда пушек, но последующая практика русских по основанию острогов и крепостей показывает, что, скорее всего, пушки у строителей Абаканского острога были. А взять они их могли из Кузнецка.

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 1425. Л. 143об.-144.

[2] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 1080. Л. 7-9.

[3] Первое столетие сибирских городов. XVII век. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», MCMXCVI. Вып. VII. №51. С. 144.

[4] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 1425. Л. 141об.-143, 144.

[5] Первое столетие сибирских городов. С. 137.

[6] *Строков А.А.* История военного искусства. СПб.: Изд-во «Полигон», 1994. Т. 4. С. 24.

[7] *Уманский А.П.* Кузнецк и алтайские остроги. С. 5.

Следующим шагом стало сооружение острога в устье Бии и Катуни. Грамота воеводе Кузнецка М.В. Овцыну о строительстве нового острога пришла в город 30 сентября 1708 г. Весной 1709 г. к устью Бии и Катуни выступил отряд под руководством сына боярского Я. Максюкова. Отряд насчитывал более 660 человек, из которых только шестеро были жителями Томска, остальные — жители Кузнецка и его окрестностей. 18 июня Бикатунский острог был построен. В нем был оставлен гарнизон из 100 служилых людей, во главе с кузнецким сыном боярским А. Муратовым, а также 2 медные пушки, ядра, свинец, порох.

Воевода М.В. Овцын понимал, что людей и вооружения с боеприпасами в остроге недостаточно, поэтому просил Сибирский приказ и губернатора края М.П. Гагарина прислать «...для оберегания Кузнецкого и новопостроенного острога ...пушек всяких и всякого ружья, пороху и свинца». Петр I, получив отписку кузнецкого воеводы, 18 ноября 1709 г. распорядился, чтобы князь А.М. Черкасский прислал из Тобольска в Кузнецк «...пять пушек чюгунных да к ним ядер и пороху и свинцу...» и об исполнении приказания доложил М.П. Гагарину. Пушки и припасы были действительно отправлены в Кузнецк, но помощь эта запоздала[1].

Летом 1710 г. войско джунгар и телеутов («белых калмыков»), во главе с Духаар (Тоухар) -зайсаном, насчитывавшее около 3-4 тысяч воинов, подошло к Бикатунскому острогу, в котором находился гарнизон в 60 человек — остальные были в «рассылках». Взять острог кочевники не смогли, и тогда они подожгли его, а спасшихся служилых людей взяли в плен. В 1713 г. к правителю Джунгарии Цэван-Рабдану был отправлен посол И. Чередов, чтобы требовать возвращения пленных и награбленного. Хан утверждал, что его люди сожгли острог, поставленный на джунгарской земле, и впредь русским там ставить города не дадут, но пленных все-таки отпустил[2].

Потерю Бикатунского острога еще долго сибирская администрация во главе с М.П. Гагариным ставила в вину кузнецким служилым людям.

Со стороны джунгар исходили постоянные угрозы «воевать» Кузнецкий острог за продвижение русских в верховья Оби. По указу Петра I сибирский губернатор М.П. Гагарин 18 июля 1713 г. распорядился отправить из Тобольска в Кузнецк «...для обереганья от приходу воинских людей четыре пушки чюгунных, к ним двести ядер, пороха ручного и пушечного по десяти пуд...»[3].

В 1713 г. за р. Бией появился с трехтысячным войском «князец» Черен-Дондук, который собирался идти на Кузнецк. В следующем году он в тех же местах был уже с 5-тысячным войском. К счастью, поход на Кузнецк так и не состоялся[4].

Воспользовавшись затишьем, кузнецкие служилые люди построили в 1715 г. в 135 верстах вниз по Томи Мунгатский острог, в 1716 г. — Бердский острог на устье р. Берди (притока р. Оби). В конце июня 1717 г. в Бердский острог был назначен новый приказчик Василий Соколов. Кроме всего прочего, он принял «...на проезжей башне пушку чюгунную длиною аршин с четвертью...», вес ядра к которой равнялся 1,5 фунтам. Всего ядер было 39, кроме того, по пуду пороха пушечного и «ручного», полпуда свинца, 5 фунтов дроби железной[5]. Пушка с

---

[1] *Уманский А.П.* Кузнецк и алтайские остроги. С. 5-8.

[2] *Уманский А.П.* Кузнецк и алтайские остроги. С. 9-10.

[3] Указ сибирского губернатора М.П. Гагарина кузнецкому полковнику и коменданту Б.А. Синявину от 18 июля 1713 г. // РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 9.

[4] *Уманский А.П.* Кузнецк и алтайские остроги. С. 10-11.

[5] Доношение приказчика Бердского острога В. Соколова кузнецкому коменданту Б.А. Синявину от 1 июля 1717 г. // РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 74об.

боеприпасами, вероятно, были доставлены в Бердский острог отрядом строителей из Кузнецка.

2 апреля 1717 г. в Кузнецке был получен приказ М.П. Гагарина «...вскорости на Бии и на Катуни построить город в крепком месте и посадить служилых людей и начального человека доброго...»[1].

16 июня 1717 г., предварительно построив на горе к северу от Кузнецка деревоземляную цитадель, на устье Бии и Катуни вышел отряд. Возглавлял поход кузнецкий сын боярский Иван Максюков. Численность отряда составляла около 750 человек, из которых 260 человек были из Бердского острога, остальные — из Кузнецка и его окрестностей. На вооружении строителей нового острога находились «...две пушки медных, две больших железных, к ним 160 ядер и дроби железной два пуда, шесть пушек малых железных же, к ним 320 ядер, пороху пушечного 11 пуд 20 фунтов, ручного 16 пудов 13 фунтов, свинцу 5 пудов»[2]. Пушки и боеприпасы к ним были взяты в Кузнецке.

На «угожем месте» надлежало «...строить новую деревянную рубленую крепость четвероугольную з башни». В новой крепости полагалось оставить 90 кузнецких и бердских служилых, две больших железных пушки с 80 ядрами к ним, 3 малых железных пушки с 230 ядрами, 1,5 пуда железной дроби, 5 пудов пушечного и 7 пудов 15 фунтов ручного пороху, 2 пуда свинца. В последующие годы здесь должны были находиться по 50 служилых из Бердска попеременно, приказчиком нового острога был назначен сын боярский Степан Серебренников[3].

Однако И. Максюков не нашел удобного места на месте слияния Бии и Катуни, и построил на Оби, значительно ниже устья Катуни Белоярскую крепость. В 1718 г. кузнецкими и другими служилыми людьми на правом берегу р. Бии, выше устья Бии и Катуни, все же была построена крепость, которую долго называли Бикатунской, а позднее — Бийской[4].

В 1722 г., в 60 верстах ниже устья р. Чумыш, на берегу Оби была основана Малышевская слобода. Она строилась «...по просьбам живших в этой местности крестьян из-за большой удаленности от Бердского острога...»[5].

Перечисленные выше новые укрепленные пункты в большинстве своем были включены в ведомство Кузнецка, поэтому вопрос снабжения их артиллерией и боеприпасами решался через Кузнецк. Эти крепости, остроги и слободы являлись промежуточным этапом между отдельно стоящими острогами XVII в., расположенными друг от друга на расстоянии нескольких сотен верст, и укрепленными линиями, сооружение которых началось на юге Западной Сибири в 1730-х гг.

По «Ведомости Артиллерийской канцелярии», в 1724 г. в Кузнецке было 25 пушек и 3 затинные пищали. В этом документе не указывалось количество ядер к орудиям. Что касается пушек, то калибры обозначены только у 17 орудий: 7 медных и 10 «чюгунных» пушек имели калибры от 1 до 6 фунтов[6]. Остальные 8 пушек (1 медная и 7 «чюгунных»), видимо, были недавно присланы в город, и предназначались, в том числе, для укрепленных пунктов Кузнецкого уезда.

---

[1] *Уманский А.П.* Кузнецк и алтайские остроги. С. 12.

[2] *Уманский А.П.* Кузнецк и алтайские остроги. С. 13-14.

[3] *Уманский А.П.* Кузнецк и алтайские остроги. С. 14.

[4] *Уманский А.П.* Кузнецк и алтайские остроги. С. 16.

[5] *Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. Вып. 5. С. 72.

[6] *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 280.

По сравнению с 1703 г., артиллерия Кузнецка была усилена, качественно и количественно. В этот период в город было несколько присылок орудий, а старые либо списывались, либо переводились в ближние и новые укрепленные пункты. В острогах Кузнецкого уезда уже находилось 9 пушек — 6 чугунных трехфунтовых и 3 чугунных — без указания калибра[1].

С 1724 г. в Сибири началась постепенная замена нерегулярных войск регулярными, за счет формирования в Сибири воинских подразделений нового типа и за счет присылки подобных частей из Европейской России. В 1730-е гг., как уже говорилось выше, на юге Западной Сибири начался процесс создания укрепленных линий. Главной причиной их сооружения была активизация здесь кочевников, главным образом джунгар.

В 1730 г. в Москву прибыли джунгарские послы. На переговорах они поставили вопрос о «старой» границе Сибири и потребовали даже «снесть» такие города, как Томск, Кузнецк, Красноярск, крепости по Иртышу, а также «медные заводы Демидова»[2].

25 июня 1733 г. кузнецкий воевода капитан Артамон Бартенев в отписке в Сибирскую губернскую канцелярию сообщал, что правитель Джунгарии Галдан-Чирин (Цэрэн) в конце лета - начале осени 1733 г. собирается идти войной под Кузнецк[3]. В это тревожное для Сибири время сюда направляются участники Академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Один из руководителей этого отряда, историк Г.Ф. Миллер, по результатам своего путешествия по краю создал «Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции...». В этой работе есть и описание артиллерии Кузнецка и укрепленных пунктов его уезда.

В Кузнецке, по состоянию на сентябрь 1734 г., было 13 годных и 2 негодных орудия[4]. Среди годных пушек 7 были железными, а 6 — медными, их калибры составляли от 2 до 4 фунтов. В этом документе не указывается количество ядер, но зато есть упоминание о негодных пушках — 1 медной и 1 железной. Не говорится здесь и о затинных пищалях, видимо, они уже были сняты с вооружения. В селе Ильинском было 6 медных пушек: 2 трехфунтовые и 4 двухфунтовые[5]. В Бикатунской крепости на вооружении находилось 5 железных орудий, из которых 3 были трехфунтовыми и 2 без указания калибра[6]. В Белоярской крепости было также 5 железных пушек: 2 трехфунтовые и 3 маленькие, без указания калибра[7]. В Малышевской слободе и Бердском остроге было по одной трехфунтовой железной пушке[8].

О вооружении Колывано-Воскресенского медеплавильного завода Акинфия Демидова Г.Ф. Миллер говорит следующее: «...четыре бастиона (Крепости при заводе. — *А.К.*) снабжены пушками»[9].

По сравнению с 1724 г., количество орудий в Кузнецке уменьшилось, а в укрепленных пунктах его уезда произошло увеличение количества пушек более

---

[1] *Кирилов И.К.* Цветущее состояние... С. 280.

[2] *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX вв. М.: Наука, 1979. С. 74.

[3] Доношение императрице Анне Иоановне нынешнего и прежнего сибирских губернаторов А. Плещеева и П. Бутурлина от 7 сентября 1733 г. // РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 473. Л. 124.

[4] *Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда... С. 70.

[5] *Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда... С. 71.

[6] *Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда... С. 71.

[7] *Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда... С 72.

[8] *Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда... С. 72-73.

[9] *Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда... С. 74.

чем в 2 раза. Это было связано, прежде всего, с началом сооружения Кузнецкой укрепленной линии. В 1738 г. закончилось формирование этой линии, которая проходила от Кузнецка до Бийской крепости. В этом году, по «Росписному списку», в Кузнецке находилось 16 годных пушек: 6 медных и 10 чугунных калибром от 2 до 4 фунтов. Ко всем орудиям было 1016 ядер, и здесь же упоминаются и 2 медные негодные пушки. В этом году была произведена частичная замена орудий и увеличено их количество, по сравнению с 1734 г.[1]

В укрепленных пунктах Кузнецкого уезда в 1738 г. числилось 17 годных орудий. В Ильинском селе на вооружении было 6 годных пушек и 1 негодная. Из годных орудий 2 были медными, одно по калибру двухфунтовое, другое — без указания калибра. Чугунные пушки присутствовали в количестве 4 штук, из которых 2 — двухфунтовые и 2 — без указания калибра. Ядер ко всем орудиям было 82[2]. В Бийской крепости в этом году было 5 чугунных пушек, из которых 3 были трехфунтовыми, а 2 — без указания калибра. К этим орудиям имелось 156 ядер и 1 пуд 10 фунтов пушечного пороха[3]. В Белоярской крепости было 4 пушки: 2 трехфунтовые и 2 малые, без указания калибра. К этим орудиям имелось 226 ядер и 5 пудов пушечного пороха[4]. В Бердском остроге было 2 чугунных пушки, одна из которых была трехфунтовая, а другая — без указания калибра. К этим орудиям имелось 58 ядер и 11 пудов 20 фунтов пушечного пороха[5].

В этом же документе указывается и то, что в Кузнецк прислали «...по указу ис Сибирской Губернской канцелярии... ис Тобольска... пороху пушечного дватцат пять пуд...»[6]. Видимо, часть этих боеприпасов предназначалась для укрепленных пунктов Кузнецкой линии.

В этом же 1738 г. в Кузнецк переводится рота Новоучрежденного Сибирского драгунского полка в количестве 103 человека под командованием поручика Петра Фадеева[7]. В 1745 г. в город прибыла рота Олонецкого драгунского полка[8]. В 1745 г. в Кузнецке было 12 орудий: 4 медных и 8 чугунных пушек калибром от 1/6 фунта (5-лотовые) до 3,5 фунта[9]. Скорее всего, 5-лотовые пушки прибыли в город вместе с драгунскими ротами, так как с 1701 г. на вооружении российских драгунских полков уже находились легкие пушки и мортиры, которые перевозились «на седлах мортирных»[10].

Если сравнивать показатели по артиллерии Кузнецка 1738 и 1745 гг., то можно сделать вывод, что в 1745 г. произошла практически полная замена пушек. Были оставлены только 2 орудия — медная 2-фунтовая и чугунная 3-фунтовая пушки, а 10 пушек были новыми. Видимо, это связано с намечавшимся сооружением Колывано-Кузнецкой укрепленной линии, которая должна была протянуться от Усть-Каменогорска до Кузнецка.

---

[1] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 8об.-9об.

[2] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 10об.

[3] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 11.

[4] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 11об.

[5] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 12.

[6] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 10.

[7] Рапорт вахмистра С. Лохневского о состоянии откомандированной в Кузнецк роты Новоучрежденного Сибирского драгунского полка // РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1.

[8] *Конюхов И.С.* Кузнецкая летопись. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1995. С. 32.

[9] Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. крепостная. Ед. хр. 966. Л. 3.

[10] *Строков А.А.* История военного искусства. Т. 4. С. 25.

В укрепленных пунктах Кузнецкого уезда на 1745 г. насчитывалось 15 пушек. В селе Ильинском была одна чугунная пушка в ¾ фунта и к ней 70 ядер. В Бикатунской крепости имелось 6 чугунных орудий, из которых 2 пятилотовые, 3 — двухфунтовые и одно в 2½ фунта. В Белоярской крепости находилось 4 чугунных пушки, из них 2 пятилотовые и две в 2½ фунта. В селе Малышевом находилось 2 орудия. В Верхотомском остроге была одна чугунная пушка в 2½ фунта. В Сосновском остроге находилась одна чугунная пушка в 2 фунта[1].

По сравнению с 1738 г., артиллерия укрепленных пунктов Кузнецкого уезда в 1745 г. практически полностью обновилась, а наличие в некоторых из них 5-лотовых легких пушек говорит о том, что и там присутствовали подразделения драгун.

Если подводить итоги, то следует сказать, что в первой половине XVIII в. в Кузнецке, под влиянием сложной и напряженной обстановки на границе с кочевниками, идет постоянная модернизация артиллерии, укрепляется сам город и его окрестности. В этот период город являлся опорной базой для освоения верховьев Енисея и Оби. Жители Кузнецка и его окрестностей участвовали в сооружении почти всех укрепленных пунктов в этих районах. В гарнизонах новых крепостей, острогов и слобод было много кузнечан. Эти укрепленные пункты управлялись из Кузнецка, снабжение артиллерией и боеприпасами, а также войсками проходило через Кузнецк. Первые пушки, чаще всего, прибывали из Кузнецка вместе со строителями, а затем администрация уездного центра постоянно следила за модернизацией артиллерии этих укрепленных пунктов.

ЛИТЕРАТУРА:

Бояршинова, З.Я. Ранние страницы истории Кузнецкого города / З.Я. Бояршинова // Новокузнецк в прошлом и настоящем (Материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка). Новокузнецк, 1971. С. 12-25.

Гуревич, Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX вв. / Б.П. Гуревич. М.: Наука, 1979.

Кауфман, А.О. Артиллерия Кузнецка XVII - первой половины XVIII вв. / А.О. Кауфман // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. Вып. 5. С. 5-11.

Кирилов, И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства / И.К. Кирилов. М., 1977.

Конюхов, И.С. Кузнецкая летопись / И.С. Конюхов. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1995.

Миллер, Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. / Г.Ф. Миллер // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. Вып. 5. С 63-85.

Памятники сибирской истории XVIII века. СПб, 1882. Кн. 1. (1700-1713 гг.).

Первое столетие сибирских городов. XVII век. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», MCMXCVI. Вып. VII.

Строков, А.А. История военного искусства / А.А. Строков. СПб.: Изд-во «Полигон», 1994. Т. 4.

Уманский, А.П. Кузнецк и алтайские остроги / А.П. Уманский // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1999. Вып. 3. С. 3-18.

[1] Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. крепостная. Ед. хр. 966. Л. 4об.-6об.

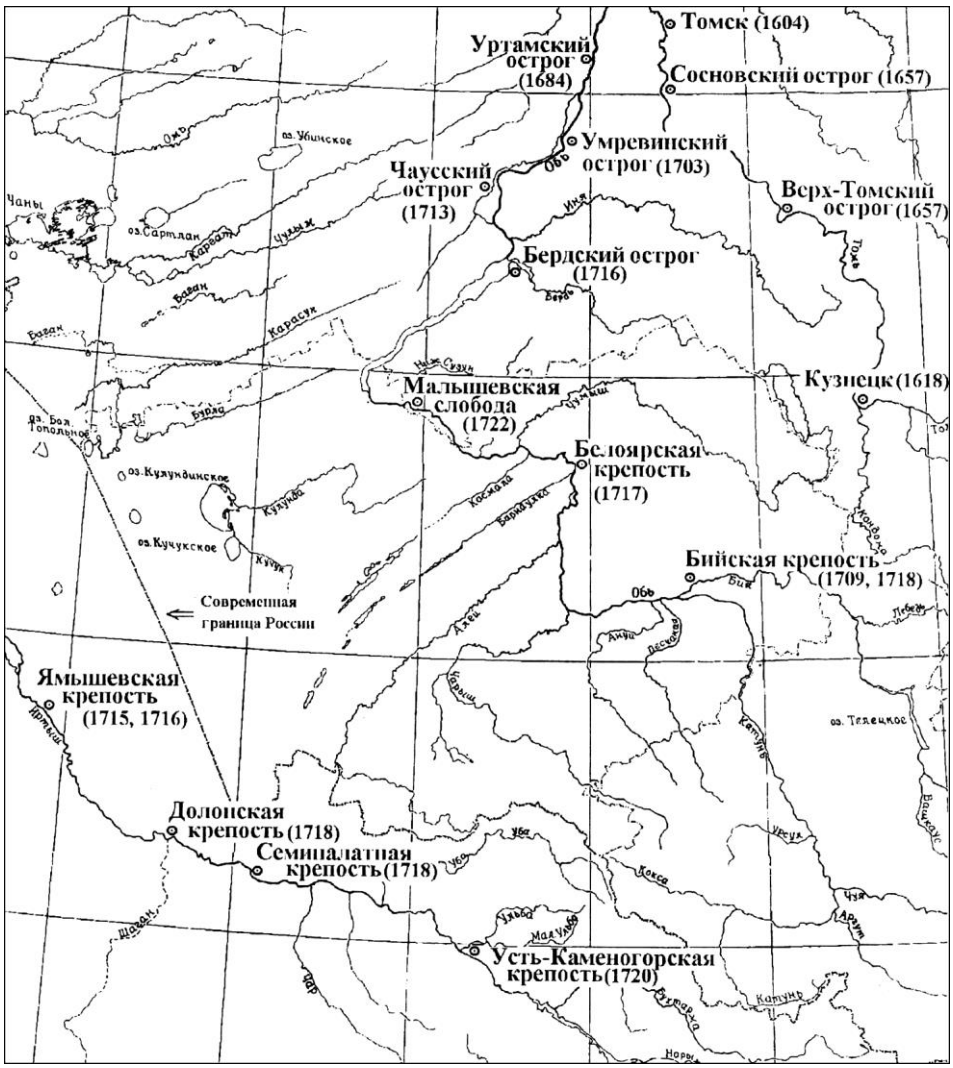


Рис. 1. Крепости на юге Западной Сибири в первой четверти XVIII вв.

Ю.Б. Кауфман

Шведские военнопленные в Кузнецке в первой четверти XVIII в.

В 1709 г., после Полтавской битвы, в русском плену оказалось более 18 тысяч солдат, офицеров, пасторов, писарей, лекарей, музыкантов и мастеровых из армии Карла XII[1]. Сначала их расселили в городах Европейской части России, а в 1711 г. большую часть перевели в Сибирь[2]. Не все пленные были шведами по национальности, много было уроженцев германских земель.

В русский плен попало более тысячи офицеров шведской армии[3]. Среди них были и те, кто оставил заметный след в истории России. Согласно донесениям В.Н. Татищева Петру I: «...Без этих иноземцев горнозаводские работы не могут двигаться»[4]. Школа Курта Фридриха фон Вреха в Тобольске[5] была известна не только в России, но и за границей. На карте Сибири, созданной Ф.И. Таббертом фон Страленбергом, местоположение некоторых городов впервые было дано на основе астрономических наблюдений[6].

В дореволюционной историографии общую информацию о шведских военнопленных представил Н.И. Костомаров[7]. Он обозначил численные данные, условия, на которых шведы содержались в Европейской части России и Сибири, отношение к ним администрации и общества. При этом Н.И. Костомаров не рассматривал вклад пленных шведов в российскую науку. П.А. Словцов, упомянув о деятельности шведских пленных в Сибири, заострял внимание на негативном отношении к ним со стороны администрации и, особенно, общества[8]. Кроме того, он опубликовал интересный источник о жизни шведов в Томске. Немного внимания солдатам армии Карла XII в Сибири уделил И.В. Щеглов: указал причину их появления здесь и охарактеризовал их участие в развитии образования в Тобольске[9].

---

[1] *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 58; *Быкова Т.А.* Первые печатные источники о Полтавской победе // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. С. 354.

[2] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 2. С. 32.

[3] *Строков А.А.* История военного искусства. СПб.: Полигон, 1994. Т.4. С. 49.

[4] *Костомаров Н.И.* Петр I // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Рипол Классик, 1998. Т. III. С. 470.

[5] *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032-1882 гг. Сургут, 1993. С. 111-112.

[6] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л.: Наука, 1968. Т. 2. С. 163.

[7] *Костомаров Н.И.* Петр I. С. 275-525.

[8] *Словцов П.А.* Историческое обозрение...

[9] *Щеглов И.В.* Хронологический перечень...

В послереволюционный период исследователи Северной войны затрагивали судьбу пленных, уделяя внимание наиболее ярким их представителям.

В 1960-е гг. источниковед А.И. Андреев провел анализ научных изысканий шведских пленных в Сибири, в особенности Ф.И. Табберта фон Страленберга[1].

До недавнего времени не было обобщающего труда по истории пребывания шведских военнопленных в Сибири, однако в 2005 г. этот пробел был восполнен Г.В. Шебалдиной[2]. На материалах отечественных архивов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, ею рассмотрен широкий круг вопросов: причины высылки «каролинов» в Сибирь, источники их материального обеспечения, взаимоотношения с местной администрацией и населением, роль и значение пребывания шведских военнопленных в Сибири.

При работе в РГАДА в фонде Кузнецкой комендантской канцелярии нами были обнаружены документы, касающиеся пребывания пленных шведов в Кузнецке, в том числе, прошение шведских пленных об отпуске из Кузнецка в Томск 24 апреля 1719 г.[3] Но первым документом, который привлек наше внимание, был указ М.П. Гагарина кузнецкому воеводе Д.Б. Зубову 28 апреля 1711 г.[4] Согласно ему, по именному указу Петра I, велено в 1711 г. перевести шведских пленников из Азова и Воронежа через Казанскую губернию в сибирские города. Из тех пленных 500 «рядовых драгун и солдат» отправить в Кузнецк, выдав им по 2 деньги на день и по пол-осьмины ржаной муки на месяц каждому. Кузнецкому воеводе было предписано, приняв пленников, разместить их на квартиры и приставить караул из посадских или крестьян, чтобы шведы «дурна не учинили... и никуда не ушли»[5].

Указ был получен в Кузнецке 25 ноября 1711 г., однако в источниках пока не обнаружено свидетельств, что он был исполнен. В случае прибытия в Кузнецк 500 шведских пленных, большинство населения города занималось бы их размещением и охраной. В Тобольске пленные шведы оказались в 1711 г., из них до 800 офицеров[6]. Нижние чины переводили на жительство в другие сибирские города. В 1714 г. они попали в Томск[7].

Кроме рассмотренного документа, сведения о посылке шведских пленных в Кузнецк мы обнаружили в переписке кузнецкого коменданта Б.А. Синявина с томским обер-комендантом И.И. Щербатовым — апрель-август 1717 г.[8]

18 апреля 1717 г. в город прибыли высланные из Томска за «винное курение» шведские «полоненики полковой фартермист (? — *А.К.*) Андрей Эдла да прапорщик Еган Розонстроль»[9]. С 1 января 1717 г. согласно указу Петра I «...ежели кто из шведских пленников прилучатца в продаже вина и табаку или в каком воровстве... ссылать в Кузнецк»[10].

Винокурение в 1716 г. было объявлено свободным «для людей всяких чинов с платежом пошлин в казну» [11]. Многие «каролины» для улучшения своего мате-

---

[1] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению...

[2] *Шебалдина Г.В.* Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII в. М.: Изд-во РГГУ, 2005.

[3] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 139-140.

[4] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л. 10, 10об.

[5] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л. 10об.

[6] *Костомаров Н.И.* Петр I. С. 382.

[7] *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири... С. 638.

[8] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4, 4об., 81об.-83об.

[9] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4, 4об.

[10] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4.

[11] *Костомаров Н.И.* Петр I. С. 400.

риального положения стали заниматься винокурением, но не все вносили за это платежи[1]. Однако не стоит забывать, что вполне возможен и произвол чиновников в отношении пленных шведов, о чем свидетельствует поданная в 1716 г. в Томске жалоба[2].

23 августа 1717 г. были сосланы в Кузнецк из Томска прапорщик Абрам Шульц и валетир Александр Вейс Хоупт также за винокурение[3].

Для уточнения условий содержания шведских пленных в Кузнецке найденных документов пока недостаточно. Известно только, что их должны были определить на квартиры и приставить караул. Сравнив прошения русских[4] и шведских ссыльных кузнецкому воеводе Д.И. Востинскому, мы установили, что условия отпуска их в Томск для своих нужд были одинаковыми: на месяц под поручительство другого ссыльного (швед за шведа, русский за русского).

Например, 24 апреля 1719 г. шведские пленные Андрей Эдла и Абрам Шульц подали воеводе прошение об отпуске в Томск, так как в Кузнецке нет «пасторов наших, ...и духовных нужд справить некому»[5]. Под прошением стоят подписи шведов, которые позволяют несколько уточнить их имена: Andes Ödel A. Schultz. Причем «Андрей Эдла» ранее уже был в отпуске как минимум один раз, летом 1717 г.[6] Поручителем назван Иван Иванов сын Русостроев — так в Кузнецке стали называть Иоганна Розенстраля. Подпись поручителя (Rosenstral) также стоит под прошением[7].

В 1722 г. всем шведским военнопленным было разрешено вернуться из Сибири на родину[8].

Жалобы шведов, живших в Томске, содержат свидетельства произвола чиновников, грубости или безразличия со стороны простых обывателей[9]. Подобных документов по Кузнецку пока не найдено, поэтому невозможно провести сравнение.

Итак, по предварительным данным, в Кузнецке в 1717-1719 гг. находилось четверо шведских военнопленных, сосланных из Томска за «винное курение». Для оценки условий содержания пленных в Кузнецке, их материального положения найденных документов недостаточно. Государственное «кормовое» обеспечение было скудным — 2 деньги в день, пол-осьмины ржаной муки на месяц каждому человеку[10]. Этого не всегда хватало и на то, чтобы не умереть от голода. На русскую службу поступали немногие, деньги от родственников тоже получали не все. В зависимости от знаний и умений, можно было либо наняться на работу к местным, либо организовать свое производство. Самый простой способ улучшить свое материальное положение — заняться нелегальным винокурением, его и выбрали сосланные в Кузнецк шведы.

В рассмотренных документах не содержится свидетельств произвола со стороны кузнецкой администрации, даже наоборот, — шведам разрешался отпуск в Томск на тех же условиях, что и русским ссыльным.

---

[1] *Шебалдина Г.* Новый источник по вопросу пребывания шведских военнопленных в первой четверти XVIII века // http://conference.rsuh.ru/seb.htm.

[2] *Словцов П.А.* Историческое обозрение... С. 638.

[3] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 81об-83об.

[4] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 141-163.

[5] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 139.

[6] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 81об.

[7] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 139об.

[8] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири... С. 32.

[9] *Словцов П.А.* Историческое обозрение... С. 638.

[10] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л. 10-10об.

Тема требует дальнейшего исследования. Вот круг вопросов, которые надо рассмотреть: где «кузнецкие» шведы попали в плен, где содержались до 1717 г., как сложилась их судьба после 1719 г. Кроме того, надо уточнить обстоятельства пребывания в Кузнецке и Томске (условия содержания, занятия, отношение к ним со стороны администрации и общества).

ЛИТЕРАТУРА

Андреев, А.И. Очерки по источниковедению Сибири / А.И. Андреев. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 2.

Быкова, Т.А. Первые печатные источники о Полтавской победе / Т.А. Быкова // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 351-359.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л.: Наука, 1968. Т. 2.

Словцов, П.А. Историческое обозрение Сибири / П.А. Словцов. Новосибирск: Сибирские огни, 1995.

Строков, А.А. История военного искусства / А.А. Строков. СПб.: Полигон, 1994. Т. 4.

Шебалдина, Г.В. Шведские военнопленные в Сибири: Первая четверть XVIII века / Г.В. Шебалдина. М.: Изд-во РГГУ, 2005.

Шебалдина, Г. Новый источник по вопросу пребывания шведских военнопленных в первой четверти XVIII века / Г. Шебалдина // http://conference.rsuh.ru/seb.htm.

Щеглов, И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. / И.В. Щеглов. Сургут: Акционерный Информационно-Издательский Концерн «Северный дом», 1993. 463 с.

В.С. Пилипенко

Жены декабристов — сибирячки

После неудачного восстания в декабре 1825 г., 112 декабристов были отправлены на каторгу и поселение в Сибирь. Большинство из их жен не воспользовались разрешением Николая I вторично выйти замуж, бросили ради мужей-декабристов свободную и беспечную дворянскую жизнь.

Преодолев многочисленные препятствия, в ноябре 1826 г. приехали в Сибирь М.Н. Волконская и Е.И. Трубецкая, но только 12 февраля 1827 г. им дозволено было встретиться с мужьями в Благодатском руднике Забайкалья. В феврале 1827 г. приехала в Читинский острог к декабристу Никите Муравьеву его 22-летняя жена Александра, а спустя пять лет в 1832 г. внезапная ее смерть потрясла всех декабристов, отбывавших каторгу в Петровском Заводе.

В 1828-1831 гг. в Читу и Петровский Завод приехали невеста Ивана Анненкова Полина Гебль, невеста Василия Ивашева Камилла Ле Дантю, жены декабристов А.И. Давыдова, А.В. Ентальцева, Е.П. Нарышкина, А.В. Розен, Н.Д. Фонвизина, М.И. Юшневская. Отправляясь в Сибирь, они лишались дворянских привилегий и переходили на положение жен ссыльнокаторжных, ограниченных в правах передвижения, переписки, распоряжением своим имуществом. Они не имели права брать с собой детей, а возвращение в европейскую Россию не всегда разрешалось даже после смерти мужей.

Упорно добивались разрешения на выезд в Сибирь многие другие жены, матери, сестры декабристов, но получали отказ.

Варвара Шаховская питала высокие чувства к Петру Муханову. Они не могли соединить судьбы свои, так как брат ее был женат на сестре Петра Муханова. Женитьбу других брата и сестры царь считал «противоугодной». Но Варвара Шаховская поехала в Сибирь, став звеном тайной переписки декабристов с Россией.

14 марта 1838 г. в Селенгинск к Константину Торсону приехали его мать и сестра, а значительно позже к братьям Михаилу и Николаю Бестужевым приехали их сестры.

Навсегда были отторгнуты от жен и детей декабристы Ф.М. Башмаков, А.Ф. Бриген, В.Н. Лихарев, А.З. Муравьев, А.М. Муравьев, И.В. Поджио, А.В. Семенов, В.К. Тизенгаузен, П.И. Фаленберг, Ф.П. Шаховский, В.И. Штейнгейль, И.Д. Якушкин. Причем у В.Н. Лихарева, И.В. Поджио и П.И. Фаленберга жены вышли замуж повторно.

После выхода с каторжных работ на поселения декабристы получили право жениться. «Полон глубокого героизма скромный, будничный подвиг подруг декабристов-сибирячек, которые променяли свою относительную свободу на тяжелый крест судьбы «жены государственного преступника»»[1]. Большинство женсибирячек были или совсем неграмотные, или малограмотные, но «они быстро осваивали не только элементарную грамоту, но и приобретали некоторые культур-

[1] *Богданова М.М.* Жены декабристов — сибирячки // В сердцах Отечества сынов / Сост. С. Коваль. Иркутск, 1975. С. 242.

ные навыки, соответствующие их новой роли, новому положению жены образованного ссыльного»[1].

Подпоручик Саратовского пехотного полка Николай Осипович Мозгалевский, приговоренный к ссылке на поселение вечно, прибыл в Нарым в августе 1826 г., а в июле 1827 г. женился на местной казачке Евдокии Ларионовне Агеевой. Брак был заключен без разрешения начальства. Этот «непозволительный поступок» послужил поводом для издания особого Постановления, согласно которому «государственные преступники обязаны впредь испрашивать на вступление в законный брак высочайшего соизволения»[2]. Какие последствия от этого шага были для Мозгалевского? Да, ему было сделано «строгое внушение», но брак являлся законным и расторгать его не было оснований. Это была большая и счастливая семья. Жили очень бедно. 50 копеек ассигнациями в день, которые получал Мозгалевский, явно не хватало, приходилось подрабатывать частными уроками. Назначение в 1835 г. казенного пособия всем неимущим декабристам несколько улучшило материальное положение. В 1836 г. Николай Осипович переводится в село Курагинское, затем в Теснинское и город Минусинск, где в 1844 г. он умирает. Его жена, Евдокия Ларионовна, на 44 года пережившая мужа, всю любовь и ласку отдала своим восьмерым детям. Ей в трудные годы протянули руку помощи и поддержки декабристы: братья Беляевы, Н.А. Крюков, И.В. Киреев.

В Иркутском государственном архиве есть дело «О призрении семейства умершего государственного преступника Н. Мозгалевского и о дозволении Авдотье Мозгалевской отдать детей своих на пропитание людям, желающим их взять себе»[3]. Это позволило семье окружного начальника Кострова (родственника декабриста Тютчева) взять к себе на воспитание её дочь Елену, а декабристу Н.В. Басаргину другую её дочь Пелагею. Для того времени дети Мозгалевского получили хорошее образование, хотя без аттестатов и дипломов. Последнего сына Виктора удалось отправить на казенный счет в Первый кадетский корпус. Получив военное образование, он дослужился до чина генерал-майора. Уже в старости дочери Мозгалевского с гордостью говорили: «Конечно, мы не обучались в институте благородных девиц, зато мы прошли университет декабристов!»[4]. В настоящее время в городе Абакане живет Дмитрий Викторович Мозгалевский, потомок Н.О. Мозгалевского.

Штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка Михаил Александрович Бестужев после окончания срока каторги в 1839 г. обращен на поселение в г. Селенгинск, где женился на дочери казачьего есаула Марии Николаевне Селивановой. Она была гостеприимной и хлебосольной хозяйкой, постоянно занятой житейскими хлопотами, женщиной с природным умом, изучающей французский язык. Бестужев после царской амнистии декабристам 26 августа 1856 г., возвратившей титул дворянства, награды и дающей право возвратиться в европейскую Россию, остался в Сибири и только после смерти жены в 1837 г. переехал в Москву. Все четверо их детей умерли в подростковом возрасте 11-13-ти лет.

Декабрист Николай Александрович Бестужев, капитан-лейтенант 8 флотского экипажа на поселении в Селенгинске жил с сентября 1839 г. гражданским браком с буряткой Сабилаевой. К сожалению, сведений о ней ни в литературе, ни в мемуарных источниках нет. Его сын Алексей после смерти отца воспитывался в доме селенгинского купца Дмитрия Дмитриевича Старцева и носил его фамилию. В будущем он сам стал крупным сибирским купцом и промышленником,

---

[1] *Богданова М.М.* Жены декабристов... С. 243

[2] ЦГВИА. Ф. 36. Д. 45. Л. 93.

[3] Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 183-207.

[4] *Богданова М.М.* Жены декабристов... С. 247.

выполнял дипломатические поручения в Китае. Дочь Бестужева Екатерина, «выйдя замуж за бурята Найдана Гомбоева и всю жизнь прожив с ним в Китае, была высокообразованной и культурной женщиной своего времени»[1].

Владимир Александрович Бечаснов, находясь на поселении в селе Смоленщина Иркутской губернии, женился в 1846 г. на сибирской крестьянке Анне Пахомовне Кичигиной. У них было семеро детей. О той теплой домашней атмосфере, царившей в доме Бечастных, можно судить по одному из писем: «Детишки мои растут, как грибы... Свободное время всецело посвящаю чтению; сначала — для самого себя, а потом все вечера — для жены: ей редко удается найти время, чтобы читать самой, и она слушает мое чтение, работая около меня»[2]. Беззаветная преданность и любовь к мужу Анны Пахомовны были настолько сильны, что смерть мужа навсегда оставила тяжелую психическую травму у молодой вдовы. Над семьей В.А. Бечаснова была даже учреждена опека со стороны иркутской общественности.

Поручику лейб-гвардии Финляндского полка Евгению Петровичу Оболенскому 15 декабря 1845 г. разрешено было вступить в брак с Варварой Самсоновной Барановой, вольноотпущенной крестьянкой чиновника Блохина. Он ценил в ней не столь внешнюю, сколько духовную красоту. «Жена моя не из высшего круга, но простая, безграмотная девица. Честно и бескорыстно я искал её руки, она мне отдала себя также честно и бескорыстно»[3]. По манифесту об амнистии 1856 г. Оболенский был восстановлен в правах. Последние годы с женой жил в Калуге. Варвара Самсоновна, приехав в европейскую Россию, держала себя с таким тактом и достоинством, что вызывала уважение к себе.

Крестьянка Домна Мигалкина в 1835 г. стала женой декабриста Ильи Ивановича Иванова незадолго до его смерти. По амнистии 26 августа 1856 г. ей с дочерью Ольгой были предоставлены прежние права мужа по дворянству. В 1862 г. они выехали из Иркутска в Петербург, но вдова в том же году вернулась в Иркутск, где и проживала в дальнейшем.

Декабрист Иван Васильевич Киреев также женился в Минусинске на неграмотной абаканской крестьянке Фекле Ивановне Соловьевой. И она стала прекрасной хозяйкой, любящей матерью и верной спутницей мужу, очень болезненному человеку, возле которого ей приходилось быть сиделкой. После амнистии Киреев с женой остался в Минусинске, затем в 1861 г. они выехали в европейскую часть России и постоянно жили в Туле. Последние годы Фекла Ивановна была на попечении дочери. Она после смерти мужа ежегодно получала пособие, полагающееся ему, а также деньги из товарищеской кассы взаимопомощи — «малой артели» декабристов.

В 1829 г. крещеная крестьянка Евдокия Моисеевна Середкина стала женой Владимира Федосеевича Раевского. Обладая недюжинным природным умом, она под влиянием образованного, культурного мужа-декабриста была неутомимой помощницей ему не только в домашних делах, но и в агрономических начинаниях — огородничестве и садоводстве, а также по школе. Собственные дети Раевских получили хорошее воспитание и образование благодаря родителям. Б.В. Струве в своих «Воспоминаниях о Сибири» очень хорошо пишет о дочерях Раевского как о «вполне благовоспитанных и получивших порядочное образование от отца»[4].

---

[1] *Даревская Е.М.* О семье дочери декабриста Н.А. Бестужева // Сибирь. 1979. №5. С. 105-116.

[2] Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927. С. 94.

[3] Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 28.

[4] *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири. СПб., 1889. С. 26-27.

Евдокия Моисеевна похоронена в Олонках под Иркутском рядом с мужем и сыном.

Александр Филиппович Фролов, проживавший в Шуше (ныне с. Шушенское Красноярского края), в 1846 г. женился на местной казачке Евдокии Николаевне Макаровой. Она была очень скромная, но с добрым сердцем и поэтической душой. Много помогала бедным крестьянам села, воспитывала девочку-подростка, дочь одного Шушенского поселенца. Её дочь Надежда в 1859 г. была принята в керченский институт, сын Петр в 1862 г. определен на казенный счет в Первый кадетский корпус, а с 1916 г. служил в Генеральном штабе.

Братья Александр и Николай Крюковы, живя на поселении в Минусинске, также женились на местных крестьянках. У Александра Александровича была жена (гражданский брак с 1841 г., обвенчаны 2 февраля 1853 г.) Анна Николаевна Якубова, крестьянка Лифляндской губернии, сосланная в Сибирь на поселение за умерщвление своего незаконного ребенка. По отбытии срока она причислена в 1852 г. в крестьянки Енисейской губернии. А у Николая Александровича была жена (гражданская с 1842 г., обвенчаны 9.11.1853 г.) Марфа Дмитриевна Сайлотова (урожденная Чотушкина), дочь хакаса и русской крестьянки. Марфа Дмитриевна обращала на себя внимание духовной красотой, умом и сердечностью. Н.А. Крюков сознательно не венчался с ней, так как не хотел, чтобы его дети именовались детьми «государственного преступника». Сыновья Николая Крюкова носили фамилию Сайлотовых и были приписаны к Сагайской думе: Иван (1843-1865) был студентом Московского университета, а Тимофей (4.5.1845-31.3.1918) — учителем, почетным гражданином города Минусинска, много и бескорыстно помогал основателю Минусинского музея Николаю Михайловичу Мартьянову. Он в конце XIX в. безуспешно ходатайствовал о восстановлении за собой отцовской фамилии. На воспитании у Н.А. Крюкова находились также два сына его жены от первого брака — Михаил Алексеевич и Василий Алексеевич Сайлотовы.

Женой декабриста Юлиана Казимировича Люблинского была казачка из с. Тунки Агафья Дмитриевна Тюменцева. По своей природе трудолюбивая и энергичная, она стала хорошей опорой своему мужу-поселенцу в его нелегкой жизни в Сибири. После амнистии 1856 г. он с женой и детьми вернулся в европейскую часть России. Умер в 1872 г. в Петербурге. Вдова и дочь очень бедствовали и, чтобы как-нибудь поддержать себя, брали поденную работу. Затем они вернулись на родину, в Иркутск, где Агафья Дмитриевна прожила до самой смерти.

Неоформленные браки становились настоящей трагедией для сибирских подруг при внезапной смерти мужа. Так декабрист Иван Борисович Аврамов скоропостижно умер по дороге из Енисейска. И мы не сможем узнать ни дальнейшую судьбу, ни даже имя одной местной казачки, являющейся не только его подругой, но и матерью его трех детей. О гражданской жене декабриста Михаила Ивановича Рукевича только и известно, что она местная, уроженка д. Коркино и зовут её Елизавета Ивановна Исакова.

Трудная, несложившаяся семейная жизнь была у декабриста Николая Васильевича Басаргина. После смерти в 1825 г. первой жены Марии Михайловны Мещерской он женится второй раз в 1839 г. на дочери офицера — Марии Алексеевны Мавриной. В 1844 г. она, в результате семейной драмы, уходит в монастырь и постригается в монахини. Басаргин очень тяжело переживает семейную катастрофу. Товарищи, как могут, поддерживают друга. В 1848 г. Басаргин предпринимает третью попытку жениться. На сей раз его избранницей стала сестра будущего ученого Д.И. Менделеева — Ольга Ивановна Менделеева —

вдова владельца стекольного завода. Она сумела принести счастье мужу, став его заботливой подругой до глубокой старости.

Более трагическая судьба постигла декабриста Алексея Ивановича Тютчева. В с. Курагино Минусинского округа, где он был на поселении, Тютчев женился гражданским браком на местной крестьянке Анне Петровне Жибиновой. Она страдала частыми запоями, как следствием наследственного заболевания алкоголика отца. Сам Алексей Иванович, попав в такое окружение, ускорил свою преждевременную смерть. Овдовев, Анна Петровна с горя совсем забросила воспитание своих детей.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер на поселении в Баргузине женится на Дросиде Ивановне Артемовой, дочери мещанина, баргузинского почтмейстера. После смерти Вильгельма Карловича по ходатайству его сестры Ю.К. Глинке разрешено взять к себе на воспитание оставшихся после смерти ее брата малолетних детей Михаила и Юстину с тем, чтобы они именовались не по фамилии отца, а Васильевыми. Михаил под этой фамилией в 1850 г. определен в Ларинскую гимназию, по окончанию которой он в 1855 г. поступил в Петербургский университет на юридический факультет. С 1863 г. он стал прапорщиком Царскосельского стрелкового батальона. По манифесту об амнистии 26 августа 1856 г. детям В.К. Кюхельбекера дарованы права дворянства и возвращена фамилия отца. Вдова же Кюхельбекера жила в Иркутске, получая от казны пособие в 114 рублей 28 копеек серебром в год и пособие от Литературного фонда по 180 рублей в год. В сентябре 1879 г. она выехала в Казань, а затем в Петербург. После смерти сына возбудила ходатайство о восстановлении прежней пенсии, которая выплачивалась до отъезда из Сибири, ходатайство было удовлетворено 24 июня 1881 г.[1]

Михаил Карлович Кюхельбекер с 1834 г. был женат на мещанке Анне Степановне Токаревой. По поводу этого брака В.К. Кюхельбекер писал к графу А.Х. Бенкендорфу 28 июня 1836 г.: «По прибытии в Баргузин брат мой помещен был на жительство в дом теперешней его тещи; она, которая впоследствии сделалась его женою, была в отсутствии, — она находилась в услужении в пятидесяти верстах отсюда. По возвращении ее домой оказалось, что она беременна, мать хотела прогнать ее от себя, в столь горестном положении она обратилась к брату моему с просьбой возложить на себя попечение об ее ребенке. Он изъявил на то свою готовность, тем более что был в то время совершенно одинок и надеялся в мальчике воспитать себе сына. Велев окрестить ребенка, он примирил с матерью несчастную дочь. С одной стороны благодарность, с другой — потребность иметь существо, которое бы принимало в нем искреннее участие, сблизили их; произошла связь, последствием которой была вторичная беременность молодой девушки. Хотя истинный христианин не позволит того, но и не бросит первого камня в молодых людей, тем более что брат мой тотчас изъявил готовность не одними словами, а на самом деле доказать свое раскаяние. Он испрашивал у высшего начальства позволение жениться на матери своего ребенка, получил его и обвенчан с нею без малейшего препятствия со стороны духовенства, с одним только условием: воспитывать детей в греко-римской вере. Теперь оказывается, что священник, венчавший их, будучи начальником одного из своих товарищей, преданного пьянству, часто бывал принужден удерживать его от этого порока. Последний из мщения донес на него, будто он многих сочетал браком, в том числе брата моего, в противность существующих постановлений. Основываясь на таковом доносе, иркутское епархиальное начальство разлучило брата моего с его

[1] Декабристы. Биографический справочник. Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. С. 96.

женою впредь до окончательного решения дела этого в Синоде. Священник, венчавший их, равно как и оба ребенка молодой женщины между тем скончались (последний вскоре после крещения и не будучи внесен в метрические книги)»[1].

Когда состоялось постановление Синода о расторжении брака Кюхельбекера и о разлучении его с женой по случаю того, что ранее до брака он крестил ее незаконного ребенка, Кюхельбекер дал при объявлении ему указа подписку: «1837 марта 5 дня в присутствии Баргузинского словесного судьи судьей сего суда объявлено мне решение Правительствующего Синода, и потому, если меня разлучают с женою и детьми, то прошу написать меня в солдаты и послать под первую пулю, ибо мне жизнь не в жизнь. Михайло Кюхельбекер»[2]. Выражения этой подписки были признаны «неуместными» и повлекли за собой распоряжение от 26 июля 1837 г. о переводе его из Баргузина в другое место «ближе к надзору начальства, усилив таковой за ним надзор». Перевод этот состоялся 30 декабря 1837 г., но вслед за тем, по ходатайству его сестры Ю.К. Глинки, отменен в феврале 1838 г. Хотя брак был расторгнут, но супруги продолжали жить вместе и прижили шестерых детей.

Четверо декабристов были женаты на представителях сибирского чиновничества. Так декабрист Александр Викторович Поджио был женат на Ларисе Андреевне Смирновой, классной даме Иркутского института, декабрист Андрей Федорович Фурман — на воспитаннице коллежского регистратора Марье Петровне Щепкиной, а Петр Николаевич Свистунов на Татьяне Александровне Неугодниковой, приемной дочери смотрителя курганского уездного училища Александра Ивановича Дуранова. Первой женой Дмитрия Иринарховича Завалишина была дочь горного чиновника Семена Ивановича Смольянинова — Апполинария Семеновна.

Среди жен декабристов были и представители служителей церкви. Дочь туруханского протоиерея Платонида Алексеевна Петрова была женой декабриста Николая Федоровича Лисовского, а Матвей Иванович Муравьев-Апостол был женат на Марии Константиновне Константиновой, дочери священника.

Отставной полковник Александр Федорович фон-дер Бриген в Сибири женился второй раз на Александре Тихоновне Томниковой — крестьянке д. Рябковой Курганского округа. Из родившихся у них пятерых детей двое умерли в младенчестве, две дочери вышли замуж, а младшего сына Николая, родившегося в 1844 г., отец увез с собой из Сибири. После смерти фон-дер Бригена его сына Николая взял на воспитание декабрист Н.И. Тургенев.

У декабриста Петра Ивановича Фаленберга первая жена после его осуждения вторично вышла замуж за Павла Матвеевича Нолбухина, и он, уже в Сибири, женился второй раз на Анне Федоровне Соколовой, дочери казачьего урядника Саянской станицы. По манифесту 1856 г. он был восстановлен в правах, ему разрешено было выехать в Ригу в 1859 г., затем он поселился в с. Иванковцах Подольской губернии. Умер в Белгороде, похоронен в Харькове.

У декабриста Александра Николаевича Сутгофа жена Анна Федосеевна Янчукова была дочерью горного штаб-лекаря. Их брак был бездетным. А дочь цирюльника Мария Портнова стала женой декабриста Александра Николаевича Луцкого.

К сожалению, тяжелая болезнь и ранняя смерть декабриста Ивана Шимкова в 1836 г. не позволила осуществиться мечтам о семейном счастье с крестьянкой Феклой Батуриной. Вместо брачного свидетельства он оставил предсмерное завещание своей невесте.

---

[1] Декабристы. С. 97.
[2] Декабристы. С. 97.

Михаил Бестужев в своем письме к сестре Ольге писал: «Просто жениться легко, но жену-друга найти в Сибири трудно». И все же двадцать девять сибирячек разделили тяжелую участь декабристов в Сибири. Своей любовью и вниманием они согрели декабристов на поселении.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова, М.М. Жены декабристов сибирячки / М.М. Богданова // В сердцах Отечества сынов / Сост. С. Коваль. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. С. 242-262.

Вахмистров, А. Потомки декабриста Мозгалевского / А. Вахмистров // Енисей. 1976. №2. С. 68-71.

Даревская, Е.М. О семье дочери декабриста Н.А. Бестужева / Е.М. Даревская // Сибирь. 1979. №5. С. 105-116.

Даревская, Е.М. Несколько дополнений и уточнений о дочери Н.А. Бестужева и её семье / Е.М. Даревская // Сибирь. 1983. №4. С. 115-127.

Декабристы. Биографический справочник. Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 448 с.

Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927.

Декабристы: справочное пособие / Автор-составитель В.С. Пилипенко. Новокузнецк, 2006. 336 с.

Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925.

Струве, Б.В. Воспоминания о Сибири / Б.В. Струве. СПб., 1889.

Приложение 1.

Указатель сибирских мест, где жили женатые декабристы

Читинская область

Петровский завод (Петровск-Забайкальский): Александр Николаевич Сутгоф женился в 1839 г. на Анне Федосеевне Янчуковой.

Чита: Дмитрий Иринархович Завалишин женился в 1839 г. на Аполлинарии Семеновне Смольяниновой.

Нерчинск: Александр Николаевич Луцкий женился в 1838 г. на Марии Портновой.

Республика Бурятия

Баргузин: Вильгельм Карлович Кюхельбекер женился 15 января 1837 г. на Дросиде Ивановне Артемовой; Михаил Карлович Кюхельбекер женился 3 июня 1834 г. на Анне Степановне Токаревой.

Селенгинск: Михаил Александрович Бестужев женился не ранее сентября 1839 г. на Марии Николаевне Селивановой; Николай Александрович Бестужев не ранее сентября 1839 г. женился гражданским браком на Сабилаевой.

Тунка: Юлиан Казимирович Люблинский не ранее августа 1829 г. женился на Агафье Дмитриевне Тюменцевой.

Иркутская область

Верхнеострожское (Каменка): Илья Иванович Иванов женился в 1835 г. на Домне Мигалкиной.

Коркино: Михаил Иванович Рукевич не ранее начала 1833 г. женился гражданским браком на Елизавете Ивановне Исаковой.

Олонки: Владимир Федосеевич Раевский женился в 1829 г. на Евдокии Моисеевне Середкиной.

Смоленщино: Владимир Александрович Бечаснов женился в 1846 г. на Анне Пахомовне Кичигиной.

Усть-Куда: Александр Викторович Поджио женился в 1852 г. на Ларисе Андреевне Смирновой.

Красноярский край

Курагино: Алексей Иванович Тютчев не ранее марта 1836 г. женился гражданским браком на Евдокии Петровне Жибиковой.

Минусинск: Иван Васильевич Киреев женился 17 сентября 1852 г. на Фекле Ивановне Соловьевой; Александр Александрович Крюков женился в 1841 г. гражданским браком, затем 2 февраля 1853 г. венчался на Анне Николаевне Якубовой; Николай Александрович Крюков женился в 1842 г. гражданским браком, затем 9 ноября 1853 г. венчался на Марфе Дмитриевне Сайлотовой (урожденной Чотушкиной).

Туруханск: Иван Борисович Аврамов не ранее июня 1828 г. женился гражданским браком на местной казачке; Николай Федорович Лисовский женился в марте 1833 г. на Платониде Алексеевне Петровой.

Шушенское: Петр Иванович Фаленберг женился в 1840 г. на Анне Федоровне Соколовой; Александр Филиппович Фролов женился 8 февраля 1846 г. на Евдокии Николаевне Макаровой.

Томская область

Нарым: Николай Осипович Мозгалевский женился 2 июля 1829 г. на Евдокии Ларионовне Агеевой.

Омская область

Омск: Николай Васильевич Басаргин женился третьим браком в марте 1847 г. на Ольге Ивановне Медведевой.

Восточно-Казахстанская область

Бухтарминск: Матвей Иванович Муравьев-Апостол женился в 1832 г. на Марии Константиновне Константиновой.

Курганская область

Курган: Александр Федорович фон-дер Бриген не ранее весны 1836 г. женился вторым браком (гражданским) на Александре Тихоновне Томниковой.

Тюменская область

Кондинское: Андрей Федорович Фурман не ранее 1827 г. женился гражданским браком на Марье Федоровне Щепкиной.

Тобольск: Петр Николаевич Свистунов женился 25 января 1842 г. на Татьяне Александровне Неугодниковой.

Ялуторовск: Евгений Петрович Оболенский 6 февраля 1846 г. женился на Варваре Самсоновне Барановой.

Екатеринбургская область

Туринск: Николай Васильевич Басаргин 27 августа 1839 г. женился вторым браком на Варваре Елисеевне Мавриной.

Е.В. Майорова

Из истории кузнецкой кооперации

В 1831 г. государство Российское зарегистрировало первый Устав потребительского общества, что и послужило точкой отсчета, началом кооперативного движения в стране. В истории российской кооперации можно выделить несколько периодов: 1) до октября 1917 г. — так называемая свободная кооперация, когда Россия вышла на 1-е место в мире по количеству кооперативов и численности их членов; 2) диктат военного коммунизма и продразверстки (1918-1921 гг.) принудил кооперацию к выполнению роли лишь технического аппарата в руках государства; 3) в период НЭПа — кратковременное возрождение кооперации, ее расцвет, который закончился в 1930-е гг. с репрессиями против кооперативных работников и ликвидацией кооперативов; 4) в советское время кооперация формально оставалась демократической организацией, но практически превратилась в огосударствленную структуру, деятельность которой регулировалась решениями партии и государственных органов.

В наши дни проблемы кооперации вновь стали насущными и актуальными. Кооперативное движение в России с середины 1980-х гг. переживает свое второе рождение после принятия ряда федеральных законов о развитии различных форм кооперативов. В настоящий момент в России действуют все основные виды кооперативов по международной классификации, их численность превышает более 80 тысяч. В стране осуществляется «Общероссийская программа развития сельскохозяйственной кооперации» и «Программа стабилизации и развития потребительской кооперации»[1]. По данным справки отдела государственной статистики по г. Новокузнецку и Новокузнецкому району в нашем городе на 1.10.2005 г. зарегистрировано: производственных кооперативов — 114; гаражных — 149; жилищно-строительных — 74; погребных — 65; кредитных потребительских — 15.

Кузнецкая кооперация имеет богатые исторические традиции, корни которых уходят в начало XX столетия. В современных социально-экономических условиях нашей области это наследие составляет определенную ценность, и его изучение представляет реальный научный и практический интерес. В этой связи важно рассмотреть историю и деятельность кузнецких кооперативов в начале XX века, проследить судьбы людей, стоявших у истоков кооперации в нашем крае.

К сожалению, на протяжении нескольких десятилетий советские историки практически не занимались изучением кооперации дооктябрьского периода, так как ее сравнение с кооперацией советской было бы не в пользу последней. Это обстоятельство отразилось и на местном краеведении, исследований о деятельности кооперативов Кузнецкого уезда нет. Задача настоящей статьи — попытаться восполнить этот пробел в истории нашего края.

Единственное небольшое упоминание о создании первых кооперативов в уезде содержится в одной из работ, посвященной истории Ленинск-Кузнецкого района[2]. Авторы этой работы приводят факт организации кредитного и потребитель-

---

[1] *Вахитов К.И.* Кооперация: теория, история, практика. М, 2004. С. 450.

[2] *Илюшин А.М. и др.* 60 лет Ленинск-Кузнецкому району. Очерки истории. Кемерово, 1999. С. 44.

ского кооперативов в с. Брюхановском (сейчас с. Красное Ленинск-Кузнецкого района). Зачинателем этого дела был учитель местной школы П.Г. Зенков. Интересные сведения по истории российской, сибирской кооперации содержатся в книге К.И. Вахитова[1], учебном пособии А.П. Макаренко[2], статье Ю.А. Давыдова[3], в некоторых публицистических изданиях.

Основная часть материалов о кооперативах Кузнецкого уезда и их деятельности находится в архивах и ждёт своих исследователей. В частности, документы, содержащие информацию о работе потребительских обществ г. Кузнецка и уезда, есть в ГАТО. Мы сделали ксерокопии для фонда НКМ некоторых из них. Прежде всего, это проект устава общества потребителей г. Кузнецка от 1.04.1915 г., промысловое свидетельство на 1918 г. на торговое предприятие, принадлежавшее Кузнецкому обществу потребителей, бесплатный билет на 1918 г. на складское помещение к этому торговому предприятию[4]. Большой интерес представляет полный список (за 1918 г.) потребительских обществ, находящихся в составе Кузнецкого податного участка[5]. В нашем распоряжении находится устав крупнейшего в Азиатской части России кооперативного объединения — Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт), который был организован в 1917 г. в г. Новониколаевске[6]. В его состав в 1918 г. входило 28 союзов Урала, Сибири и Дальнего Востока[7], в том числе и Кузнецкий союз кооперативов.

Помимо архивных материалов, проливающих свет на историю кооперации края, интересные сведения имеются в рукописных фондах НКМ. Речь идет о мемуарном комплексе жителей нашего города, собранном историком-краеведом В.П. Девятияровым[8]. Память старожилов сохранила разнообразную информацию о потребительских и кредитных кооперативах г. Кузнецка и ближайших сел, о людях, работавших там. Переписка В.П. Девятиярова с П.К. Семеновым, главой правительства Кузнецкого уезда при Керенском, содержит подробные факты об организации кооперативов в селе Куртуково[9]. Кроме того, уникальный материал о возникновении одного из первых кооперативов уезда в с. Брюхановском имеется в воспоминаниях старейшего учителя П.Г. Зенкова, которого по праву можно причислить к инициаторам кооперации в нашем крае[10].

В начале XX века в России, в том числе в Сибирском регионе, наблюдался быстрый рост численности кооперативных учреждений. Особенностями российского кооперативного движения являлись следующие моменты: 1) первыми, как правило, возникали кредитные и сельскохозяйственные кооперативы, чье развитие было обусловлено поддержкой правительства после принятия Положения о мелком кредите в 1895 г.; 2) потребительское движение было лишено прямой финансовой поддержки государства и распространялось, главным образом, в сельской местности, где конкуренция торговцев была не столь высока[11]. Эти тенденции,

---

[1] *Вахитов К.И.* Кооперация...

[2] *Макаренко А.П.* Теория и история кооперативного движения. М., 2000.

[3] *Давыдов Ю.А.* Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) // ВИ. 1996. № 1.

[4] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1301.

[5] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1283.

[6] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1283.

[7] *Вахитов К.И.* Кооперация... С. 376.

[8] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Дд. 33-37, 39.

[9] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 28.

[10] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 2. Д. 19, 24.

[11] *Давыдов Ю.А.* Свободная кооперация в России...

характеризующие развитие всей российской кооперации, ярко прослеживаются и в истории кузнецких кооперативов.

Сегодня невозможно назвать самое первое кооперативное учреждение, возникшее на территории Кузнецкого уезда. Возможно, им является потребительное общество, организованное в селе Коуракском в 1909 году[1]. Тем не менее, у каждого дела есть свой инициатор. В нашем крае особых успехов в деле организации кредитной и потребительской кооперации добился П.Г. Зенков. Собственноручно записанные воспоминания этого человека достаточно полно раскрывают перед нами первые шаги кооперации в Кузнецком уезде. Сын кузнецкого сапожника и мыловара Гавриила Васильевича Зенкова, Порфирий Гаврилович в 1909 г. после окончания Бийских педагогических курсов был назначен вторым учителем в Брюхановское начальное училище. В 1911 г., будучи на курсах для учителей в Петербурге, Зенков впервые познакомился с кооперативными идеями. Порфирий Гаврилович пишет: «Молодой человек очень горячо рассказывал нам о кооперации, рисовал, как с помощью кооперации можно будет победить капиталистов, как все правительство и торговля перейдет в руки самих трудящихся и это будет называться социализмом. В эту идею я тогда поверил и, вернувшись в село, занялся вопросом создания кооператива. Стал получать кооперативный журнал. В 1912 г. в селе организовалась кредитная кооперация, а в 1915 г. — потребительская. Первые годы я работал в той и другой кооперации, отказываясь от зарплаты»[2].

Необходимо отметить, что в кооперативном движении кон. XIX – нач. XX вв. (в том числе и в России) существовали 2 направления (социалистической и капиталистической ориентаций). Социалистическое направление локализовалось в основном в городах, где опиралось на потребительские и производственные кооперативы, на рабочих, находившихся под влиянием левых партий. Многие лидеры кооперативного, особенно потребительского, движения подозревались Министерством внутренних дел в стремлении к изменению существующего строя, в силу этого запрещались собрания и лекции кооператоров[3]. Неслучайно курсы, на которых Зенков познакомился с идеями кооперации, были закрыты полицией в 1912 г. уже через 2 года после их открытия[4].

В родном селе новая работа Зенкова и других учителей, увлекшихся кооперацией, была встречена с недоверием. Порфирий Гаврилович вспоминает: «Попы вели над нами наблюдение и делали доносы инспектору народных училищ, который в большинстве случаев вставал на защиту учителей. Так, поп Кобылецкий дважды делал донос на меня инспектору и один раз донес полицейскому исправнику. Первый донос был о том, что я организовал кредитно-потребительскую кооперацию и что, увлекаясь этой работой, совсем перестал посещать церковь».

С трудностями при организации кооперативов нас знакомят воспоминания еще одного инициатора кооперативного движения в Кузнецком уезде — Петра Кузьмича Семенова. В своем письме к В.П. Девятиярову от 24.02.1971 г. он пишет: «С 1.09.1911 г. я был назначен учителем Куртуковской сельской школы. Проработал учителем 4 года. За это время я организовал Куртуковское кредитное товарищество и Куртуковское потребительское общество «Утро» (по данным Томского архива, организовано в 1914 г.). С 1915 г. я перестал работать учителем и стал продолжать работу только в указанных кооперативах. Организация кредитного товарищества производилась через и при посредничестве Госбанка, а потребительского общества — только по постановлениям общих собраний граж-

---

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1283.
[2] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 2. Д. 19. Л. 14.
[3] *Давыдов Ю.А.* Свободная кооперация в России... С. 36.
[4] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 2. Д. 24. Л. 5.

дан. Но чтобы созвать такое собрание, требовалось разрешение исправника. В своем заявлении, в соответствии с уставом, я просил о разрешении провести учредительное собрание пайщиков Куртуковского общества. Через несколько дней получаю приказ — немедленно явиться в канцелярию полицейского исправника И.И. Загорского (возглавлял полицейское управление). При входе в канцелярию исправник встречает вопросом: «Какое вы, молодой человек, собираетесь проводить учредительное собрание?». Тогда я из устава прочел статью, в которой говорится, что первое собрание, на котором учреждается потребительское общество, называется учредительным собранием. Исправник ответил: «Идите, проводите»[1].

Оба пионера кузнецкой кооперации — и П.Г. Зенков, и П.К.Семенов — не остановились на достигнутом, не ограничились рамками созданных ими учреждений. Зенков несколько лет занимался вопросами объединения кредитных кооперативов в Томской губернии. Он пишет: «С 1912 г. принимал участие на всех краевых, губернских и союзных съездах. В 1916г. был избран членом ревизионной комиссии Ново-сибирского союза потребительских обществ «Обской кооператор». В 1917 г. по моей инициативе был организован в селе Красном съезд представителей кредитных товариществ Кузнецкого уезда, на котором было принято решение организовать Союз кузнецких кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. К этому Союзу впоследствии присоединились товарищества и всей Томской губернии (Томского и Мариинского уездов). В 1918 г. на кооперативном съезде в Томске был организован Кузнецко-Томский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ «Союз-Банк». На этом съезде я был избран членом правления «Союз-Банка», где проработал с апреля по октябрь. Это время совпало с колчаковщиной, работа Союза перестала служить делу поднятия сельского хозяйства и почти целиком и полностью стала заниматься поставками для колчаковской армии. Работа стала неинтересной. Я уехал в Кузнецк в отпуск и вернулся на школьную работу». Кроме активного участия в области кооперативного строительства П.Г. Зенков проявил себя и в общественно-политической жизни. Он вспоминает, что в 1917 г. после свержения царя был избран сначала председателем сельского комитета охраны порядка, затем председателем волостного комитета, принимал участие в организации комитета деревенской бедноты[2].

П.К. Семенов также не остался в стороне от событий того времени. Он был избран делегатом на Уездное народное собрание, состоявшееся в Кузнецке в апреле 1917 года. Семенов указывает, что стал делегатом как активный кооперативный работник, который успешно проводил борьбу с частными торговцами и оказывал помощь крестьянам через кредитное товарищество (выдача неимущим ссуд, продажа усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин, организация прокатного пункта и другие мероприятия). На этом съезде П.К. Семенов был избран председателем Народного собрания и заместителем председателя Исполнительного комитета. На 2-м съезде Народного собрания в июне Семенов стал главой правительства Кузнецкого уезда при Керенском[3].

Достаточно активные политические роли, которые играли инициаторы кузнецкой кооперации, были характерны для многих кооперативных работников России того времени. Это объяснялось значительным удельным весом кооперативного сектора в экономике страны.

В ходе сбора сведений о кооперативах Кузнецкого уезда наибольший интерес, несомненно, вызывал вопрос о том, как обстояло дело с кооперативами в

---

[1] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 28. Л. 13-14.
[2] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 2. Д. 24. Л. 9.
[3] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 28. Л. 15-16.

самом г. Кузнецке. В воспоминаниях старожилов информация по этой теме оказалась весьма отрывочной, основные ответы пришлось искать в архивных документах. Тем не менее, опираясь на воспоминания, удалось выяснить, что первым в городе возникло кредитное товарищество. Зафиксированные рукой Девятиярова биографические сведения из жизни кузнечанина Константина Александровича Шелегина позволяют считать этого человека одним из первых работников кредитного кооператива г. Кузнецка. В частности, документы Шелегина свидетельствуют: с 1913 г. он работал приемщиком хлебозаготовок в кредитном товариществе; через год был избран членом правления и председателем правления этого товарищества (на 5 лет). Рассказы старожилов А.И. Коковиной и Н.Д. Каткова подтверждают работу Шелегина в кредитном товариществе города[1]. К сожалению, более подробные сведения о кредитном кооперативе найти не удалось. Гораздо больше данных было собрано о потребительском обществе Кузнецка, организованном в апреле 1915 г.

Учредителями (инициаторами) Кузнецкого общества потребителей являлось 5 человек, достаточно зажиточные жители города. Это были учитель приходской школы К.С. Казанин; коллежский советник, глава уездного лесничества А.Ф. Барсуков; титулярный советник Е.Ф. Попов; коллежский секретарь, известный в городе богач, держатель паромов и рыболовных угодий, организатор гостиничных номеров П.П. Сычев; дворянин, владелец единственной в Кузнецке частной аптеки И.А. Кохановский[2]. Примерный образец устава попал к кузнецким учредителям в качестве издания Московского Союза потребительских обществ, а вообще примерные уставы можно было получить в любом кооперативном союзе[3]. Принят и подписан Устав учредителями был 1 апреля 1915 г.

Стоит отметить, что на создание потребительского общества в городе, скорее всего, повлияла спекуляция, начавшаяся в обществе в условиях Первой мировой войны. Число обществ потребителей в целом по России в этот период времени резко возрастает. Люди увидели в общественных лавках панацею, средство спасения от лишений, ведь потребительская кооперация прежде всего ограничивала монополию и злоупотребления частных торговцев, значительно снижала цены на товары[4]. Как гласил Устав общества потребителей г. Кузнецка, целью общества являлось «доставлять своим членам, по возможно более дешевой цене или по умеренно рыночным ценам, различные предметы потребления и домашнего обихода и предоставления своим членам возможности из прибылей от операций общества делать сбережения»[5].

Потребительские общества были истинно народными организациями, куда входили крестьяне, ремесленники, рабочие. В Уставе общества говорилось, что в его члены «принимались лица обоего пола, всех сословий, живущих в Кузнецке и уезде, а также всякого рода общества, товарищества, артели, школы, больницы и другие учреждения». Вступающий в члены общества вносил вступительную плату в размере 50 копеек и небольшой пай (5 рублей), который мог быть внесен в рассрочку[6]. Все это делало общество доступным практически для всех. Кроме того, важным отличием потребительского общества от частных предприятий явля-

---

[1] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 34. Л. 542.

[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1301.

[3] Первый в России Московский Союз потребительских обществ был учрежден в 1898 г. При посредстве этого союза завязывались деловые отношения местных обществ потребителей с фабрикантами и оптовыми торговцами.

[4] *Давыдов Ю.А.* Свободная кооперация в России... С. 36-37.

[5] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1301.

[6] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1301.

лось то, что каждый член общества имел право одного голоса, независимо от числа паев. Прибыль же распределялась не по паям, а по забору товаров.

Согласно Уставу дела потребительского общества управлялись общим собранием всех членов, которое решало все основные вопросы. Собрание выбирало правление, которое состояло не менее как из 3-х членов и заведовало всеми делами и капиталами общества. В обязанности правления входили составление сметы, добывание оборотных средств, закупка всех товаров, назначение продажных цен и, наконец, тщательное ведение отчетности и счетоводческих книг. Из Устава узнаем, что первым председателем правления Общества потребителей Кузнецка был В.В. Буханов, известный по воспоминаниям как доверенный гурьевского купца П.Т. Ермолаева (последний содержал в Кузнецке 2 магазина — один, кирпичный, брал в аренду, другой, деревянный со складами во дворе, построил сам). В члены правления входили А.В. Соколов, владелец паровой мельницы, некий М. Ермолаев и еще одно лицо, чья подпись в документе неразборчива[1]. По документам 1918 г. состав правления уже был изменен.

Общество потребителей могло приобретать и арендовать собственные склады и заведения. Согласно промысловому свидетельству от 20.12.1917 г. Кузнецкое общество потребителей в 1918 году имело в арендной собственности торговое предприятие II разряда — мануфактурную, галантерейную и бакалейную лавку, которая находилась на базаре г. Кузнецка (по воспоминаниям старожилов, лавка общества располагалась в деревянном магазине купца Ермолаева) (Рис. 3). Помимо лавки обществу принадлежал склад соли, масла и разных круп, который находился в амбаре при доме Ермолаева[2]. Ассортимент потребительской лавки Кузнецка был продиктован потребностями горожан, которые больше чем сельские жители нуждались в предметах роскоши (галантерея, мануфактура), а также в крупах и масле, которых здесь не хватало. Число членов Кузнецкого общества потребителей на 1.01.1918 г. составляло 1780 человек, на 1.01.1919 г. уже 2286 человек (в Кузнецке общее количество жителей в 1917 г. — 3154 человека). По отчету общества за 1918 год в лавке было продано и отпущено в кредит товаров на сумму 1107963 рубля. Из суммы, оставшейся после выплаты всех расходов и убытков (аренды, ремонта, жалованья служащим, уплаты налогов т. д.) было отчислено в паевой капитал 47156 рублей, в основной капитал 19404 рубля, в запасный капитал 13810 рублей. Чистая прибыль за год составила 15113 рублей[3].

Созданное в 1917 г. Временное правительство делало ставку на кооперацию как на самую массовую общественную организацию. 20.03.1917 г. было принято «Положение о кооперативах и союзах», в соответствии с которым снимались все преграды на пути организации кооперативов и их объединений. В 1917 г. в России возникло около тысячи союзов и товариществ[4]. В ноябре 1917 г. создается «Закупсбыт» — крупнейший союз сибирских кооперативов. Общее число его членов достигало двух с половиной миллионов человек с 9162 потребительскими обществами и артелями. В «Закупсбыт» входил и Кузнецкий союз кооперативов («Кузнечансоюз»), окончательно сформированный к маю 1917 г. Главная контора союза располагалась при станции Кольчугино (современный г. Ленинск-Кузнецкий), единственное отделение находилось в г. Кузнецке. В конце 1917 г. Кузнецкий союз объединял 89 потребительских обществ с 16300 пайщиками[5].

---

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1301.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1301.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1301.
[4] *Давыдов Ю.А.* Свободная кооперация... С. 37.
[5] Десять лет борьбы за Советы. 1917-1927 гг. С. 58.

По данным 1918 г. в союз входило уже 189 потребительских обществ, массовое создание которых отразилось в воспоминаниях старожилов. В частности, Г.В. Куртуков рассказывает об организации летом 1918 г. в деревне Малова потребительского общества. «В Куртуково ходить было далеко. Собрал с каждого вступившего в общество по 10 рублей паю, образовался небольшой капитал». В работе магазина общества не обошлось без происшествий. Воры из деревни Ашмарино ночью ограбили амбар: через проделанное отверстие в полу украли весь товар потребительского общества. В хищении члены общества сначала обвинили самого Г.В. Куртукова. Однако в ходе расследования удалось найти истинных виновников, которые вернули украденное и были прощены обществом[1].

В условиях гражданской войны в стране началась хозяйственная разруха и спекуляция. Для кооперации наступили особенно плохие времена. Обороты Кузнецкого союза значительно снизились. Куртуков вспоминает: «В ходу были деньги копикузовские, деньги керенские, а потом и те и другие потеряли всякую ценность. Денег не стало, нигде ничего не достанешь. В магазине потребительского общества оставалось совсем немного — кошмы, мыла, пуговицы, булавки и т.п.»[2]. К этому сложному периоду относятся воспоминания А.И.Коковиной, в которых она сообщает: «Тогда о потребительском обществе Кузнецка распевали частушку — «В потребиловку ходила, ничего там не купила. В потребиловке покуда есть одна только посуда»[3].

Несмотря на трудности, кооперация продолжала работать. Однако времени на дальнейшее развитие кооперативов в России история больше не отпустила. С установлением Советской власти начался новый период, в ходе которого эти учреждения были загнаны в совершенно другие хозяйственные условия.

ЛИТЕРАТУРА:

Вахитов, К.И. Кооперация: теория, история, практика / К.И. Вахитов. М., 2004.

Давыдов, Ю.А. Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) / Ю.А. Давыдов // ВИ. 1996. № 1.

Десять лет борьбы за Советы. 1917-1927 гг.

Илюшин, А.М. 60 лет Ленинск-Кузнецкому району. Очерки истории / А.М. Илюшин, Н.И. Калиничева, Л.И. Красильников, К.И. Ткаченко. Кемерово, 1999.

Макаренко, А.П. Теория и история кооперативного движения / А.П. Макаренко. М., 2000.

[1] НКМ. НФ-Д. Оп.1. Р. 8. Д. 33. Л. 234-235.
[2] НКМ. НФ-Д. Оп.1. Р. 8. Д. 33. Л. 234-235.
[3] НКМ. НФ-Д. Оп.1. Р. 8. Д. 35. Л. 140.

Рис. 1. Члены и служащие Исполнительного комитета,
избранного Уездным Народным Собранием. Фото 1917 г.
П.К. Семенов сидит в центре (в сапогах, руками обхватывает колени).

Рис. 2. Руководители кредитной кооперации Кузнецкого уезда.
Фото 1910-х гг.
Справа налево стоят: 1-й — К.А. Шелегин; 2-й — П.Г. Зенков.

Рис. 3. Базарная площадь в Кузнецке. Фото 1910-х гг.
Крайний справа — магазин П.Т. Ермолаева,
где размещалась лавка общества потребителей.

Ю.С. Надлер

Геология, геологи и город Новокузнецк

Кузнецк, более трех веков бывший центром одноименного уезда, долгие годы находился в стороне от геологических дел. Правда, первые самые общие сведения о геологии нашего края все же пришли именно отсюда. Ими были известные «распросные речи» кузнецких казаков (Ивашко Володимирец со товарищи), записанные в Казанском Приказе: «...Кузнецкий острог стоит на Томи реке, и от Томского города до того острогу езды вверх водою шесть недель... А около Кузнецкого острогу по Кондобе и Брасе реке стоят горы каменные великие, и в тех горах емлют кузнецкие ясачные люди каменье ...да то каменье разжигают на дровах ...сеют решеты, а просеяв, сыплют понемногу в горн, и в том сливается железо... А на горах растет всякий лес». В воеводских «отписках» XVII в. иногда встречаются такие сведения: «В десяти верстах от Кузнецка есть камень-хрусталь, да железная руда в Кузнецком есть»; «За Кузнецким острогом вверх по Томи реке есть слюда, а привозят ее... калмыки». В 1673 г. кузнецкий воевода Григорий Волков упомянул о том, что получил от местных жителей серебряную руду. Современные геологические данные об окрестностях Новокузнецка полностью подтверждают эти сведения.

Еще через полвека, в 1721 г. исследователь Сибири академик Д.Г. Мессершмидт описал в окрестностях города (на р. Томь напротив деревни Боровковой) «огнедышащую гору». Подземный пожар, когда горит пласт угля, он ошибочно принял за действующий вулкан. О том, что и в самом городе Кузнецке есть полезные ископаемые, стало известно в 1739 г. из постановления Генерал-Берг-директориума на «...доношения дворянина Акинфея Демидова о даче ему с прочетом указа на обысканной подле реки Томи под городом Кузнецким уголь подобно галанскому, и впредь о прииске во объявленных и других местах Томского, Кузнецкого и Енисейского ведомств оного уголья и протчих металлов и минералов». Правда, добычу угля в г. Кузнецке А. Демидов организовать не успел, так как в 1745 г. умер. Его родственники в 1747 г. продали все свои права и сибирские заводы «царственной» фамилии Романовых. Для руководства всем этим «хозяйством» был образован Колывано-Воскресенский (впоследствии Алтайский) горный округ с центром в г. Барнауле. Это более чем на 200 лет изолировало уездный город Кузнецк от каких-либо геологических дел и даже официального уведомления о них, хотя таковые и совершались, время от времени, в уезде и даже совсем рядом от города.

В 1789 г., благодаря природной любознательности «плотинного» ученика Якова Реброва, руководству Томского железоделательного завода (на р. Томь-Чумыш) стало известно, что на правом берегу р. Томь, недалеко от села Атаманово, у скалы, которую называли «Есаулов Камень», есть уголь «не хуже аглицкого». Была даже организована его добыча (более 2000 пудов) для металлургических нужд. Но дальнейшего развития эта попытка использовать богатства недр Кузбасса не получила. Никак не отразились на Кузнецке и самые масштабные геологические исследования в начале XX в. группы профессора Л.И. Лутугина, так как он своей базой выбрал с. Кольчугино (ныне г. Ленинск-Кузнецкий).

В 1926 г. в г. Томске для проектно-изыскательских работ под строительство металлургического завода у г. Кузнецка было создано «Тельбесбюро» (Рис. 1). В Кузнецке на ул. Водопадной обосновалось его представительство (Рис. 2-5).

В мае 1927 г. на небольшом колесном пароходике, одном из тех, что по высокой весенней воде могли добраться до верховий р. Томи[1], в Кузнецк прибыл первый «десант» геологов, геофизиков, геодезистов. Пароходы в те годы пришвартовывались в Иванцевской протоке р. Томи — прямо у Набережной улицы[2]. В составе геологического «десанта» были два студента-геолога Томского технологического института (теперь Томский политехнический университет) — Вячеслав Высоцкий (начальник) и Владислав Некипелов (геолог) (Рис. 6). Они составляли ядро геологической партии, которой поручались поиски и разведка каменного угля непосредственно рядом с будущим металлургическим гигантом. Выбор пал на участок правобережья реки Абы, где впадали в нее речка Капылиха и ручей Тешев Лог и была окраина д. Араличевой[3] (Рис. 8).

В своих воспоминаниях в 1981 г. В.Е. Некипелов так описывает свои первые впечатления: «Широкая долина реки Томи и впадающих в нее слева рек Кондома и Аба образовали огромную площадь пойменных и сухих террас с перелесками и густыми зарослями тальника. Кругом привольные сенокосные угодья и пашни, ...кругом масса ярких сибирских цветов, густой аромат вольной земли. А какой обзор! Далеко видно, и особенно осенью, даже снежные остроконечные горы Кузнецкого Алатау, как они плавают в далекой дымке... Река Аба небольшая, сильно меандрирующая с глубокими заводями, ...с чистой, прозрачно-кристальной водой. Плавать почти нельзя, но приятно окунуться в глубоком плесе и погреться на мелкопесчаных отмелях — естественных пляжах. Конечно, на Томи и Кондоме привольнее, но на Абушке, как ласково назвали ее местные жители, тоже было очень хорошо» (Рис. 7-9).

На этом поэзия кончилась и началась проза: два полных полевых сезона (с ранней весны до самого снега) шла разведка северной части Араличевского месторождения, а экспертная штольня проходилась и зимой. В 1929 г. были подсчитаны запасы угля и намечен план его выемки уже в промышленных масштабах. Угли, правда, оказались энергетическими, но в смеси с прокопьевскими давали хороший кокс. Все дела молодых геологов постоянно курировал профессор М.А. Усов (Рис. 10), будущий первый сибирский геолог-академик. За эти первые и многие последующие успехи в создании горнорудной базы КМК ему по праву поставлен памятник в г. Новокузнецке на проспекте Пионерском.

Само представительство «Тельбесбюро» тем временем перебралось на левый берег, слившись с «Кузнецкстроем». Дальнейшие работы в городе и окрестностях проводило уже Западно-Сибирское геологическое управление. На ул. Водопадной обосновалась Кузнецкая геологоразведочная база — прообраз будущих стационарных полевых геологических экспедиций. Отсюда ежегодно весной расходились поисковые отряды по всей горношорской тайге, сюда в первую очередь сообщали о своих успехах и поздней осенью сюда же возвращались. Здесь делались первые лабораторные анализы будущих руд. Для примера можно привести 1930 г.

---

[1] Известны названия некоторых из тех пароходов, которые до 1918 г. ходили по р. Томи от Томска до Кузнецка и обратно — «Чулым», «Дедушка». В советское время они, вероятнее всего, были переименованы. Так в 1920-х гг. известны пароходы «Дрокин», «Дзержинский». Возможно, на одном из них приехали в Кузнецк геологи «Тельбесбюро» (*Прим ред.*).

[2] Сейчас протока засыпана и здесь проходит железная дорога, на месте пристани — остановочная ж/д платформа «Топольники».

[3] Окрестности современной ж/д станции «Новокузнецк-Сортировочная».

В один из погожих июньских дней базу покинули три геологические партии, направлявшиеся в бассейны рек Абакан, Мрассу и Кондома, о полезных ископаемых которых еще ничего не было известно. Вернулись партии, открыв Абаканское и Ташелгинское железорудные, несколько других месторождений. Руководили ими А.М. Кузьмин, К.В. Радугин, Ю.А. Кузнецов, будущие крупные сибирские геологи-ученые, профессоры Томского политехнического института (Рис. 11-13). Или 1931 г., когда стало ясно, что запасы тельбесских руд невелики. Два десятка поисковых отрядов направились в разные районы Горной Шории с наказом: «Ждем от вас новых находок железных руд». И уже в июле из глухого тогда угла — верховьев р. Кондомы Т.В. Пятницкая (Рис. 15), только что окончившая институт, ее более опытные коллеги (за плечами всего 3 года стажа) Г.П. Болгов и Н.А. Батов сообщили соответственно об открытии Шалымского, Шерегешского и Таштагольского железорудных месторождений. Так за месяц была принципиально решена проблема обеспечения КМК качественной рудой.

Не забывали геологи и об угле. После Араличевского месторождения пришла очередь Байдаевских участков. О том, что здесь есть уголь, местные жители, конечно, знали. Объединение «Кустпром» в 1930-1932 гг. даже добывало его мелкими штольнями по речке Байдаевой. Но вот сколько их тут и какие они — этого еще не знали. В 1932-1935 гг. поисковый отряд под руководством геолога И.Н. Звонарева (Рис. 14) узнал об этих углях главное: прогнозные запасы, условия залегания, качество. Такие же работы геологи провели восточнее, уже на Абашевском участке. В результате весь район предстал как очень перспективный, располагающий большими запасами дефицитных марок каменных углей. За эти исследования и проведенные позднее (1938-1944 гг.) в районе, где потом появился город Междуреченск, И.Н. Звонарев вместе с другими геологами был удостоен в 1947 г. звания «Лауреат Сталинской премии», в те времена высшей награды ученых и передовиков-производственников.

В дальнейшем работы в этом (нынешнем Орджоникидзевском) районе проводила специальная Байдаевская геологоразведочная партия. В ее задачу входила вся геологическая подготовка месторождений к угледобыче. Ведут разведку десятки и сотни людей, но общую картину получает и ставит последнюю точку один. В данном случае и в этом смысле самый большой вклад внес опытный геолог-угольщик Г.М. Костаманов. С уверенностью можно утверждать, что ни одна шахта в Орджоникидзевском районе, а их тут было девять, не закладывалась без его участия.

Григорий Меркурьевич Костаманов (1899-1976 гг.) (Рис. 16) по окончании Днепропетровского горного института приехал в Кузбасс в 1930 г. и до конца жизни был постоянно связан с его изучением. Тихий улыбчивый неразговорчивый человек — это никак не вязалось ни с характером работы, ни с происхождением (по национальности он был греком). В то же время — фанатичный исследователь, воспитатель целой плеяды геологов, ставших впоследствии крупными учеными и производственниками (Рис. 17). После ухода на пенсию в 1960 г. он продолжал на общественных началах, а попросту бесплатно, заниматься научно-производственными обобщениями. Такова уж была некоторая «интеллигентская» странность этого замечательного геолога и человека. По свидетельству учеников он был настоящим «рыцарем без страха и упрека». Только предметом обожания у него был Кузнецкий каменноугольный бассейн. И он много сделал для его освоения. А благодарность? Она никак не сопоставима с вкладом этого человека в общее дело. Но в геологической работе так случается сплошь и рядом.

Ушел из жизни Г.М. Костаманов, ликвидирована (так принято у нас говорить) Байдаевская партия, а результатами их труда продолжают пользоваться десятки тысяч человек, не вспоминая первооткрывателей. Осталось только назва-

ние — улица Разведчиков. Но все уверены, что она названа так в честь военных разведчиков. А хотелось бы видеть на этой улице памятную доску с такими, например, самодельными стихами:

«Велик отряд геологов Кузбасса...
В таежных дебрях, в стужу иль в тепло
Они ведут от Судженки до Мрассу
Разведку недр бассейна своего.
Их общих дел отчетные итоги,
Их ценные труды воплощены
В заводы, шахты, фабрики, дороги —
Основу и могущество страны»[1].

С середины 1930-х гг. геологи волей административных решений оказались в разных министерствах: Черметразведка, Цветметразведка, Углеразведка и т. д. Сузились и интересы, и пространства поисков. Конечно, прежде всего это сказалось на результатах. Кроме успехов угольщиков (Бунгуро-Чумышский, Междуреченский и другие участки Кузнецкого бассейна) просто не о чем вспомнить. Там, где удавалось что-нибудь нащупать, не хватало ни производственных мощностей, ни кадров, чтобы развить успех.

В конце 1948 г. во вновь «испеченной» Кемеровской области был организован специальный геологический трест «Кузбассуглегеология». Главной задачей треста были поиски новых месторождений каменного угля. Но уже в 1949 г. под названием «Кузнецкгеология» и позже Кемеровское геологическое управление (1952-1953 гг.) эта организация начала объединять разрозненные геологические партии, производившие работы на территории Кемеровской области. Сначала само управление заняло уже упоминавшиеся помещения на улице Набережной, а в 1957 г. перебралось во вновь построенное здание на улице Школьной, 20 (теперь пр. Пионерский). К этому времени закончилось и объединение геологических сил. Отныне и на протяжении почти полувека Западно-Сибирское геологическое управление стало практически единственным мощным производственным коллективом, которому государство поручило весь спектр геологических исследований от геологической съемки до детальной разведки всех полезных ископаемых на территории Кемеровской области, Алтайского края и Республики Алтай.

Это должно было сказаться на успехах геологоразведчиков. Так и оказалось. В том же 1957 г. геолог Г.И. Спандерашвили открыл фосфориты в Горной Шории, впоследствии на их основе было разведано крупное Белкинское месторождение. Геолог А.М. Прусевич (Рис. 17), получив задание по поискам алюминиевой руды, направился в бассейн реки Кии и открыл крупное месторождение нефелиновых сиенитов. Как выяснилось после разведки, а она была проведена в рекордно короткие сроки (1957-1961 гг.), эта руда — настоящая мечта горняка, металлурга и даже... эколога. Посудите сами: в руде полезного компонента до 85%, а добывается она открытым способом, не требует обогащения. После спекания с известняком «отдает» почти полностью глинозем — промпродукт для алюминщиков. Из оставшейся массы в промышленных масштабах извлекаются содопродукты (кальцинированная сода, поташ и другое), а все, что осталось, полностью после повторного спекания с известняком становится цементом ценных марок. Позднее были открыты и разведаны несколько месторождений ртутных руд, подземные минеральные воды («Терсинка», «Борисовская»), цеолитовые туфы — прекрасное подспорье для промышленного животноводства, очистки технических вод и атмосферы. И все эти открытия новых видов полезных ископаемых произошли рядом с главными делами — резким увеличением запасов желез-

[1] Из благодарственного Адреса Г.М. Костаманову по случаю его 60-летия.

ных руд на ранее разведанных месторождениях и новыми участками для шахт и углеразрезов. Запасы основного — Таштагольского — месторождения благодаря творческому подходу геологов были увеличены с 30 до 370 млн. т, то есть более чем в 10 раз! Разведанные запасы каменных углей позволяли добывать в год почти 180 млн. т. Правда, больше 150 млн. т в год у шахтеров не получалось.

Эти и многие другие результаты работы, которая казенно называется созданием минерально-сырьевой базы для горнодобывающей, металлургической, строительной и других отраслей народного хозяйства, обеспечили геологоразведчики, которых в начале 1980-х гг. было 12 тысяч. Большинство из них работало и располагалось в самых разных частях довольно обширной территории (более 330 тыс. кв. км), но центром был штаб в Новокузнецке. Здесь рождались замыслы, подводились итоги, распределялись денежные и материальные ресурсы. Отсюда осуществлялся постоянный и разнообразный диспетчерский контроль.

Но центральным аппаратом не исчерпывалась деятельность геологов в городе. По полвека действуют Центральная геофизическая экспедиция и Западно-Сибирский испытательный центр (ранее Центральная лаборатория). Первая чуткими приборами и различными методами изучала земную кору подопечной территории, выявляя аномалии в ее строении и тем направляя действия геологов. Вторая тоже разными методами изучала вещество земной коры, сообщая геологам на всех этапах их работы о наличии, концентрации и особенностях полезных ископаемых, способах обогащения руд, даже об относительном и абсолютном возрасте отобранных образцов горных пород. Еще одна экспедиция, Комплексная тематическая, существовавшая в 1956-1994 гг., занималась обобщением бесчисленных фактических материалов, полученных геологами-полевиками, выдавая прогнозные оценки результатов деятельности всего коллектива.

Геология занимает промежуточное положение между наукой и производством. С одной стороны — это весьма наукоемкое производство, с другой — наука, максимально приближенная к производству. Поэтому в городских организациях преобладали специалисты с высшим и средним специальным образованием. В 1980-х гг. в них работало одновременно около тысячи инженеров, 30-35 кандидатов геолого-минералогических наук. В период с 1965 по 1983 гг., на который пришелся пик геологических исследований, как по размаху, так и по результатам, во главе организации был Г.С. Селятицкий — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР (Рис. 19).

Во второй половине XX в. геологи основательно обосновались в городе. Было выстроено три капитальных инженерных корпуса, одиннадцать многоэтажных жилых домов. Кстати, красивый угловой дом со шпилем, замыкающий проспект Металлургов со стороны, противоположной вокзалу, тоже был построен в 1959 г. для семей геологов. В эти же годы Новокузнецк становится настоящей столицей западносибирских геологов. Здесь сходятся пути геологической науки и производства, проводятся научно-производственные конференции и симпозиумы. За это время на шести Международных геологических экскурсиях побывало почти 200 иностранных геологов из пятидесяти стран всех континентов: от Бразилии и Австралии до Канады и Японии. И привлекали их не красоты природы (до Кавказа и Байкала нам далеко), а результаты геологических исследований, их глубина и разнообразие, возможность использования в собственных работах. По меткому выражению академика В.И. Вернадского «...геологу для выводов и решений нужна вся Земля». Конечно, история и слава Новокузнецка навсегда останутся шахтерскими и металлургическими, но, как видно, небольшой отряд геологов — жителей города — прибавил к ней и свою строчку.

Рис 1. Члены «Тельбесбюро» в г. Томске. Слева направо сидят в первом ряду: М.А. Усов — профессор, старший геолог, Н.В. Гутовский — профессор, металлург, С.Е. Терехов — главный инженер(?), В.И. Калашников; второй ряд: К.С. Филатов — начальник геологической партии по разведке Тельбесского и других месторождений железных руд, И.А. Фомичев — горный инженер, С.К. Конюхов, Я.Д. Ленцман, (?). (Снимок 1926 г.)

Рис. 2. Дом представительства «Тельбесбюро» в г. Кузнецке на ул. Водопадной. (Снимок 1920-х гг.)

Рис. 3. Конюшня «Тельбесбюро» в г. Кузнецке на ул. Водопадной.
(Снимок 1920-х гг.)

Рис. 4. Одна из повозок «Тельбесбюро» на фоне конторы на ул. Водопадная.
(Снимок 1920-х гг.)

Рис. 5. На заднем дворе «Тельбесбюро» в г. Кузнецке на ул. Водопадной. (Снимок 1920-х гг.)

Рис. 6. На пароходе «Дрокин»(?). В переднем ряду второй слева — Владислав Евгеньевич Некипелов, третий — Вячеслав Иосифович Высоцкий. (Снимок май 1927 г.)

Рис. 7. Река Аба в районе современного кинотеатра Октябрь. Фото 1920-х гг.

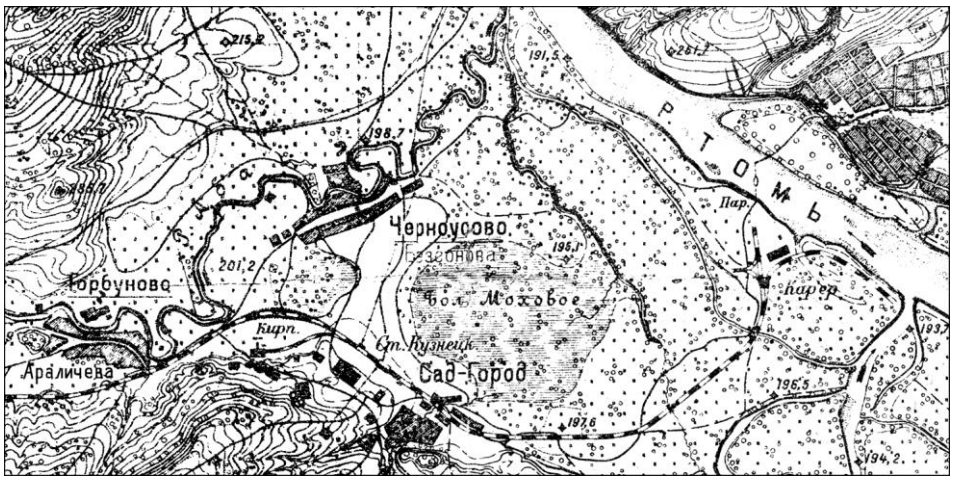


Рис. 8. Территория будущего г. Новокузнецка.
(Фрагмент карты 1927 г.)

Рис. 9. Долина р. Абы на месте будущего г. Новокузнецка.
(Фото 1920-х гг.)

Рис. 10. Михаил Антонович Усов — профессор ТТИ, будущий первый сибирский геолог-академик.

Рис. 11. Алексей Михайлович Кузьмин — профессор ТТИ.

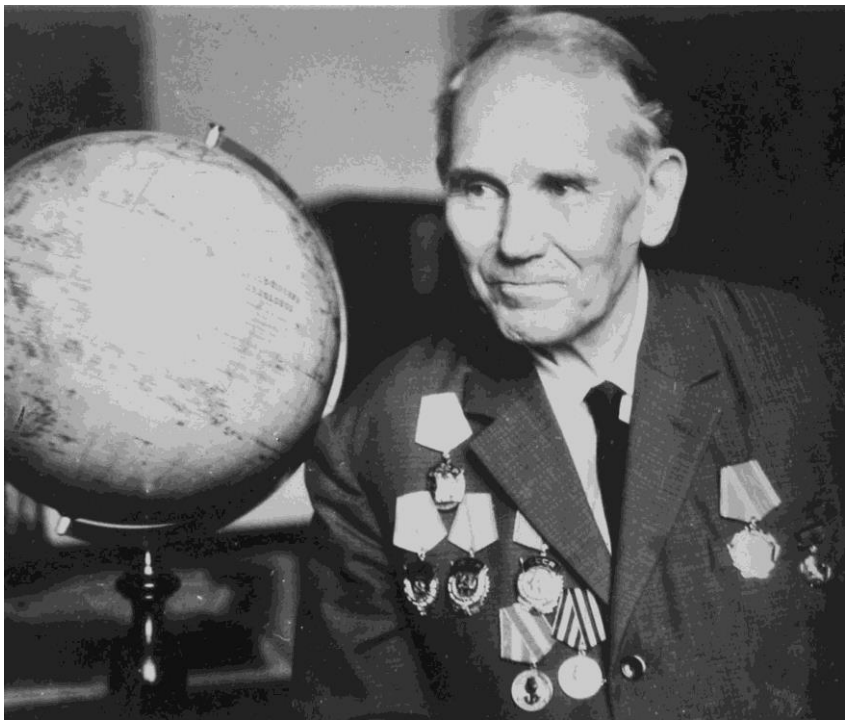


Рис. 12. Константин Владимирович Радугин — профессор ТТИ, лауреат Сталинской премии.

Рис. 13. Юрий Алексеевич Кузнецов — академик АН СССР

Рис. 14. Иван Николаевич Звонарев — геолог-угольщик, Лауреат Сталинской премии. (Снимок 1940-х гг.)

Рис. 15. Татьяна Васильевна Пятницкая — геолог. (Снимок 1931 г.).

Рис. 16. Григорий Меркурьевич Костаманов — геолог-угольщик. (Снимок 1950-х гг.)

Рис. 17. Геологи изучают угольные отложения Абашевского месторождения. Слева направо: С.М. Сендерзон, А.В. Кузнецов, Г.М. Костаманов, первая и последний — сопровождающие работники штольни Углепромсоюза. (Снимок октябрь 1940 г.)

Рис. 18. Александр Матвеевич Прусевич — геолог, первооткрыватель Кия-Шелтырского месторождения алюминиевых руд. (Снимок 1960-х гг.)

Рис. 19. Георгий Александрович Селятицкий — генеральный директор производственного геологического объединения «Запсибгеология». Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР. (Снимок 1979 г.).

Г.Б. Платонов[1]

Нашу судьбу определила война и 9-я Ленинградская артиллерийская спецшкола

До Великой Отечественной войны в Сибири и на Дальнем Востоке спецшкол не было и о них, скорее всего, ничего вообще не знали. С началом войны спецшколы из европейской части страны с командованием и учителями были эвакуированы в глубокий тыл, в восточные районы СССР. Правительство и ЦК ВКП(б) думали о резерве для подготовки командных кадров Красной Армии. Так, 1-я Московская САШ (спецартшкола) в 1941 г., когда враг стоял на ближних подступах к столице, была отправлена в шахтерский поселок Анжеро-Судженск, 6-ю Ленинградскую САШ эвакуировали в г. Тобольск, 7-ю — в г. Бийск, 9-ю — в поселок Мундыбаш, 10-ю — в г. Прокопьевск.

Специальные военизированные школы были созданы на шесть лет раньше суворовских и нахимовских училищ[2], но просуществовали они гораздо меньше последних. Прослужив почти 30 лет в Советской армии, я видел, что уже в 1960-х годах о спецшколах почти ничего не знали работники военкоматов, представители советских и партийных органов власти. Практически никаких материалов о спецшколах не сохранилось и в ЦАМО СССР. Большой труд учащихся спецшкол в военные годы также никак, ни в каких документах не был отражен. Это создало большие трудности при решении вопросов о назначении заслуженных льгот ветеранам в 1990-е годы. Было обидно — несправедливо — свою историю надо знать.

В 1937 г. Совнарком СССР принял постановление о создании специальных военизированных школ для подготовки юношей к поступлению в военные училища. В соответствии с решением правительства были созданы артиллерийские, военно-воздушные (авиационные) и военно-морские специальные школы для подготовки кадров будущих командиров Красной Армии и ВМФ. Только артиллерийских спецшкол было 16. Пять таких спецшкол, с 1-ой по 5-ю, были сформированы в Москве[3], с 6-й по 10-ю — в Ленинграде, 11-я — в Ростове-на-Дону, 12-я и 13-я — в Киеве, 14-я и 15-я — в Харькове, 16-я — в Одессе.

Срок обучения в спецшколах устанавливался 3 года. Принимались учащиеся после окончания 7 класса гражданских школ для обучения в 8-10 классах. Учащиеся спецшкол (спецшкольники, «спецы») носили военную форму одежды (Рис. 5). Например, в САШ — китель с глухим воротником и гимнастерку, синие диагоналевые брюки навыпуск, с красным кантом, черные ботинки, пилотку, фуражку и шапку с красной звездочкой, коричневый ремень с пряжкой со звездой и шинель, позднее на форме появились погоны с эмблемой «пушкарей» и символами САШ. Несмотря на то, что спецшколы были военизированными, они подчинялись не Наркомату обороны, а Наркомату просвещения РСФСР.

---

[1] Автор — полковник в отставке, ветеран ВОВ и военной службы Геннадий Борисович Платонов живет в г. Ростов-на-Дону (*Прим. ред.*).

[2] *Соловьев В.* Специальные школы // Красная звезда. 12 декабря 1986 г. С. 4.

[3] *Кассис В., Комаров В., Чичков В.* Покой нам и не снился... М.: Молодая гвардия, 1982. 256 с.; *Халтурин Ф.Н.* Над рекой Пажей / Из серии «Библиотека журнала «Советский воин»». 1986.

Учащиеся 8-х классов (взводов) спецшкол составляли 3-ю батарею, 9-х классов — 2-ю, а 10-х классов — выпускную 1-ю батарею. Школа составляла дивизион. В командование школы входили директор, замдиректора по учебной части, командир дивизиона — командир Красной Армии (с 1943 г. — офицер). В летние периоды взводами учащихся командовали военные, в зимние периоды обучения командирами взводов были учителя, в том числе женщины. Во взводах приказом по школе назначались из числа учащихся помощник командира взвода (сержант) и командиры отделений (младшие сержанты). Кроме общеобразовательных дисциплин в программу обучения учащихся спецшкол входили физическая подготовка и военное дело[1]. Изучались воинские уставы, военная топография, основы стрелковой подготовки, материальная часть артиллерии, способы подготовки данных для стрельбы наземной артиллерии. Серьезное внимание уделялось строевой выучке. Учащиеся несли караульную службу и службу внутреннего наряда (дежурные и дневальные по батарее, дежурные на КПП школы, рабочие по кухне). Спецшколы воспитывали мужество, дружбу и войсковое товарищество, стойкость в перенесении тягот и лишений, любовь к военной профессии, будущей службе в армии, патриотизм. Примером служили командиры, офицеры-фронтовики. Спецшколы были для подростков семьей, домом, школой воспитания. Их питомцы рано прошли университеты служивой жизни, регламентированной армейскими уставами. Подъем, физзарядка, утренний осмотр, завтрак, занятия, обед, самоподготовка, ужин, вечерняя проверка, прогулка, отбой — все это становилось обычным и необходимым. Спецовское братство, «спецуха», о которых упомянул в повести «Пересечения» Юлиан Семенов, явление уникальное. Спецшкольникам были присущи в годы службы в армии «военная косточка», спецовская и армейская хватка, инициатива. Учащиеся спецшкол в своем большинстве самостоятельно и сознательно принимали решение стать кадровым военным, командиром и выбирали свой жизненный путь уже в 14-16 лет. Бывшие «спецы» служили в Советской Армии с желанием, долго, повышали свои знания, воспитывали и обучали подчиненных.

Суворовские и нахимовские училища были созданы только в 1943 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) 21 августа 1943 г. приняли специальное постановление о создании девяти суворовских училищ для устройства, обучения и воспитания детей-сирот войны. В 1944 г. ГКО страны открыл еще 6 таких училищ, а в 1950-е годы прибавилось еще 2 (всего их стало 17). В 1943 г., когда открылись первые девять училищ (в каждом по 500 чел.), срок обучения в них был 7 лет. Первый выпуск суворовцев был в 1948 г. В 1940-50-е гг. действовали 3 нахимовских военно-морских училища в системе Министерства обороны СССР в Ленинграде, Севастополе и Риге и 2 суворовских училища у пограничников в Ленинграде и Ташкенте[2].

В 1967 г. в суворовские училища стали принимать юношей после 8 класса. Но установленный срок обучения (2 года) был слишком мал. Не все юноши после окончания училищ желали стать военными. В 1983 г. многие военные училища были расформированы, осталось 8 суворовских и 1 нахимовское училище. В 1987 г. действовали суворовские училища уже только в 7 городах: в Ленинграде, Калинине, Минске, Киеве, Казани, Свердловске и Уссурийске. Ликвидация учи-

---

[1] В этом была еще одна особенность спецшкол, в общеобразовательных школах военная подготовка была введена только в 1942 г., на которую в неделю выделялось в 8-х классах — 3 часа, в 9-х классах — 4 часа, в 10-х классах — 5 часов. С этого же года вводится начальная военно-физическая подготовка в 5-7-х классах (*Прим. ред.*).

[2] Суворовцы. Заседание за круглым столом журнала «Огонек» // Огонек. 3 сентября 1983 г. № 36 (2929). С. 6-10.

лищ была большой потерей и ошибкой в деле подготовки кадров будущих офицеров. Об этом и расформировании спецшкол написал статью полковник В. Тараканов[1]. С вполне понятной тревогой откликнулись в письмах бывшие суворовцы — офицеры Советской Армии, генералы в отставке, а также родственники суворовцев и учащихся, не ставших ими из-за сокращения училищ и трудностей поступления в них. В редакцию газеты «Правда» после февраля 1987 г. пришло более 100 таких писем[2]. И не было ни одного письма от ведомств, которым надлежало думать о будущем кадров вооруженных сил. Всему, конечно, свое время, но повторю — упразднение спецшкол и суворовских училищ, сыгравших важную роль в подготовке пополнения для военных училищ страны, было ошибочным и неверным решением.

В интервью журналу «Огонек» в 1987 г. летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза В.А. Джанибеков, окончивший Ташкентское суворовское училище МВД, где он учился с 1953 г. по 1960 г., сказал: «...Так готовить кадры не сможет никто. Я уже не говорю о том, что если мальчишку готовили как защитника родины с детства (выделил я — *Г.П.*), если он готов к этому психологически, что особенно важно, серьезно изучал военное дело, то такому офицеру в будущем просто нет цены! (выделил я — *Г.П.*)»[3]. Такими были многие мои товарищи, окончившие 9-ю Ленинградскую САШ в 1945 г. Я и мои друзья по спецшколе, отдали лучшие годы своей жизни, силы, знания и здоровье службе в армии, воспитанию и обучению подчиненных. Мы всегда гордились званием «спец», спецшкольник, любили военную службу и не тяготились ею.

Артиллерийские спецшколы дожили до 1946 г., когда были преобразованы в артиллерийские подготовительные училища — ЛАПУ (Ленинградское), МАПУ-1, МАПУ-2 (Московские), КАПУ (Киевское) и ХАПУ (Харьковское), последний выпуск в которых был в 1954 году.

В 1987 г. исполнилось 50 лет со дня создания артиллерийских спецшкол. К этому юбилею был учрежден и изготовлен нагрудный знак — «Ветеран спецшкол». А 12 декабря 1997 г. в Москве в Центральном Доме Российской Армии состоялся съезд бывших учащихся артиллерийских спецшкол в связи с 60-летием их учреждения. На съезде собралось около 500 человек. Были выпускники 1938-1946 гг. В докладах особо отмечалась роль спецшкол в годы Великой Отечественной войны. Мною от имени группы товарищей 2-го взвода 1-й батареи 9-й ЛСАШ был подготовлен поздравительный адрес «Участникам съезда выпускников специальных школ. Организаторам и президиуму съезда». Мы пожелали съезду успешной работы, публикации его материалов в средствах массовой информации. В конце поздравления строки:

«Если жизнь наполнена до края,
Если сердце гулкое в груди,
Если есть искринка боевая —
Значит жизнь, по сути, впереди!
Наши годы остаются людям,
Наше дело — самый ценный клад.
Пусть расцветом молодости будут
Наши боевые 60»!

---

[1] *Тараканов В.* Суворовцы. Первый шаг на пути в командиры // Правда. 12 декабря 1987 г. С. 6.

[2] *Студенкин П.* Запишите нас в суворовцы // Правда. 2 июня 1987 г. С. 6.

[3] Суворовцы... С. 6-10.

Положение ленинградских спецшкол после начала Великой Отечественной войны было особым. Вопрос об их эвакуации решался сложнее, чем других спецшкол страны. 8 сентября 1941 г. началась блокада Ленинграда[1]. Зима 1941-1942 гг. была страшной — черная, голодная, холодная. 31 августа 1941 г. была перерезана последняя железная дорога, связывающая Ленинград со страной. В этот день постановлением ГКО СССР было принято решение об организации всех перевозок (людей, продовольствия, медикаментов) через Ладожское озеро. Зимой ледовую дорогу назвали «Дорогой жизни». 20 ноября 1941 г. была установлена минимальная норма хлеба — 125 граммов[2]...

9-я Ленинградская САШ с 1937 г. по 1942 г. размещалась в доме №3 на ул. 8-я Красноармейская. К началу учебного года в 1941 г. 9-я ЛСАШ имела в своем составе 381 учащегося[3]. 25 человек из 9-х и 10-х классов добровольно ушли в народное ополчение и были отправлены на фронт (двое из них вернулись в спецшколу с ранениями ног и окончили ее в 1943 г.). За пять месяцев блокады с 8 сентября 1941 г. по 8 февраля 1942 г. спецшкола потеряла 53 учащихся убитыми и ранеными при бомбежках и артобстрелах, умершими от голода, ослабевшими (не могли дойти до школы). 9 февраля 1942 г. 303 учащихся 9-й ЛСАШ, а также 14 преподавателей, директор И.Я. Марносов, командир дивизиона капитан В.М. Хачатурян, политрук Н.П. Медведев были эвакуированы. Ладожское озеро переезжали автобусами ночью, потерь в личном составе не было. Начальный маршрут эвакуации: Ленинград – оз. Ладожское – Карбона – Жихарево.

В Жихарево погрузились в эшелон по 60 человек в вагон. Было выделено семь двухосных товарных вагонов — два для учителей и командования и пять для учащихся школы. Ехали (минуя Москву) через Волхов, Вологду, Киров, Буй на Пермь. Здесь эшелон повернул к Уралу. Далее были Свердловск, Петропавловск, Омск, Новосибирск, Сталинск. И, наконец, поезд пришел в Мундыбаш. Эвакуация длилась до 4 марта 1942 г. В дороге в вагонах умерло 36 учащихся. В пути умер и преподаватель литературы В.А. Ершов. 82 учащихся были оставлены в больницах и госпиталях разных городов, например в Перми. Некоторые из них вскоре самостоятельно добрались до Мундыбаша и продолжили учебу, отстав на год от своих одноклассников. Всего в Мундыбаш прибыло 185 крайне истощенных учащихся. За ними было установлено наблюдение врача: после длительного голодания очень важен был правильный режим питания.

Школу разместили в двух зданиях, предназначенных для военного госпиталя, но не занятых им. В июле-августе 1942 г. 9-я ЛСАШ была доукомплектована за счет набора учащихся 1926-1928 гг. рождения. Ребята приехали из разных мест Сибири и даже Дальнего Востока. Сибиряки и ленинградские спецшкольники должны были 2-3 года вместе учиться и жить в казарменных условиях. Учащиеся набора 1941 г. продолжили учебу в 9-м классе. В 1944 г., окончив 10-й класс, они стали первыми выпускниками 9-й ЛСАШ в Мундыбаше[4].

---

[1] Блокада Ленинграда продолжалась по 27 января 1944 г.

[2] В 1945 г. я, курсант 2-го ЛАОЛКУ, видел эту пайку хлеба, документы и материалы периода блокады в Музее обороны Ленинграда.

[3] Рассказ об эвакуации школы из Ленинграда ведется по письму бывшего учащегося школы набора 1941 г. (выпуска 1944 г.), полковника в отставке Николая Николаевича Королькова от 08.08.2005 г.

[4] Во время войны выпускников САШ направляли по призыву в артиллерийские училища: в 1-е, 2-е и 3-е ЛАУ, в 1-е Томское (ТАУ), Сумское, Смоленское, Днепропетровское. Эти училища (кроме 1-го ТАУ) были эвакуированы в восточные регионы страны. Выпускники 1941 г. проходили в училищах подготовку 3 месяца и отправлялись на фронт. Позднее сроки обучения в них были от 6 месяцев до 1-1,5 лет.

В июне 1942 г. я окончил на «отлично» 7-й класс школы №12 г. Новосибирска и решил стать военным. Мое решение родилось не вдруг, не сразу. Его подготавливали время, события в семьях родных, а также окружавшие меня хорошие люди — мужчины. 9 марта 1940 г. в Советско-финской войне погиб мой дядя-сибиряк, старший политрук Василий Созинов (его именем я назвал своего сына в 1958 г.). В 1942 г. ушел на фронт дядя Иван Платонов, воевавший с басмачами в Гражданскую войну. Погиб в 1941 г. под Москвой друг семьи, младший командир взвода, отличник РККА Петр Петраков. Были призваны в армию две родных тети, ушел на фронт двоюродный брат Валериан Величковский. На решение стать кадровым военным повлияли прекрасные советские кинофильмы, книги военной поры. Шел второй год войны. Потерпев поражение под Москвой зимой 1941 г., враг рвался к Волге с задачей захватить Сталинград, выйти к Уралу и Кавказу. Это было суровое и трудное время для страны. Армию и ее командиров тогда любил наш народ. Профессия военного — защитника Отечества — была уважаемой и престижной. В конце августа 1942 г., взяв с собой подушку и матрацную наволочку (так было предписано в ответном письме на мое заявление о приеме в 9-ю ЛСАШ), я уехал из г. Новосибирска в пос. Мундыбаш. Уехал, попрощавшись с мамой, братом, родными и друзьями. Уехал, как оказалось навсегда, став в 1947 г. офицером-артиллеристом. С 1943 г. (мне тогда шел 16-й год!) я приезжал домой уже как гость.

Выбор был сделан... Я ехал в Мундыбаш, как и мои друзья, через станции Инская, Богутак, Тогучин, а дальше дорога шла на Таштагол — в Горную Шорию. Железнодорожная ст. Мундыбаш находится под горой. Наверх, в поселок и школу, вел переходной мост. Школа стояла на горе (Рис. 1, 1; 2). Внизу петляла р. Тельбес с висячим на тросах мостом, была видна баня, домики жителей, агломерационная фабрика обогащения железной руды. Территория школы была огорожена забором. Пройти надо было через КПП, где стоял часовой — пацан, «малек» в военной форме с винтовкой выше его (образца 1891/1930 гг.). И вот я стоял во дворе школы. Впереди была новая жизнь. Спецшкола, друзья, учителя, командиры — стали новой семьей, домом.

Вместе со мной в 9-ю ЛСАШ поступили и другие ребята-сибиряки 1926-1928 гг. рождения. Обстоятельства, конечно, у всех моих новых товарищей были разными. Многих из них помню до сих пор: из г. Новосибирска кроме меня были — Владимир Бакетов, Юрий Протопопов, Петр Рубанов; из пос. Мундыбаш — Александр Морозов, Анатолий Полетайкин, Георгий (Гоша) Порцев, Александр Тиунов, Кирилл Фигулин; из д. Чарышта (в 30 км от Мундыбаша) — Леонид Петелин; из детских домов: Николай Лукьянов, Александр Коротков; из г. Сталинска — Владимир Антонов, Владимир Чесноков; из г. Томска — Александр Кононов; из пос. Нарым — Виктор Загуляев (*См. Приложение-1*).

Я был зачислен во 2-й взвод 3-й батареи[1]. Во взводе было 34 человека. Командиром был физик И.Т. Нестеров. Первым командиром моей батареи был младший лейтенант Михаил Михайлович Большаков, но в 1943 г. его сменил фронтовик, уволенный из действующей армии по ранениям, лейтенант Михаил Семенович Микулинский[2] (Рис. 3; 4). Командиром дивизиона был майор Вароз

---

[1] Вновь принятые сибиряки и отставшие из-за болезни ленинградские «спецы» составили 3-ю батарею (8-е классы). Нас разбили на 5 взводов по 30-35 человек.

[2] Из письма М.С. Микулинского Г.Б. Платонову от 21.01.1993 г.: «В первый же день войны 1941 года направился в военкомат с просьбой зачислить меня в ряды защитников Родины. К этому времени закончил 4 курса института. Попал на Западный фронт. Отступал, а вернее «драпал», по дороге Минск—Москва. В Смоленске меня зачислили в Смоленское артучилище. Спустя 5 месяцев мне на петлицы навесили два кубаря и напра-

Михайлович Хачатурян, суровый и справедливый, не делавший никаких скидок «спецам»-мальчишкам, воспитывавший в нас воинов, мужчин. Директором школы был Иван Яковлевич Марносов[1]. Поговаривали, что этот чопорный, сухой, без эмоций человек был лейтенантом интендантской службы запаса. Ходил он в длинной кавалерийской шинели. Его заместителем по учебной части был Михаил Иванович Гржибовский (Рис. 3). Преподавал он русский язык, прекрасно знал историю и литературу. В школе были и помощник по снабжению и завхоз (по фамилии Карой). Каптенармусом был по совместительству учитель математики Юрий Яковлевич Титаренко. Его дочь Ирина Юрьевна Пергамент была замечательным человеком, учителем химии и английского языка. Ей мы обязаны за сделанные каждому фотопортреты 3х4 см, фотографии взводов и бесценные кадры в День Победы 9 мая 1945 г. Жена Титаренко в 1942/1943 гг. преподавала литературу учащимся набора 1941 г. Литературу учащимся нашего набора (1942 г.) преподавал Андриевский, черчение — Горбунова, физику — Иван Тимофеевич Нестеров, естествознание (биологию) — Неронова, немецкий язык — Рахилья Яковлевна Мозжухина, историю — Педан. Учителя были прекрасные[2]. Особенно хочется отметить учителя математики (алгебры, геометрии, тригонометрии) Якова Исааковича Ционсона, давшего нам глубокие знания.

Все учителя жили в каморках при школе, они носили форму с петлицами на мундире и отложным воротником.

Начался 1942/1943 учебный год — первый год учебы в пос. Мундыбаш. Предстояло учиться по программам общеобразовательных школ РСФСР и изучать военное дело. Кроме математики, физики, истории, биологии, литературы, химии и других предметов (всего было 14 предметов) мы изучали артиллерийско-стрелковую подготовку, несколько способов ведения артогня по наблюдению знаков разрыва, военную топографию, материальную часть артиллерии, уставы. В школе были два орудия 76 мм, миномет, стрелковое оружие. Был военный кабинет — гордость командира дивизиона — с плакатами, стендом, оружием. На стенах — в разрезе артиллерийские снаряды, мины, взрыватели. Занимались строевой и физической подготовкой. Учеба была главным, и мы это вскоре поняли. Учили нас прекрасно. Занимались мы по 6-8 часов, шесть дней в неделю. Каждый взвод имел свой класс, где вместо парт стояли столы с широкими досками и скамьи. Занятия проходили по расписанию. Сигнал подавался трубой. Быт и распорядок дня учащихся регламентировался уставами Красной Армии: подъем, физзарядка (с голым торсом в любое время года), умывание, завтрак, занятия, обед, хозработы, ужин, прогулка, проверка, отбой. Дисциплину поддерживали командование, офицеры, старшины батарей. Ежедневно утром (кроме воскресенья) дивизион выстраивался на плацу возле казармы и столовой (Рис. 2) (учебный корпус с классами и военным кабинетом находился в другом здании). Выносилось знамя школы. После развода учащиеся повзводно расходились по своим классам. В каждом взводе были помощник командира взвода и командиры

вили на Сталинградский фронт командиром батареи. Взводом не довелось командовать. В августе 1942 года получил ранение и сильную контузию. Неоднократно оперировали, лечили в Красноярском госпитале. Выписали с костылями, инвалидом. Отдел кадров СибВО, в связи с невозможностью использовать меня в действующей армии, направил меня в 1943 г. в 9 САШ».

[1] После преобразования в июле-августе 1946 г. спецартшкол в ЛАПУ, он был зам. начальника училища по учебной части.

[2] К сожалению, не помню, что преподавали Клавдия Николаевна Галямичева (ком. 4-го взвода набора 1942 г.) и Алексев (его подпись есть в моем аттестате).

отделений. Перед началом урока дежурный по взводу отдавал рапорт учителю (на уроке немецкого языка на немецком языке!).

Учиться было нелегко — из-за отрывов в наряд и на хозработы, из-за недоедания, холода в казарме и в учебном корпусе. Библиотечный фонд школы был небогат. Вопросам успеваемости и дисциплины на занятиях большое внимание уделяли не только командиры, но и комсомольская организация батарей. Во взводах выпускались боевые листки. Назывались они по-разному: «Зеркало», «Хоботом по голове». Была надпись вверху: «Проверено спецовской цензурой». У меня сохранились несколько «Боевых листков» нашего 2-го взвода за 1944 и 1945 гг. В редколлегию входили я и Саша Тиунов, оба мы довольно хорошо рисовали. Заметки писались остро, с юмором, с карикатурами (Рис. 6). Они вызывали живой интерес или недовольство «нашим органом издания». К отстающим или лодырям командование школы принимало свои меры. В том числе их переодевали в гражданскую одежду, хранившуюся в каптерке, в которой ребята поступали в школу. Это было сильное воздействие. Дело в том, что по субботам и воскресеньям в коридоре учебного корпуса на первом этаже под оркестр[1] были танцы. «Спец» на КПП пропускал симпатичных девчат. Естественно, прийти на танцы без формы, как белая ворона, учащийся не мог из самолюбия и из-за насмешек. Лишали и увольнения в поселок — на базарчик, где можно было купить вареную фасоль, картошку и варенец, а местных ребят — домой.

Очень серьезно в нашей школе было поставлено физическое воспитание (организатор спортивной работы — Богуславский). Многим из нас удалось достичь хороших результатов на спортивных снарядах. Девиз был один: «В хлипком теле — хлипкий дух». Зимнюю физзарядку, под наблюдением и контролем врача школы майора мед. сл. Анастасии Романовны Нестеровой, проводили во дворе без нательных рубашек. Затем делали пробежку 250-300 м до пожарной каланчи и назад, умывались над ванной, над которой была закреплена водопроводная труба с просверленными отверстиями, и быстро обтирались. И так ежедневно, даже при морозах -30-35°С. Лейтенант-пограничник Василий Васильевич Молчанов, потерявший на войне ногу, делая упражнения на турнике перед ребятами, говорил: «Благодаря спорту я остался жив после ранения. Военный человек должен быть грамотным, культурным, физически крепким и надежным защитником Родины, предан партии и товарищу Сталину». После такого разговора и личного показа «спецы» с энтузиазмом занимались гимнастикой. В зимнее время проводились лыжные кроссы по замерзающей р. Тельбес. Одеты «спецы» были недостаточно тепло для погодных условий Сибири: тонкое нижнее белье, ботинки, брюки навыпуск, простые носки, не у всех были рукавицы.

В январе 1943 г. на каникулах был первый отпуск домой сроком 10 дней. Менялась наша верхняя одежда: вначале нам выдали тонкие черные матросские бушлаты, потом — югославские короткие шинели из зеленого английского сукна, а еще позже — теплые, русского сукна шинели офицерского покроя с двумя рядами пуговиц. Наша форма вызывала удивление у жителей Новосибирска, куда я приехал на каникулы. Трудно передать радость встречи с мамой, родными.

Шла война. Фронту помогал тыл — взрослые и дети. Трудились и учащиеся 9-й ЛСАШ. Вопреки мнению, бытовавшему в 1990-е годы у работников социального обеспечения, артиллерийские спецшколы, не находились «на полном пансионе» у государства и Наркомпроса РСФСР. Напротив, школа была на самообслуживании во многих вопросах. Решениями местных партийных и совет-

---

[1] В школе был свой оркестр духовых инструментов из ребят разных взводов (всего 19 человек). Руководителем оркестра был Паренов, а старшиной оркестра — «спец» Николай Головин (из набора 1941 г.).

ских органов власти и приказом директора школы учащиеся направлялись на различные работы с отрывом и без отрыва от учебы и даже в дни летних каникул, весенних и зимних. Мы оказывали помощь близлежащим колхозам и совхозам Кузедеевского района Кемеровской области в уборке овощей — картофеля, свеклы, брюквы, моркови, капусты, в заготовке и уборке сена. Работали по ремонту железнодорожных путей в Мундыбаше (замена щебня, шпал), на разгрузке вагонов с углем для жителей поселка и для школы, выезжали в Сталинск на разгрузку эшелонов с разбитой военной техникой — нашей и трофейной, для последующей ее переплавки на Кузнецком металлургическом комбинате. Работали и на подсобном хозяйстве школы — занимались посадкой овощей, их уборкой и переноской на своих неокрепших плечах за 3-4 км (дневная норма— 40 кг картофеля). Приходилось работать и на лесозаготовках по обеспечению школы дровами. Нужно было не только обогревать два двухэтажных корпуса, кухня также ежедневно требовала топлива. Местные органы власти выделяли школе участки в лесу в 10-15 км от школы в горах, где мы валили лес (помогали взрослые), обрубали сучья деревьев, распиливали стволы на полутораметровые чурки и складывали их в поленницы. Зимой без пимов, в ботинках, под музыку оркестра мы шли по горной тропе вниз, переходили по льду р. Тельбес и поднимались в гору за чурками. Несли их на себе в школу (норма — 2-3 чурки в день), где пилили и кололи на дрова. Все делалось по командам. Увильнуть от работы было просто невозможно. Освобождение получали только по заключению врача школы А.Р. Нестеровой. Было продумано и обеспечение школы углем. Учащиеся повзводно разгружали вагоны, переносили уголь на носилках в школу и высыпали в котельную под неусыпным оком завхоза, который вел учет в своем кондуите (норма на человека — 40 кг). Иногда для транспортировки угля использовались сани с ящиком, который вмещал около 400 кг. С горы, связывая оглобли, скатывались на них, но каково было толкать в гору такие «саночки». Часто это было труднее, чем носить уголь на носилках.

Вот так мы, в сущности, еще мальчишки, и жили. И вот что надо отметить. Труд учащихся-спецов документально не оформлялся. Тогда, в годы войны, мы об этом не думали, мы работали там, куда нас отправляли со своими командирами. Трудовые книжки, конечно же, не выдавались. О привлечении нас к «внешним» работам в архив также не было сдано никаких документов: ни решений органов власти, ни приказов по школе. Ощутили мы этот пробел только в 1990-х годах, когда ветеранам было отказано в заслуженных льготах. Учащиеся спецшкол, подчиняясь Наркомпросу, не приравнивались к категории юнг и сыновей полков. Не были они приравнены и к детям колхозникам и учащимся ремесленных училищ. И поэтому оказались пасынками страны. Нужно сказать, что и в годы войны, когда была карточная система, отделы просвещения и военные комендатуры отсылали нас друг к другу. Правда, спецам-новосибирцам однажды помог адъютант командующего СибВО. Нам было выдано в разовом порядке кое-что из продуктов (картошка, крупа, мука, селедка). Свой вклад в победу мы внесли посильным трудом на трудовом фронте в годы войны, напряженной учебой, по изучению военного дела в 9-й ЛСАШ, для подготовки к службе в Красной армии. Мы приближали День Победы как могли.

В учебе и труде прошел первый учебный 1942/1943 год. Нас, «спецов» 3-й батареи, после экзаменов перевели во 2-ю батарею (в 9-е классы). В 1943 г. я стал членом ВЛКСМ и был приказом назначен помощником командира 2-го взвода. Мне было присвоено звание сержант (Рис. 9). В 1943 г. были первые весенние каникулы, мы впервые работали на своем подсобном хозяйстве. В летнее время школа (дивизион) выезжала в лагерь на р. Кондоме в 6-8 км выше по течению от зимних квартир в пос. Мундыбаш. Поскольку школа не имела пала-

ток, мы сами делали домики из частокола, покрывая крыши дерном. Домики стояли в лесу, перед ними в долине была разбита лагерная линейка для общего построения при подъеме, утреннем смотре и вечерней проверке. В домиках были нары. Утром после подъема — физзарядка на берегу холодной горной реки и обязательно купание[1]. Ежедневно слушали сводку Совинформбюро о положении на советско-германском фронте или узнавали новости от учителей и командиров. Мы радовались победам Красной Армии под Сталинградом и в Курской битве.

В летнем лагере мы закрепляли знания на практике по военному делу. Здесь мы ходили по азимуту. Кроки маршрутов составлял лейтенант-пограничник В.В. Молчанов. Провести его не удавалось никому. Он верхом на единственной в школе лошади проверял прохождение «спецами» контрольных точек. Правилам стрельбы наземной артиллерии мы учились на своем винтполигоне. Он был оборудован на другом берегу реки от летнего лагеря, на склоне горы. На расчищенном участке создавались миниатюрные макеты целей — орудий, танков, отрывались канавки-траншеи «живой силы противника». Со стороны лагеря устанавливалась 76-миллиметровая полковая пушка. В ствол пушки вставлялась винтовка, по-моему — берданка калибра 10,67 мм. Подготавливались исходные данные, и наводчик, работая механизмами орудия, наводил ствол на цель, оставалось произвести из вставленной в ствол винтовки выстрел. За целями прятали бутылки с горючим. При попадании в цель бутылка загоралась. Это было здорово!

Несли и караульную службу. Пост был у продовольственного склада на берегу реки. Рядом стояла пушка. Часовой имел винтовку калибра 7,62 мм со штыком, но без патронов. Был случай нападения на пост местных парней. Часовой от града камней спрятался за щит пушки и дал сигнал о нападении. По сигналу «Тревога!» поднялась вся школа. После потасовки нападавшие парни бежали через реку. Больше таких фактов не было: урок был дан. Несли «спецы» и службу внутреннего наряда. Лагерная жизнь была серьезным этапом в обучении будущих курсантов артучилищ страны. И так два года до окончания школы[2]. После лагерей возвращались на зимние квартиры в пос. Мундыбаш. Мы повзрослели, возмужали, очень сдружились.

Осенью 1943 г., после уборки урожая, вновь началась учеба. Наша жизнь шла размеренно. Взаимоотношения учащихся трех батарей в целом были хорошие. Жили мы большой семьей. Конечно, за три года было всякое: обиды, трудности в общении, связанные отчасти с разным воспитанием в семьях, с разным кругом интересов. Нормально воспринимались шутки и даже подначки. «Спецы» уважали честность, порядочность, способность к учебе и успехи товарищей, и конечно, физическую силу, достижения в гимнастике. У нас были и ребята-детдомовцы. К ним отношение было особым: их не обижали, были к ним внимательны. Не терпели жадных, «стукачей». Когда кто-то приезжал из дома после каникул или приходил из дома поле увольнения, угощали друг друга, делились едой. Не прощали воровство: устраивали «темную» таким типам. Правда, такие самосуды были единичны. Говоря современным языком, надо отметить отсутствие «дедовщины», но авторитет 1-й батареи (10-е классы) был признан безоговорочно. Дружба крепла в учебе и труде. Тогда у нас всех судьба была одна.

Жизнь была суровой, трудной, поэтому особые события не могли быть не замеченными. Таким событием в 1943 г. в пос. Мундыбаш и 9-й ЛСАШ стали

---

[1] Выше по течению от лагеря на горе жили геологи. «Спецы» у них, озоруя из-за плохого питания, «трясли» корчаги с рыбой, хорошо заметные в прозрачной воде говорливой Кондомы.

[2] Жизнь учащихся 9-й ЛСАШ подробно отражена в «Балладе о Мундыбаше». (См. Приложение-2).

гастроли телепата Вольфа Мессинга. Во время своих телепатических сеансов он поразил «спецов», находя в зале спрятанные у кого-нибудь часы, платок и другие вещи, читая мысли ассистентки, которую он держал за руку.

Незаметно прошло первое полугодие 1943/1944 учебного года. Нам объявили благодарности за успехи в учебе приказом по школе. Зимой на каникулах мы последний раз были дома. Я учился отлично, и мама этим гордилась. Наступил 1944 год. Весной и летом советские войска вышли к государственной границе СССР — территория нашей страны была очищена от немецко-фашистких захватчиков. Лето 1944 г. в жизни 9-ой ЛСАШ также было особым: был первый выпуск «спецов» в Мундыбаше. Были построения и проводы выпускников, уезжавших в артиллерийские училища на учебу[1]. Через 6 месяцев после окончания училищ их отправляли командирами взводов на фронт. Не все они вернулись с войны[2]. В 1944 г. ушли на фронт и некоторые ребята набора 1942 г. — старшие по возрасту. Ушел в Омское танковое училище младший сержант Николай Фомин из моего 2-го взвода. Он погиб на фронте.

1 сентября началась учеба пяти взводов моей 1-й батареи (10-х классов). Учебный 1944/1945 год был напряженным. Впереди была весна победного 1945 г., окончание школы, экзамены. Чувствуя завершение учебы, мы фотографировались на память. Война вступила в заключительную фазу. Из сводок Совинформбюро мы регулярно узнавали последние новости о событиях на фронтах. В январе 1945 г. началось наступление советских войск. Боевые действия наша армия вела в Польше, Югославии, Восточной Пруссии... 13 февраля взят Будапешт, 9 апреля пал Кенигсберг, 13 апреля взята Вена, 16 апреля началась Берлинская операция. События развивались так стремительно, что мы, «спецы», полной картины обстановки на фронтах тогда часто не знали.

9 мая 1945 г., среда. Утром, когда все еще спали, дневальный по 1-й батарее закричал: «Победа! Победа!!». Сонные, еще не осознав все, ребята вскочили и радовались кто как мог: кто пел, кто плясал, кто друзей обнимал. Поздравляли друг друга. Радость, гордость охватили нас!

После завтрака школа построилась перед учебным корпусом. Знамя школы в строю! Сержант Геннадий Платонов у знамени, ассистенты — старшина 1-й батареи Виктор Загуляев и старшина 2-й батареи Владимир Бакетов. Открыт митинг. Выступающие взбирались на стол (Рис. 7). У двух 76-милимметровых пушек суетились расчеты, готовясь к победному залпу. Учительница химии И.Ю. Пергамент сняла на фотопленку эти незабываемые моменты 9 мая в Мундыбаше во дворе школы. Холостой залп всполошил жителей, взбудоражил всех и возвестил: «Конец войне!». Потом торжественное прохождение маршем, праздничный обед со 100 граммами вина каждому, ужин и танцы до утра. Так первый раз отметили Праздник Победы учащиеся 9-й ЛСАШ — будущие офицеры-артиллеристы.

В 1945 г. в 10-х классах Наркомпрос впервые ввел в образовательных учебных заведениях экзамены на аттестат зрелости. Предстояла серьезная подготовка. Это понимали все — и учащиеся, и учителя, и командование школы. Экзамены

---

[1] Кто-то в 1944 г. отснял киноленту, кадры которой увидели участники встречи 18 мая 1985 г. в Ленинграде, где были 26 человек выпуска 1945 г. Тогда нам показали эту киноленту впервые. Мы узнавали друг друга, выпускников 1944 г.

[2] Из письма выпускника 1944 г. Н.Н. Королькова от 08.08.05 узнал о судьбе еще одного из этих выпускников — о В.М. Торгунакове (из Мундыбаша). В.М. Торгунаков, после окончания 9 ЛСАШ и службы, с 1952 по 1954 гг. был преподавателем физподготовки в Центральных артиллерийских офицерских курсах в Ленинграде. Затем в 1954-1958 гг. обучался в Дипломатической академии и до 1984 г. был на дипслужбе.

проходили с 20 мая по 25 июня. У меня сохранились некоторые фото этих памятных дней (Рис. 8). Я сдал все экзамены на «отлично» — на золотую медаль, В. Бакетов окончил школу с серебряной медалью. Аттестаты выдавали с подписями директора И.Я. Марносова, завуча и учителей[1]. Выпускной был 29 июня 1945 г. Прошел весело: было много тостов, мало вина — дали по неполному стакану. А потом были танцы.

Так было... Мундыбашский период в моей жизни был памятным, светлым, несмотря на трудности военных лет, и очень важным на моем пути становления офицера-артиллериста. Учеба в Мундыбаше осталась позади. Мы, выпускники, 30 июня 1945 г. добровольно вступили через военкоматы с. Кузедеево и г. Таштагола в ряды Красной Армии[2]. В тот же день 150 спецшкольников выпуска 1945 г. были отправлены из пос. Мундыбаш в г. Новосибирск[3]. Погода была скверная, словно протестовала. На железнодорожном вокзале нас провожали «спецы», девчата, население. Попрощались с учителями, младшими товарищами, со школой, где жили одной семьей три года. Прощание взволновало ребят искренностью. С нами поехал комбат С.М. Микулинский. Командир дивизиона, майор В.М. Хачатурян, не раз писавший рапорта, «вырвался» на фронт еще в 1944 г. Тогда школа с оркестром, без разрешения директора И.Я. Марносова, провожала его, выстроившись на перроне. Так было... Теперь провожали выпускников 1-й батареи — нас. Прощайте, горы, прощай, Мундыбаш!

1 июля наш поезд прибыл на пересыльный пункт г. Новосибирска. 150 человек, подстриженных, в спецовской форме, высыпали на перрон (меня встретили мама, брат, родные, друг детства, от которого я и узнал в 1942 г. о 9-й ЛСАШ). Нас разделили пополам: 75 человек были направлены в Ленинград в 1-е ЛАУ (на конной тяге) и во 2-е ЛАОЛКУ (на механической тяге), остальных распределили в Сумское артучилище на Украине и в артиллерийское училище г. Томска[4]. Прощаясь, мы встали в круг и молодыми звонкими голосами пели песни военных лет: «Артиллеристы, Сталин дал приказ, артиллеристы, зовет Отчизна нас...», «Эх, махорочка, махорка, породнились мы с тобой, вдаль глядят дозоры зорко, мы готовы в бой...» и другие. Вокруг нас собралось много людей. Наша форма — гимнастерки с погонами, ремни, брюки навыпуск, черные ботинки — для новосибирцев была необычной. Прощание было тяжелым, даже плакали. Все же крепко мы сдружились. Команда: «По вагонам!». Мы, уже почти ленинградцы, прощались с Сибирью.

Эшелон шел на Запад, через Урал, на Москву, 11 суток. Навстречу шли воинские эшелоны. На платформах — танки, орудия, самолеты, в теплушках — солдаты, музыка, песни. Прошли восемь эшелонов от Татарской. На вагонах

---

[1] Я свой «золотой» аттестат и золотую медаль не получил, так как их не было. Выдали мне их лишь 27 ноября 1946 г., когда я уже был курсантом 6-й батареи 2-го дивизиона 2-го ЛАОЛКУ (тогда на первом этаже ЛАОЛКУ размещался 10-й класс ЛАПУ, в которое была преобразована 9-я ЛСАШ в июле-августе 1946 г. Только тогда ЛАПУ было передано Наркомату Вооруженных сил СССР из Наркомпроса РСФСР).

[2] Это был последний призыв 1944/1945 года. Я был призван, согласно Алфавитной книге учета призванных за 1944-45 гг. Кузедеевского РВК, 30 июня 1945 г. из Мундыбашской артшколы (так тогда называли 9-ю ЛСАШ).

[3] 9-я ЛСАШ оставалась в пос. Мундыбаш до сентября 1945 г., затем она (8, 9 классы) была перевезена в г. Ленинград.

[4] Выпускники 9-й ЛСАШ 1945 г. Ю. Власов, В. Лямзин, В. Резниченко, А. Кононов и др. окончили ТАУ. А.П. Кононов после сокращения армии в 1958 г. учился, стал канд. техн. наук, был зав. кафедрой «ТОЭ» в Томском политехническом институте. Умер 9 августа 2003 г. в Томске.

надписи: «Мы русские, мы победили!», «Слава маршалу Василевскому!», «Слава маршалу Малиновскому!». Прошел на Восток эшелон с пленными немцами. Впереди — Омск, Тюмень, Свердловск. Мы понимали, что скоро война с милитаристской Японией. Впереди были 23 дня боевых действий нашей армии, разгром Квантунской армии, окончание Второй мировой войны. А нас, «спецов», ждала учеба в ленинградских артучилищах, начало службы в Красной Армии.

9 июля 1945 г. наш эшелон прибыл в Москву. В столице СССР мы были впервые в своей жизни. Нам разрешили увольнение в город. Впервые я увидел Красную площадь, Кремль, мавзолей Ленина, памятник Победы. 11 июля мы прибыли в Ленинград — на Московский вокзал. Построились в две колонны. Одна направилась к 1-му ЛАУ, другая — ко 2-му. Я попал в группу «спецов», призванных во 2-е ЛАОЛКУ на ул. Войнова, 41 (ныне ул. Шпалерная). По улицам города-героя шли строем. С нами до ворот училища шел командир батареи, ленинградец, лейтенант Михаил Семенович Микулинский[1].

Для нас, выпускников 9-й ЛСАШ 1945 года, началась новая страница жизни — в качестве курсантов прославленного 2-ого ЛАОЛКУ. Впереди были войсковой приемник (карантин), первые лагеря в июле-августе под г. Луга, 2-3 года учебы без отпусков, окончание училища. Я учился два года: в 1946 г. отобрали два взвода наиболее подготовленных курсантов. 27 сентября 1947 г. нам присвоили первичное звание «лейтенант», и я по выбору, как окончивший 2-е ЛАОЛКУ по 1-му разряду, был назначен командиром взвода в 437 гвардейский корпусной артполк Киевского военного округа (Рис. 10).

Кто знает, как бы сложилась наша жизнь, наше будущее, если бы мы не окончили в пос. Мундыбаш 9-ю ЛСАШ. Спецшкола дала нам прочные знания, начальные военные навыки, закалила нас и подготовила к нелегкой армейской службе. Я часто вспоминаю тех ребят военных лет и даже вижу их, когда глаза закрою. Мы уже давно в отставке, на пенсии, являемся ветеранами Великой Отечественной войны, Ветеранами военной службы, многие ушли из жизни. Давно уже нет артиллерийских спецшкол (с 1946 г.) и артиллерийских подготовительных училищ (с 1953-1954 гг.), составлявших систему продуманной подготовки офицерских кадров артиллерии нашей армии[2]. Я горжусь тем, что причастен к истории спецартшкол, что окончил в 1945 г. 9-ю Ленинградскую САШ и прошел службу артиллеристом и ракетчиком.

---

[1] В июле-августе 1946 г. все ленинградские САШ были преобразованы в Ленинградское артиллерийское подготовительное училище (ЛАПУ). Начальником училища был назначен гв. генерал-лейтенант артиллерии Бриченок. М.С. Микулинский проработал в ЛАПУ всего 1 месяц на должности офицера-воспитателя. Он был мудрый, выдержанный, чуткий человек. М.С. Микулинский стал протестовать против насаждаемых новым командованием чрезмерно строгих требований к учащимся, против «солдафонского» воспитания. Смело высказывал свое мнение по данному вопросу, когда его вызывали «на ковер». Вскоре он подал рапорт об увольнении, который к обоюдному удовольствию был удовлетворен.

[2] Профессия — защищать Родину. РВКИУ. Очерк истории (1951-1976). Ростов-на-Дону, 1976; Первое ракетное. Очерк истории РВКИУ (1951-1991). Ростов-на-Дону, 1991. Первыми слушателями (курсантами) первого высшего инженерного училища в Ростове-на-Дону стали бывшие курсанты артиллерийских училищ и воспитанники подготовительных училищ страны. Отбор был тщательным. В 1951 г. в РВКИУ было направлено, например, 11 медалистов-курсантов моего взвода, ставших высококвалифицированными специалистами ракетных войск стратегического назначения.

ЛИТЕРАТУРА:

Кассис, В. Покой нам и не снился... / В. Кассис, В. Комаров, В. Чичков. М.: Молодая гвардия, 1982. 256 с.

Первое ракетное. Очерк истории РВКИУ им. Главного маршала артиллерии М.И. Неделина (1951-1991). Ростов-на-Дону, 1991.

Профессия — защищать Родину. Ростовское высшее военное командно-инженерное училище им. Главного маршала артиллерии Неделина М. И. Очерк истории (1951-1976). Ростов-на-Дону, 1976.

Соловьев, В. Специальные школы / В. Соловьев // Красная звезда. 12 декабря 1986 г. С. 4.

Студенкин, П. Запишите нас в суворовцы / П. Студенкин // Правда. 2 июня 1987 г. С. 6.

Суворовцы. Заседание за круглым столом журнала «Огонек» // Огонек. 1983. №36(2929). С. 6-10.

Тараканов, В. Суворовцы. Первый шаг на пути в командиры / В. Тараканов // Правда. 12 февраля 1987 г. С. 6.

Халтурин, Ф.Н. Над рекой Пажей / Ф.Н. Халтурин // Библиотека журнала «Советский воин». 1986.

Приложение 1:

Составы взводов[1] 9-й ЛСАШ выпуска 29.06.1945 г.

1-я батарея (Командир батареи л-т М.С. Микулинский):

1-й взвод (Командир взвода мл. л-т Ильин):

Ивачев, Е. Волосатов, Царев, Суворов, Винокуров, Кульчицкий, Хорошилов, Конев, мл. с-т Крюков, пом. комвзвода с-т В. Соловьев, мл. с-т Н. Головин, Жуков, Батасов, Буйный, Мельников, Сопотчин, В. Киселевский, Таранков, Козлов, Волков, Макаров, А. Корчагин, Воробьев, В. Елынцев, В. Сюткин, Мазин.

2-й взвод (Рис. 8) (Командир взвода И.Т. Нестеров, преп. физики):

Слева направо в 1-м ряду: Виктор Сидоров, Забелин, Г. Романов, Юрий Петрович Галямичев[2], Владимир Лямзин, Борис Черкинский; во 2-м ряду: Константин Загайнов (стоит в пилотке), Александр Морозов, Борис Терентьев, Николай Лукьянов, пом. комвзвода с-т Г.Б. Платонов (в фуражке), Георгий Порцев, Леонид Петелин (стоит), Юрий Конев (стоит); в 3-м ряду: Константин Константинович Дрозд (стоит в фуражке), Михаил Ермолаев (сидит в пилотке), Анатолий Полетайкин, комвзвода И.Т. Нестеров, комбат 1-ой батареи л-т М.С. Микулинский, мл. с-т Владимир Евстафьевич Антонов[3], Александр Коротков, А. Финогенов, Добров; в 4-м ряду: Дмитрий Фетисов (в фуражке), Александр Петрович Кононов, мл. с-т Василий Ющенко (в фуражке), Галим Абдулович Загидулин, Вениамин Владимирович Гельдке, Валентин Мельников, старшина Петр Андреевич Рубанов[4], Кирилл Фигулин, Анищенко.

---

[1] Восстановлено Г.Б. Платоновым по воспоминаниям и имеющимся фотографиям. На 3-й взвод информации нет.

[2] Его мать — учительница, командир 4-го взвода Клавдия Николаевна.

[3] После демобилизации из СА, жил в г. Новокузнецке, работал нач. штаба ГО Кузнецкой ж/д.

[4] Прослужил в СА 38 лет.

На фото (Рис. 8) отсутствуют: Юрий Александрович Протопопов, Алексей Умнов, Владимир Чесноков, Александр Тиунов.

4-й взвод (Командир взвода К.Н. Галямичева, учительница):
В. Леонтьев, В. Мендюк, Э. Адольченко, О. Васильев, П. Комин, Е. Маханов, В. Дмитриев, В. Двизов, Г. Вуденко, В. Луговой, мл. с-т Р. Щекунов, А. Шарыпов, В. Стригин, Ю. Смирнов, Ю. Власов, А. Гузь, А. Кустов, И. Исаков, Г. Павленко, М. Беляев, Л. Магид, В. Рыбаков, Г. Ашихман, М. Косвинцев, В. Сорокатый, А. Терентьев, В. Резниченко, Ф. Краснянский, Я. Федотов, В. Ефремов, Н. Беглецов.

5-й взвод (Командир взвода к-н Солдатов):
Мл. с-т Н. Пазыныч, Вагайцев, Бакасов, Клименев, Чурбанов, Дуплинский, Трушин, Смирнов, пом. комвзвода с-т Шрайбер, Ващенко, Е. Глухов, Кащеев, Сидоренко, Рябышев, В. Фатин, Балахнин, Седых, В. Зверков, Л. Печурин, Кадров, Денисенко, Николаев, Байгуш, Гульбасов, Лившиц, Дубровкин.

Приложение-2:

Е.А. Глухов, Е.А. Волосатов

Баллада о Мундыбаше

Посвящается встрече выпускников 1945 г. 9-й Ленинградской САШ.

Уж сорок лет прошло, и снова
Мы вместе. Тесен мира круг!
Картина прошлых лет суровых
Встает перед глазами вдруг.

Тому, кто не был в Мундыбаше
И формы нашей не носил,
Не ел мучной спецовской каши —
Жизнь опишу по мере сил.

Вот нам знакомая картина:
Труба фабричная дымит,
Река петляет по долине,
И школа на горе стоит.

Висячий мост меж берегами,
Базарчик, баня и вокзал.
Леса, покрытые снегами,
Канатный путь по кручам скал.

Зима! Совсем не торжествуя
Спецы с Тельбеса держат путь.
Дрова несут, в снегу буксуя,
На кухню, не куда-нибудь!

Мороз и солнце! День чудесный!
Дремать нам не дают с тобой,
Но скоро наш аврал воскресный
Желанный завершит отбой.

Труба собрала люд голодный,
И нас уже в столовой ждут.
Махая ложками, повзводно,
Спецы поджарые бегут.

Уж вечереет. Вновь мы в сборе.
Теперь — пора потанцевать!
И в длинном школьном коридоре
Знакомый вальс звучит опять.

Звучит финал, пустеет зала.
В час поздний — сбор у проходной.
Всегда танцорам время мало!
Так завершился выходной.

А утром за учебу снова!
Гремит оркестр, чеканя шаг.
Хачатурян глядит сурово,
Спецы равняются на флаг.

«Кондуктор», окая, вещает
Про Горького, про книгу «Мать».
А Ционсон — арксинус знает
(И думает: мы будем знать!).

Мозжухина — плюсквамперфекты
Пытается в башку втолкнуть,
А мы решаем — как эффектно
Фанерой брюки растянуть.

Но кроме всех забот учебных
Была еще: «Что б порубать?»
Конечно, мини-порций хлебных[1]
Нам не могло тогда хватать.

Собрав тетради[2], «тряпки», мыло,
Несли на маленький базар.
Фасоль и тыква — чудом было,
А варенец — как божий дар!

Но главной все же мыслью было:
«Когда ж войне придет конец?»
И коль фашистов не добили,
То воевать готов был спец!

И не забыть нам пушек наших,
Стоявших рядом, на горе,
Которых выстрел в Мундыбаше
Всем возвестил: «Конец войне!»

Мы нашу лошадь не забыли,
Ведь даже стих был про нее!
В одной упряжке с ней возили
И хлеб, и уголь, и белье...

Так наша юность прошагала
В лишеньях пламенной поры.
Былое не вернешь сначала,
Мы этой памяти верны.

И было нам узнать приятно,
Что в Мундыбаше и сейчас
Девчата помнят 45-й
И наш прощальный школьный вальс.

Пусть будут чаще наши встречи,
Пока пыл жизни не пропал.
«Иных уж нет, а те далече...»,
Как Сади некогда сказал.

И пусть не все мы генералы,
Не все до пенсии дошли,
Спецшкола дружбу воспитала,
Мы эту дружбу — сберегли.

г. Ленинград, 18 мая 1985 г.

---

[1] «Спецам» выдавали по 200 г хлеба. — *Г.П.*

[2] Тетради мы делали сами из оберточной бумаги. — *Г.П.*

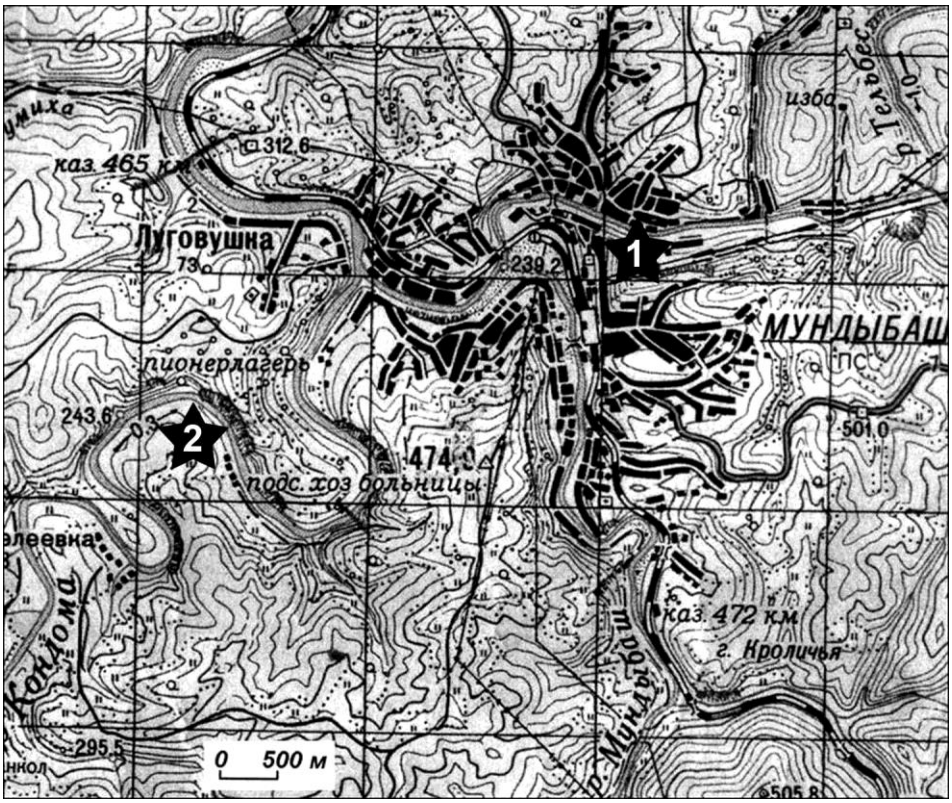


Рис. 1. Мундыбаш и его окрестности с обозначением мест, упоминаемых в тексте статьи (составлено по воспоминаниям Г.Б. Платонова):
1 — корпуса 9-й ЛСАШ;
2 — места летних лагерей 9-й ЛСАШ.

Рис. 2. Здание казармы и столовой 9-ой ЛСАШ. Мундыбаш, 1943 г. (Фото из архива Г.Б. Платонова).

Рис. 3. Командование 9-ой ЛСАШ. Слева направо сидят: командир дивизиона майор В.М. Хачатурян, директор школы И.Я. Марносов, зав. учебной частью М.И. Гржибовский; слева направо стоят: лейтенант-пограничник В.В. Молчанов, командир батареи лейтенант М.С. Микулинский и (?). Мундыбаш, 1943 г. (Фото из архива Г.Б. Платонова).

Рис. 4. Лейтенант Михаил Семенович Микулинский (15.04.1915-17.01.1994) — командир 1-й батареи 9-й ЛСАШ. Мундыбаш, 1944 г. (Фото из архива Г.Б. Платонова).

«С нашим поколением судьба обошлась сурово. Трагедии 41-го года суждено было разыграться вслед за трагедией тридцатых годов. От нашего поколения осталось немного. Оно полегло в родных и чужих землях. Очень хочется надеяться, что на вашу долю, на долю детей, внуков ваших никогда, ни при каких обстоятельствах не приведется что-то подобное. Пусть знакомство с ужасами войны ваших внуков ограничится фильмами, книгами, рассказами о войне» (Из письма М.С. Микулинского Г.Б. Платонову. Апрель 1987 г.).

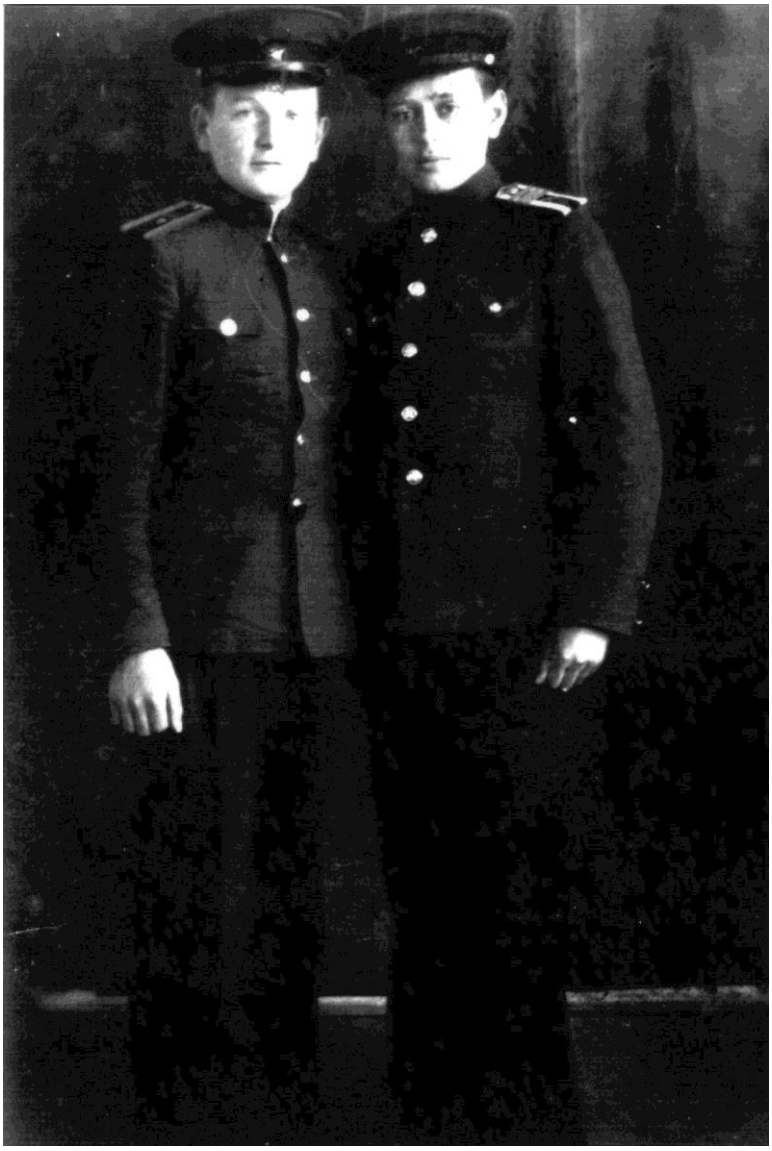


Рис. 5. Учащиеся 9-й ЛСАШ Петр Рубанов (слева) и Геннадий Платонов. Такую форму носили «спецы» в 1942-1945 гг.
Мундыбаш, 12 апреля 1944 г. (Фото из архива Г.Б. Платонова).

Рис. 6. Боевые листки 9-й ЛСАШ за 1944-1945 гг.
(Из архива Г.Б. Платонова)

Рис. 7. Митинг во дворе 9-й ЛСАШ в День Победы 9 мая 1945 г.
На столе-трибуне старшина 2-й батареи В.Е. Бакетов.
(Фото из архива Г.Б. Платонова).

Рис. 8. 2-й взвод 1-й батареи 9-й ЛСАШ.
Мундыбаш, 30 июня 1945 г. (Фото из архива Г.Б. Платонова).

Рис. 9. Учащийся 9-й ЛСАШ, помощник командира 2-го взвода сержант Г.Б. Платонов.
Мундыбаш, июнь 1945 г.
(Фото из архива Г.Б. Платонова).

Рис. 10. Командир взвода батареи звуковой разведки разведывательного арт. дивизиона 437 гв. КАП КВО гв. лейтенант Г.Б. Платонов.
Павлоград, УССР, 1948 г.
(Фото из архива Г.Б. Платонова).

Рис. 11. Полковник в отставке Г.Б. Платонов.
Ростов-на-Дону, 30.11.2001 г.
(Фото из архива Г.Б. Платонова).

Ю.В. Ширин

Вклад У.Э. Эрдниева в исследование древней истории Кузнецкого края

Всякий, кто обращается к истории Кемеровской области, непременно сталкивается с чередой имен первооткрывателей местных древностей. Одним из них был Урюбджур Эрдниевич Эрдниев (1913-1999 гг.). У.Э. Эрдниев — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, автор 13 монографий и более 150 научных работ. К сожалению, в существующих обзорах по археологии Кемеровской области научной деятельности У.Э. Эрдниева отведено весьма ограниченное место[1]. Большинству краеведов он известен как исследователь одного из археологических памятников г. Новокузнецка — городища Маяк[2]. Между тем, У.Э. Эрдниев — человек с интереснейшей и заслуживающей более пристального внимания судьбой.

У.Э. Эрдниев родился в 1913 г. в Прикаспийских степях — в с. Гашун-Бургуста Астраханской губернии в семье бедного калмыка. В раннем возрасте стал сиротой. Его детство и школьные годы прошли в школах-интернатах (вроде детского дома). В 1925 г. У.Э. Эрдниев вступил в комсомол, для чего увеличил свой возраст на три года. В связи с этим, когда получал паспорт на основании комсомольского билета, годом рождения стал 1910 г. В 1927 г. У.Э. Эрдниев поступил в Калмыцкий педагогический техникум и в 1930 г. досрочно его закончил по специальности «учитель начальной школы». В 1930-1933 гг. работал учителем, инспектором и зав. райОНО в Сарпинском улусе Калмыкии. Активное участие в ликвидации неграмотности подтолкнуло молодого учителя к решению продолжить образование. Исключительный интерес к истории определил выбор профессии. В 1933-1938 гг. У.Э. Эрдниев учится на историческом факультете в Московском государственном институте истории, философии и литературы. Он специализируется на кафедре истории древнего мира. После окончания института У.Э. Эрдниев работает в Астраханском пединституте, где читает курс древней истории. В 1939 г. организован Калмыцкий пединститут. У.Э. Эрдниев становится заведующим кафедрой и деканом исторического факультета этого института. Важное место на первом этапе его научной деятельности заняли исследования в области античной истории Средиземноморья.

Великая Отечественная война прервала научно-педагогическую деятельность У.Э. Эрдниева. С первых месяцев войны он защищал Родину от фашистских захватчиков. С 1941 по 1944 гг. он был заместителем командира артвзвода, командиром гаубичной батареи, а затем старшим адьютантом на Юго-Западном и 2-м Украинском фронтах, преподавателем 1-го Ленинградского ордена Ленина и Красного Знамени артиллерийского училища им. Красного Октября и авиашколы в г. Вольске. В апреле 1944 г. по национальному признаку уволен в за-

---

[1] *Коротаев А.М.* К истории археологического изучения верхнего и среднего течения р. Томи // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 145-146; *Кулемзин А.М.* История изучения археологических памятников в Кемеровской области // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 110.

[2] *Эрдниев У.Э.* Городище Маяк. Кемерово, 1960. 67 с.

пас и разделил судьбу всего калмыцкого народа — выслан в Сибирь. Следует отметить, что как участник Великой Отечественной войны У.Э. Эрдниев награжден двумя орденами Отечественной войны 2-й степени и медалями.

Сибирский период (1944-1959 гг.) в жизни У.Э. Эрдниева отмечен следующими вехами:

1944-1946 гг. — учитель истории средней школы в с. Соколово Зонального района Алтайского края;

1946-1951 гг. — ст. преподаватель по курсу истории древнего мира и археологии, декан исторического факультета пединститута г. Сталинска;

1951-1956 гг. — преподаватель латинского языка медицинского училища г. Сталинска (в пединституте прекращен набор студентов-историков, а в 1954 г. закрыт исторический факультет);

1956-1958 гг. — ст. преподаватель Кемеровского пединститута;

1958-1959 гг. — мл. научный сотрудник ВНИИГидроуголь г. Сталинска.

Именно преподавательская деятельность в Сталинском педагогическом институте — одном из молодых ВУЗов Кузбасса — подтолкнула У.Э. Эрдниева к практическому занятию археологией. Разрабатывая тот или иной лекционный курс, У.Э. Эрдниев всегда стремился поднять его до высокого научно-теоретического уровня. Это видно на примере тех немногих черновых записей, которые сохранились в фондах Новокузнецкого краеведческого музея[3] (НКМ). В ходе подготовки лекций У.Э. Эрдниев наверняка ощущал острую нехватку достоверных научных материалов по региональной истории. Так, или иначе, но вскоре У.Э. Эрдниев ставит перед собой задачу расширения круга археологических источников по древней истории Кузнецкого края и приступает к ее реализации. Не исключено, что косвенно к занятию археологией У.Э. Эрдниева подтолкнула и неудачная попытка представить в 1950 г. к защите кандидатскую диссертацию по теме, над которой он начинал работать еще до войны — о восточной политике Гая Юлия Цезаря[4].

Прежде всего, У.Э. Эрдниев знакомится с археологическими архивами и коллекциями, накопленными в НКМ — старейшем музее Кемеровской области (открыт на основе частных коллекций в 1927 г.). Здесь же он находит и поддержку своему замыслу — организовать археологическую экспедицию. Сотрудничество У.Э. Эрдниева с НКМ было весьма плодотворным. Директор музея П.В. Кононова всегда старалась оказать У.Э. Эрдниеву посильную организационную и материальную поддержку. Археологические коллекции, передаваемые в музей, всесторонне обрабатывались. В этом наибольшую помощь У.Э. Эрдниеву оказывал художник музея П.Ф. Киселев (Рис. 1). Именно ему принадлежат практически все прекрасные рисунки, которые иллюстрируют научные отчеты и публикации У.Э Эрдниева. В свою очередь У.Э. Эрдниев стремился пропагандировать работу НКМ в своих научных публикациях[5]. Столь тесное сотрудничество У.Э. Эрдниева с НКМ привело к тому, что современные исследователи нередко заблуждаются, полагая, что он был штатным сотрудником этого музея.

Осенью 1950 г. У.Э. Эрдниевым было начато исследование одного из значительных археологических памятников г. Сталинска и всего юга Кемеровской

---

[3] *Эрдниев У.Э.* Черновики лекций // Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Дд. 1; 13.

[4] Эта работа тогда же была депонирована в объеме 14 п. л.: *Эрдниев У.Э.* План восточного похода Цезаря и попытки его осуществления. Депонир., 1950.

[5] *Эрдниев У.Э.* Археологическая работа Сталинского городского краеведческого музея // СА. 1957. № 4. С. 296-297; *Он же.* К вопросу о возникновении древней металлургии в Кузбассе // Труды научной конференции. Кемерово, 1957. С. 272-297; *Он же.* Археологические находки в Кузбассе // СА. 1958. № 2. С. 244-246.

области — городища Маяк[6]. С этого времени археология стала главным предметом научных занятий У.Э. Эрдниева. На первых порах сказывалось отсутствие навыков полевых археологических исследований. У.Э. Эрдниев не боялся признавать своих ошибок, прислушивался к советам опытных археологов, изучал всю доступную ему литературу. Так, прежде чем приступить к широкомасштабным раскопкам городища Маяк У.Э. Эрдниев пригласил в г. Сталинск одного из наиболее известных археологов, работавших в то время в Западной Сибири — В.Н. Чернецова. В 1951 г. В.Н. Чернецов вместе со своей женой и коллегой В.И. Мошинской приняли участие в разведочных раскопках на городище Маяк. Под руководством опытных археологов был вскрыт небольшой участок культурного слоя памятника (около 12 кв. м)[7]. Кроме этого, В.Н. Чернецов во время своего кратковременного (11 дней) пребывания в г. Сталинске внимательно изучил и зарисовал археологические находки, хранящиеся в городском музее. Особенно его внимание привлекли материалы неолитических погребений[8], полученные местными краеведами в ходе раскопок 1939 и 1940 гг.

В 1952 г. У.Э. Эрдниев уже самостоятельно проводит раскопки на городище Маяк и обследует место раскопок Кузнецкого неолитического могильника[9]. Интерес к последнему, несомненно, был подогрет общением с В.Н. Чернецовым. В 1953 г. У.Э. Эрдниев не только продолжает начатые в г. Сталинске работы (раскопки городища Маяк, поиски новых погребений на месте Кузнецкого неолитического могильника), но и организует археологическую разведку в Кузнецком сельском районе Кемеровской области, где выявляет новые памятники. В своем отчете он дает характеристику и многим археологическим материалам, накопившимся в краеведческом музее г. Сталинска, впервые вводя их в научный оборот[10].

В 1954 г. объем археологических работ У.Э. Эрдниева в Кемеровской области значительно расширился[11]. Им проведена разведка по трассе строительства Южно-Сибирской железной дороги в верховьях р. Томи, от ст. Камешки до ст. Теба. В ходе разведки У.Э. Эрдниев записывал шорские легенды, информацию о случайных археологических находках, делал сборы. Была проведена разведка и в ряде сельских районов Кемеровской области. В Крапивинском районе У.Э. Эрдниевым обследован Мунгатский острог, найдены 6 курганов у д. Порывайка; в Кемеровском районе: найдено городище у д. Городок, записаны рас-

---

[6] *Эрдниев У.Э.* Предварительный отчет об археологических раскопках Маякова городища в 1950 году // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 410.

[7] *Эрдниев У.Э.* Краткий отчет об археологических раскопках на урочище Маякова гора близ г. Сталинска Кемеровской области в 1950-1951 годах // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 630; *Бурдовицын Н.* Раскопки городища Маяк // Большевистская сталь. 1951. 19 авг.

[8] *Чернышев Н.А.* Кузнецкий неолитический могильник // Палеолит и неолит СССР / МИА. М.; Л., 1953. № 39. С. 336-346.

[9] *Эрдниев У.Э.* Отчет о раскопках поселения эпохи бронзы на урочище Маяк близ г. Сталинска Кемеровской области в 1952 году // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 696; То же // Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 21.

[10] *Эрдниев У.Э.* Отчет о результатах археологических работ 1953 года в районе г. Сталинска и по Кузнецкому сельскому району // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 874; То же // Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 11; То же // Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 22. Л. 15-71.

[11] *Эрдниев У.Э.* Отчет об археологических раскопках 1954 года в Кемеровской области // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 950; То же // Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 23. Л. 13-63.

сказы старожилов о раскопках на этом городище и на соседних с ним курганах, проводимых в 1910 г. неким землемером; в Ленинск-Кузнецком районе: найдена курганная группа у с. Сапогово (16 курганов), 1 курган в 1,5 км от д. Егозово по дороге из Хмелево в Сапогово, 6 курганов в 5 км от д. Егозово на полях Чкаловского совхоза, 5 курганов у д. Драченино — в сосновом лесу по «Петровской» дороге, 1 поселение у этой же деревни, получены сведения о 30 курганах у с. Красное на левом берегу р. Касьмы, на открытом месте в отдалении от реки.

В 1954 г. У.Э. Эрдниевым была организована и специальная поездка для обследования Томской писаницы[12]. Это было первое после 1940 г. посещение археологами писаницы. Но если после разведки 1940 г., проведенной Н.А. Чернышевым, сохранились только краткие описания памятника[13], то У.Э. Эрдниев, кроме составления копий рисунков и схем их расположения на плоскостях скалы, проводил и фотофиксацию изображений[14]. Для оценки современной сохранности наскальных рисунков Томской писаницы фотографии У.Э. Эрдниев — важный источник. Насколько — можно понять, принимая во внимание не только естественное разрушение скалы, но и более губительное воздействие со стороны бесконтрольной деятельности туристов. Томской писанице У.Э. Эрдниев посвятил ряд кратких публикаций, которые вышли в периодической печати[15]. По понятной причине, публикация рукописей в сокращенном варианте не вполне удовлетворили исследователя. Поэтому, У.Э. Эрдниев планировал более детально опубликовать материалы своего обследования Томской писаницы и работал над подготовкой рукописи к печати вплоть до своего отъезда из Сибири[16].

В ходе выявления археологических памятников Кузнецкого края, У.Э. Эрдниев одним из первых обратил внимание на необходимость исследования первых русских поселений. Кроме осмотра Мунгатского острога в 1954 г. им были проведены раскопки на месте русской деревни Бедарево XVII-XVIII вв. — поселение Бедаревское-2.

Завершая работы на городище Маяк У.Э. Эрдниев стремился к расширению источниковой базы, к комплексности исследования. Он организовал спорово-пыльцевой анализ и анализ костных материалов из раскопок городища Маяк[17], а также подготовил обзор литературы по вопросу этногенеза шорцев. У.Э. Эрдниев понимал, что археологические материалы позволят по-новому рассмотреть многие проблемы этногенеза коренного населения Кузнецкого края, и поэтому старался проникнуть во все тонкости этой проблематики[18]. Одновременно У.Э. Эрдниевым было составлено предварительное сообщение о результатах раскопок городища Маяк[19].

---

[12] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 24; Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 30.

[13] *Ширин Ю.В.* Археологические работы на Томи и Чулыме в 1940 г. // Труды ТГОИАМ. Томск, 1995. С. 57-64.

[14] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 17.

[15] *Эрдниев У.Э.* Наскальные рисунки // Комсомолец Кузбасса. 1955. 18 сент.; Он же. Наскальные рисунки у деревни Усть-Писаной // Природа. 1956. № 6. С. 107-109.

[16] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 24.

[17] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 25.

[18] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 2. Д. 47.

[19] *Эрдниев У.Э.* Городище Маяк. Предварительное сообщение // Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 1; Д. 11; Д. 25.

В 1955 г. нависла угроза уничтожения над археологическими памятниками правобережной террасы р. Томи в черте г. Сталинска (городище Маяк, Кузнецкий неолитический могильник и т.п.). Дело в том, что для того чтобы поднять уровень заболоченного левого берега Томи и расширить площадь застройки новой части города, предполагалось использовать грунт правобережной террасы. У.Э. Эрдниев понимал, что спасение памятников — первоочередная задача, поэтому многие из запланированных на лето 1955 г. работ вне черты города ему пришлось отложить. В этом году У.Э. Эрдниев сделал все, чтобы завершить начатые раскопки на городище Маяк — были вскрыты оставшиеся участки на площадке городища, а также проведено частичное исследование вала.

Насколько реальна была угроза гибели городища Маяк и утрата одного из ключевых поселенческих комплексов юга Кузнецкой котловины, видно из того, что именно на месте раскопов У.Э. Эрдниева вскоре была расположена насосная станция для перекачки грунта с правого берега на левый.

На месте раскопок Кузнецкого неолитического могильника У.Э. Эрдниев заложил 24 разведочные траншеи. Новых погребений найдено не было. Только после этого У.Э. Эрдниев сделал окончательный вывод, что остатки неолитического могильника в 1939-40 гг. были вскрыты полностью. Несмотря на напряженный график спасательных работ, У.Э. Эрдниеву в 1955 г. все же удалось отработать и несколько разведочных маршрутов в районе г. Сталинска. Среди обследованных памятников оказались как упоминаемые в материалах предыдущих исследователей курганы у д. Мокроусово и с. Сидорово, так и вновь найденные: русское поселение 17 в. у д. Славино, средневековые поселения Есаульское-1 и Есаульское-2. В этом же году на поселении Есаульском-1 У.Э. Эрдниевым было исследовано 2 западины, а у д. Мокроусово раскопано 2 бугра из 8. В ходе раскопок мокроусовских бугров У.Э. Эрдниев выяснил, что это не курганы, а остатки наземных жилищ позднего времени.

У.Э. Эрдниев уделял большое внимание пропаганде археологических памятников[20]. Для этого результаты своих исследований он всегда стремился обобщить и изложить на доступном для восприятия неподготовленного человека уровне[21]. Не меньше У.Э. Эрдниев работал и над научным обобщением сделанного. Итогам и перспективам археологических исследований в Кузбассе посвящен ряд докладов У.Э. Эрдниев на научных конференциях[22]. Давая оценку сделанного, в том числе предшественниками и современниками, У.Э. Эрдниев, прежде всего, стремился выделить то, что могло бы способствовать более плодотворной работе. Справедливо критикуя недостатки, он отмечал, что работа «...ведется по собственному разумению отдельных научных работников и краеведов, без единого плана, без взаимной информации, без обмена опытом и взаимной критики, что ведет к кустарщине». Он искренне верил в то, что в конечном итоге удастся поднять на должную высоту работу музеев (кадры, оснащение,

---

[20] *Эрдниев У.Э.* Археологические памятники г. Сталинска и его окрестностей // Памятные места г. Сталинска. Кемерово, 1956.

[21] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 35; *Эрдниев У.Э.* Значение археологических памятников // Кузбасс. 1955. 17 февраля; *Он же.* Раскопки в Кузбассе // Комсомолец Кузбасса. 1955. 18, 25 марта.

[22] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 29; *Эрдниев У.Э.* Городище Маяк (предварительное сообщение) // Труды первой научной конференции Сталинского пединститута. Сталинск, 1956; *Он же.* К вопросу о возникновении древней металлургии в Кузбассе // Труды научной конференции. Кемерово, 1957. С. 272-297; *Он же.* Типы древних поселений и жилищ в верховьях р. Томи // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Вып. 3. Томск, 1959. С. 13-14.

финансирование, межмузейное сотрудничество) — главную силу тех лет в организации гуманитарных исследований в Кузбассе. В своих выступлениях на научных конференциях У.Э. Эрдниев всегда акцентировал внимание на задачах охраны памятников, в том числе чудом сохранившихся памятников церковной архитектуры, говорил о необходимости организации планомерных охранных раскопок, пропагандировал комплексность исследований, важность изучения этнической карты края, его топонимики, а также музейных коллекций по истории Кузбасса, хранящиеся в иных регионах.

В 1956 г. У.Э. Эрдниев продолжает начатую в Ленинск-Кузнецком районе археологическую разведку. Кроме того, что им были нанесены на карту курганы, выявленные в 1954 г., были также обнаружены и новые памятники: курганы у д. Трекино, Никитинка, с. Красное (все со следами ограбления). В Беловском районе выявлены 4 кургана у с. Конево, курганы у д. Мохово, по дороге от Белово к д. Каралда (на полях), небольшие курганы у д. Улус. В ходе разведки в верховье р. Томи обнаружены места покинутых шорских улусов: Акколь, Косой Порог, Сыркаши. Здесь собран подъемный материал. У.Э. Эрдниев высоко оценивал научную значимость возможных результатов раскопок этих поздних памятников[23]. Последний раз полевые работы в Кемеровской области были проведены У.Э. Эрдниевым в 1957 г. Их материалы частично опубликованы[24]. Наиболее важными из проведенных в этом году исследований были: раскопки поселения Есаульского-2, первый опыт раскопок остатков улуса кузнецких татар XIX в. — Акколь, раскопки одного из Сидоровских курганов, а также раскопки одного из Сапоговских курганов.

В последние годы, перед отъездом из Сибири, У.Э. Эрдниев подготовил ряд обобщающих работ по результатам исследований древних памятников Кемеровской области. В научном архиве исторического факультета Кемеровского пединститута, где У.Э. Эрдниев работал в эти годы (1956-1958 гг.), отложилось несколько его рукописей[25]. В 1957 г. им была закончена монография "Городище Маяк близ г. Сталинска"[26]. Рукопись книги имеет объем около 5 п. л. Текст сопровождался 47 таблицами рисунков. К сожалению, в том виде, в котором У.Э. Эрдниев задумал свой труд, он не был издан. Помимо отчетов, до сих пор приходится судить о результатах исследования городища Маяк лишь по ряду предварительных сообщений[27] и по серьезно урезанному варианту монографии, представленному брошюрой, выпущенной в Кемеровском книжном издательстве. Здесь рукопись У.Э. Эрдниева была переработана в научно-популярный вариант[28] (объем — 3 п. л., 13 илл.). Иллюстративный материал, который, с современной точки зрения, мог бы представлять особую ценность, не

---

[23] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 14.

[24] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 16; Эрдниев У.Э. Новые данные по археологии Кузбасса // Сборник статей Кемеровского пединститута. Кемерово, 1959.

[25] *Эрдниев У.Э.* Новые данные по археологии южного Кузбасса // Научный архив КМАЭЭ, № 73; *Он же.* Таблицы рисунков и чертежей археологических памятников исследованных в районе г. Новокузнецка и его окрестностях // Научный архив КМАЭЭ, № 94; *Он же.* К истории древних племен Кузбасса // Научный архив КМАЭЭ, № 345

[26] Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 2.

[27] *Эрдниев У.Э.* Городище Маяк (предварительное сообщение) // Труды первой научной конференции Сталинского пединститута. Сталинск, 1956.; *Он же.* Городище Маяк // Труды ТГУ. Вып. 136. Томск, 1957. С. 196-207.

[28] *Эрдниев У.Э.* Городище Маяк. Кемерово, 1960. 67 с.

только был сокращен, но и дан в недопустимо мелком масштабе, что еще более смазало научную значимость основной публикации о городище Маяк.

Конечно, оценивать с современных позиций те далекие первые опыты У.Э. Эрдниева в осмыслении археологического материала Кемеровской области можно неоднозначно. Тем не менее, мы должны отметить достаточно высокий для своего времени уровень постановки исследовательских задач. Недаром У.Э. Эрдниев был в числе авторов раздела "Кузнецкая земля до присоединения к русскому государству" в трехтомной Истории Кузбасса, опубликованной в 1967 году[29].

Заслугой У.Э. Эрдниева в археологии Кузнецкого края стало не только то, что он, по существу, один из первых ввел в научный оборот археологические материалы по разнообразным периодам древней истории Кузбасса. Его самоотверженным трудом были спасены многие археологические памятники[30]. В случае неотвратимой гибели памятника У.Э. Эрдниев делал все от него зависящее, «...чтобы памятник не исчез безрезультатно для науки». В научной работе У.Э. Эрдниева в Кузбассе видны предпосылки создания на базе комплексного подхода (с использованием археологических, этнографических, исторических и иных источников) этнокультурной истории населения Кузнецкого края с древнейших времен до этнографической современности, в том числе шорцев. Он первым указал на огромные познавательные возможности археологического изучения заброшенных старинных улусов кузнецких татар, первым начал исследование сельских памятников российских переселенцев XVII века. Проявляя склонность к тем или иным обобщениям, У.Э. Эрдниев, тем не менее, понимал, что в настоящее время археология Кузнецкого края находится на этапе накопления источников. Вот почему он постоянно ставил перед собой и другими исследователями, работающими в Кемеровской области, задачу поиска новых археологических памятников всех типов, начиная от палеолита и заканчивая XVII-XIX вв.

Думаю, весь кроющийся за этими фактами потенциал исследователя был реализован У.Э. Эрдниевым на родной земле. Получив возможность возвратиться в 1960 г. в Калмыкию, У.Э. Эрдниев занял достойное место в ее научных центрах[31]. Он сыграл большую роль в воспитании национальных кадров ученых-этнографов, в становлении археологических и этнографических исследований в Калмыкии. С 1960 по 1970 гг. он работал вначале научным сотрудником Калмыцкого НИИЯЛИ, а затем зав. сектором археологии и этнографии этого института. В 1965 г. У.Э. Эрдниев защитил кандидатскую диссертацию, а в 1973 г. — докторскую диссертацию по теме «Калмыки (Историко-этнографические исследования)». С 1970 по 1989 гг. он являлся зав. кафедрой истории СССР в Калмыцком государственном университете.

---

[29] История Кузбасса. Кемерово, 1962. Т. 1. С. 21-59; *Карпенко Э.Г., Эрдниев У.Э.* Развитие патриархально-феодальных отношений в X-XVI веках // История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. 1-2. С. 28-37; *Карпенко Э.Г., Эрдниев У.Э.* Племена Кузнецкой земли в X-XVI веках // Кузбасс: Прошлое. Настоящее. Будущее. Кемерово, 1978. С. 15-19.

[30] *Эрдниев У.Э.* Археологические памятники верховья р. Томи. Депонир., 1960.

[31] *Убушаев В.Б., Башанкаев С.Н.* У.Э. Эрдниев — неутомимый труженик науки: Очерк жизни и научного творчества. Библиографический указатель. Элиста, 1995.

ЛИТЕРАТУРА:

История Кузбасса / З.Г. Карпенко, А.И. Мартынов, В.И. Матющенко, У.Э. Эрдниев. Кемерово, 1962. Т. 1. С. 21-59.

Карпенко, З.Г. Развитие патриархально-феодальных отношений в X-XVI веках / З.Г. Карпенко, У.Э. Эрдниев // История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. 1-2. С. 28-37.

Карпенко, З.Г. Племена Кузнецкой земли в X-XVI веках / З.Г. Карпенко, У.Э. Эрдниев // Кузбасс: Прошлое. Настоящее. Будущее. Кемерово, 1978. С. 15-19.

Коротаев, А.М. К истории археологического изучения верхнего и среднего течения р. Томи / А.М. Коротаев // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 142-148.

Кулемзин, А.М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области / А.М. Кулемзин // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 105-112.

Убушаев, В.Б. У.Э. Эрдниев — неутомимый труженик науки: Очерк жизни и научного творчества. Библиографический указатель / В.Б. Убушаев, С.Н. Башанкаев. Элиста, 1995. 19 с.

Чернышев, Н.А. Кузнецкий неолитический могильник / Н.А. Чернышев // Палеолит и неолит СССР / МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. № 39. С. 336-346.

Ширин, Ю.В. Археологические работы на Томи и Чулыме в 1940 г. / Ю.В. Ширин // Труды ТГОИАМ. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 57-64.

Эрдниев, У.Э. Наскальные рисунки у деревни Усть-Писаной / У.Э. Эрдниев // Природа. 1956. № 6. С. 107-109.

Эрдниев, У.Э. Археологические памятники г. Сталинска и его окрестностей / У.Э. Эрдниев // Памятные места г. Сталинска. Кемерово, 1956.

Эрдниев, У.Э. Городище Маяк (предварительное сообщение) / У.Э. Эрдниев // Труды первой научной конференции Сталинского пединститута. Сталинск, 1956.

Эрдниев, У.Э. Археологическая работа Сталинского городского краеведческого музея / У.Э. Эрдниев // СА. 1957. № 4. С. 296-297;

Эрдниев, У.Э. Городище Маяк / У.Э. Эрдниев // Труды ТГУ. Томск, 1957. Вып. 136. С. 196-207.

Эрдниев, У.Э. К вопросу о возникновении древней металлургии в Кузбассе / У.Э. Эрдниев // Труды научной конференции. Кемерово, 1957. С. 272-297.

Эрдниев, У.Э. Археологические находки в Кузбассе / У.Э. Эрдниев // СА. 1958. № 2. С. 244-246.

Эрдниев, У.Э. Типы древних поселений и жилищ в верховьях р. Томи / У.Э. Эрдниев // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. Вып. 3. С. 13-14.

Эрдниев, У.Э. Новые данные по археологии Кузбасса / У.Э. Эрдниев // Сборник статей Кемеровского пединститута. Кемерово, 1959.

Эрдниев, У.Э. Городище Маяк / У.Э. Эрдниев. Кемерово, 1960. 67 с.

Эрдниев, У.Э. Археологические памятники верховья р. Томи / У.Э. Эрдниев. Депонир., 1960.

Рис. 1. Урюбджур Эрдниевич Эрдниев (стоит)
и художник Павел Федотович Киселев
за обработкой археологических коллекций в НКМ.
(Фото 1950-х гг.)

АРХИВНЫЕ
И
МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Ответы Кузнецкой воеводской канцелярии на анкету Г.Ф. Миллера 1760 года

В 1760 г. Г.Ф. Миллером одновременно с М.В. Ломоносовым разработаны анкеты для изучения географии и экономики Российского государства. Анкета Ломоносова была разослана Академией Наук, а анкета Миллера рассылалась Сухопутным шляхетским кадетским корпусом.

Материалы, присланные из Сибири в ответ на эти анкеты, не были изданы ни в XVIII в., ни позже. Вместе с тем, эти сведения частично использовали в своих трудах участники академических экспедиций 1768-1774 гг. — П.С. Паллас, И.Г. Георги, И.И. Лепехин. Ниже публикуется текст ответа на анкету Г.Ф. Миллера, присланный из Кузнецкой воеводской канцелярии. В тексте сохранена орфография оригинала. Документ хранится в Санкт-Петербурге[1].

Л. 1.

№ 1062 подан сентября 10 1761

В Сухопутной шляхетной кадецкой корпус ис Кузнецкой воеводской канцелярии

Репорт

о действителном исполнений по присланному указу

По присланному Ея императорскаго величества из высокоправителствующего Сената от 19 декабря прошлаго 1760, а в Кузнецке полученному марта 13 числе сего 1761 годов печатному указу велено по приложенным при том указе запросам к сочинению географическаго описания Российскаго государства из всех городов подробныя ответы в кадецкой корпус отсылать. И по тому Ея императорскаго величества указу те требуемые по запросным пунктам ответы в здешней канцелярии учинены и при сем репорте во помянутой кадецкой корпус посланы.

князь Иван .....

с приписю Дмитрей .....

№ 156 марта 17 дня 1761 году

казацкой капрал Василей Хабаров //

Л. 2.

Известия учиненные в Кузнецкой воеводской канцелярии в силу присланного Ея императорскаго величества из высокоправителствующаго Сената от 19 декабря прошлого, а в Кузнецке полученому 13 числ марта сего 1761 годов указу на требуемый запрос к сочинению географическаго описания Российскаго государства.

На I. Об оном по присланному Ея императорскаго величества из Сибирской губернской канцелярии от 4 июня прошлого 1760 году указу с прописанием во оном канцелярии Главной артилерии и фортефикацей ис канторы промемории с обявлением во оном предложения его сиятелства над фортофикациями всероссийской империи обер директора сенатора и ковалера графа Петра Ивановича Шувалова о состояний крепостей и планов и никакого обяснения подлежащего к сочинению при императорской академии наук российскаго атласа дават не велено. //

---

[1] Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 3. Оп. 10-б. Д. 97. Л. 1-9.

Л. 2об.

На 2. В городе Кузнецке внутри два прихода, церкви деревянныя, первая Преображения господа нашего Иисуса Христа, вторая Одегитрии пресвятые Богородицы, а каменных новых и стариных також каменных же новых и старинных казенных из здешних обывателей домов не имеетца.

На 3. Город построен реки Томи над протокой по течению на правой руке близ берега на одной стороне от усть реки Брязы.

На 4. Ярмонки и гостиных дворов в городе Кузнецке не имеетца; ис купцов приезжают самое малое число, болше из города Томска, с цветными и сермяжными сукнами, голями, китайкой и разными мелочми; в неделе торговые, кроме воскресных и празничных дней, все дни. //

Л. 3.

На 5. Имеют по малой части для своего пропитания хлебопашество и дубят и красят кожи, мыло ворят, рыбу ловят, кузнечное мостерство.

На 6. В ремеслах народ болше упрожняется в портном, чеботном, а лутчее находитца кожевенном имеют доволство от оного ремесла неретко погодно недостаток имеют в хлебе по малоимению хлебопашества, зато награждения никакого ни от кол не бывает.

На 7. В здешнем городе и по селам и деревням фабрик и рудных заводов не имеетца.

На 8. В городе Кузнецке один ряд имеетца, а ярманок //

Л. 3об.

в городе и в селах и деревнях рядов не имеетца.

На 9. Водяных мелниц с надлежащими плотинами пилных и хлебных не имеется, а имеютца у обывателей по малым разным речкам с прудами.

На 10. Усолем и соловарен и оставленных усольев и морской горной соли в здешнем городе и в ведомстве не имеетца, а становитца в здешней город и в ведомство сол ведомства канцелярии Колывано-Воскресенскаго горного началства со степных Бороваго и Бурлинскаго озера самосатца подрядом.

На 11. По здешней реке Томе никаких судов по весне и в межень не ходят. //

Л. 4.

На 12. По Бие и Катуне рекам оброчныя рыбные ловли имеютца и болше ловят рыбу нелму, а по здешней реке Томе по берегам и островам и знатных озер и на оных оброчных рыбных ловел не имеетца, а промышляют обыватели рыбу по Томе реке по разным местам, а оброки плотят с неводов. Рыбы здесь доволно не имеетца, а болше ловят чебоков, они ж называются и ялцы.

По 13. По здешней реке Томе судаваго ходу не имеетца, а вниз сщитая лежит нагорная сторона с обоих мест, а луговых мало имеетца. Реченная река Том вершину имеет из гор растоянием например будет от Кузнецка двести пятдесят верст, а пала оная река Том ниже города Томска в Об реку, течения от Кузнецка имеет между деревнями кузнецкими и томскими и ... местами ростоянием от Кузнецка до устья например будет пятсот или более верст, а меры по тем местам не имелось. //

Л. 4об.

На 14. По здешней реке Томе судами с товарами не ходят и за тем препятствия какое имеетца или нет неизвестно, а с Кузнецка к Томску пороги имеютца бывшаго Кузнецкаго ведомства, а ныне приписного к Колыванским заводам Мунгацкаго станца ниже оного вниз по течению реки например верст с петнатцат, а от Кузнецка например верст з двести порог называемой Порывай.

На 15. По Томе реке пристаней купеческих не имеетца и з грузом не приезжают и сплавки от сюда судам ни куда не бывает.

На 16. При здешнем городе реки по болшей частии замерзает в ноябре, а выходет в апреле месяцах. //

Л. 5.

Вешния и осения наводнений бывают немалые так что ниские сенные места по часту потопляют, река течение имеет быстрое.

На 17. Переволоков с одной реки на другую не имеетца.

На 18. По дорогам ближней к Кузнецку соседней город Томск, к которому по тракту близ города Кузнецка имеетца Христорожественской манастырь, в селех Илинском, Николаевском церкви пророка Божия Илии, вторая Николая Чюдотворца деревянныя. Перевозы имеютца по реке Томе в реченых манастыре и Илинском селе, дорога в город Томск имеетца лесами, полями и горами и в вешнее время по случаю не по часту плавоют Томью рекою в малых лотках. Оной город Томск //

Л. 5об.

в растоянии от здешнего в трех стах шестидесяти семи верстах.

На 19. Город Кузнецк и Бийская крепость и Колывано-Воскресенские заводы с рудниками и ясашныя кондомские, мраския, сагайския и белтирския, таутелеуцкие и телеские волости граничат с китайскою и бывшаго зейгорскаго владения землицею, которой границе следует быть к зашишению речемых заводов и Бийской крепости и ясашных кондомских и таутелеуцких, телеских, мраских, сагайских и белтирских воловстей и здешнего города и уездов, начиная в Кузнецком ведомстве от пограничного с китайскою стороною знака Шебинадабаги на речку Ануй, а сооной чрез пограничные ясашныя таутелеуцкие волости на Чюлушманскую вершину, а с Чюлушанску чрез речки сопки на озеро Кенгуинка, а от Кану чрез реченые речки и сопки на речку Улбу, а с Улбы Усть Каменогорской крепости на урочища на круглую сопку и до Иртышу реки.

На 20. Знатныя и высокия горы имеютца от Кузнецка в растоянии например двести и более верст в верх по Томе и Мрасе рекам ветры простирается на восток лесистая болше; на оных лесу ростет пихтовников, елников. Расцветают в апреле в майе, з дерев //

Л. 6.

лист опадает в сентябре и октябре месяцах.

На 21. В здешнем городе хлебы сеютца болше рож, пшеница, ярица, ячмень, овес годом плодом бывает втрое, в пятеро поретку и в десетеро за употреблением обывателей на свое пропитание остающейся хлеб не по болшей ныне части по насылаемым в Кузнецкую судную заводскую кантору указам перевозитца в Барнаулские заводы в казну и на продажу зимним и летным путем в какое время случится а достолной по малому числу здешним обывателям. Чюдных растений, пещер и иных особливых произведений натуры, воды, трав и колодезей лекарственные где есть ли не известно, ибо оным опробации здесь ни чрез кого не имелось.

На 22. Жители болезням более подвержены горячкою и оспою и тресовицей, но толко от оных за незнанием лекарств ничем не лечатся. //

Л. 6об.

На 23. Здешние обыватели болше содержут лошадей и рогатого скота коров; ис Кузнецка и из Мунгацкаго станцу не по часту гоняют на продажу в Томск, в Бернаулские заводы и в Бийск меринов по двадцати и по тритцати скота по тритцати по сороку и по пятисят в летнее время в июле в августе в сентебре в осения в октябре, в ноябре месяцах. Конской и скотской падеж бывает в ыюне, в июле и августе месяцах, а от чего неизвестно, а средства для отвращения оных за незнанием неупотребляется. По лесам зверей и птиц болше водитца белок, зайцов, горностаев, волков птиц гусей, жеравлей, уток, сорок, галок, воробьев.

На 24. Гром бывает в апреле, майе, июне, июле, августе, сентебре и в октябре месяцах; северное сияние знают, толко оное бывает не часто.

На 25. Об оном на первой пункт со изьяснением объявлено. //

Л. 7.

На 26. Здесь в Кузнецке оставших развалин и городищ и о таковых древностях известиев никаких не имеется.

На 27. Следов старых рек зарослых и высохлых и приморских мест здесь не имеетца.

На 28. Оных в Кузнецке и в ведомстве не имеетца. //

Л. 7об.

На 29. В Кузнецке летописцов не имеетца. //

Л. 8.

На 30. В здешнем городе и уезде народ живет разных чинов христиане смешаной с ясашными. Иноверцы называемоми по их древнему обыкновению татарами, реченыя ясашныя татары каждогодно и в разных месяцах и числех к христианскому греческому закону обращаются и к тому склоняютца по болшей части и с тех ко им в казну Ея императорскаго величества ясаку плотит будет нечем для трехлетней лготы. Идолопоклонников здесь, кроме выше явленных татар кои себя как и вышеобявлено именуют издревле татара за тем что они никакого закону не имеют, а с чего и когда заподлинно теми татарами названы они о себе не знают, а завут их по рождении по их названию кого как кто назовет. Год начинается у них с майя //

Л. 8об.

месяца в то время как начнут хлеб сеет и почитают ево двенатцат месяцев, а с которого дни точно не знают издревле какого подлинно владения бывали они не знают и в тех местех где ныне живут сначала жителствовали и в давных разных годех пришли они в высочайшее российское поданство собою, а протчие по уговором ..., а другие ... приведены, от предков своих никаких достопаметных приключений о законе и о их всевышнем существе не помнят понеже кои приходят в христианскую веру по руски обучаютца. При вступлении в супружество обряд у них чинятца договариваютца чрез посланных по три раз и буде договорятца посланного честят что у них пригодитца ... и ... ему, а за невесту по договору дают пожитну от жениха по их названию колыму по пяти по шести, по семи, по десяти, по дватцаи, по тритцати и по сороку голов то есть конми, коровами и овцами и боранами, телятами //

Л. 9.

и все те каждое одно звание числитца за голову, а напротиву того от невесты делают юрты свекру и свекровке пожито чище войлошны, убогие из береста, дранки и травы: берут за себя каждой по две, по три, по четыре, по пяти и по семи жен, и за оныя плотят колым против вышеписаного за каждую ежели не не пожелает с которой жить отдает отцу и матери обратно, а братьем и сродичам и другим в замужество и за них колым себе по договорам получают; ежели когда кому случитца смерть кладут в платье и обвивают в бересто и закапывают в землю где прилучитца, а иных и жгут, а прочих на дерево кладут. Жены по смерти мужей обрезают у себя косы для печали, о душе умершаго попечения никакого не имеют затем что уже оному в жизни быт неуповают.

князь Иван

П.П. Лизогуб

Мемуары Г.С. Блынского

Имя Георгия Степановича Блынского (1889-1953) (Рис. 1-3) широко известно любителям кузнецкой старины. Один из зачинателей краеведческой работы на юге Кузбасса, он, наряду с Д.Т. Ярославцевым, является основателем городского музея в Новокузнецке. В гораздо меньшей степени известна его трудовая, профессиональная деятельность, и уж совсем terra incognita остается сама личность Г.С. Блынского. Отрывочные публикации из его мемуаров в немногих периодических изданиях[1] не дают цельного представления об этом человеке. Первое, что всплывает в памяти о Г.С. Блынском у тех, кто вообще слышал это имя, оказывается фраза: «основатель краеведческого музея, служащий «Кузбассугля». Кратко, емко и в то же время почти ничего о самом Георгии Степановиче.

Настоящая публикация отрывка из воспоминаний Г.С. Блынского «35 лет в строю угольщиков Кузбасса» призвана в значительной степени восполнить этот пробел. Читатель получает возможность из первых рук познакомиться с жизнью Горной Шории 1920-1930-х годов, пережить победы и поражения, радости и горести простых (и не очень) людей того времени, узнать подробности о зарождении поселков Абашево и Абагур, ныне входящих в состав Новокузнецка. Будь перед нами не воспоминания Г.С. Блынского, а мемуары другого человека той эпохи — само по себе это было бы ценное свидетельство очевидца. Но нам с вами повезло вдвойне. Георгий Степанович, незадолго до смерти, в 1952 г. записавший свои воспоминания, оставил нам частицу памяти о себе.

Мемуары Г.С. Блынского — это не дневник, который ведут люди, занося в него все свои тайные переживания. Георгий Степанович намеревался опубликовать свои записки в печати, справедливо полагая, что «этот скромный труд — небольшой итог накопленных за 35 лет практических знаний, которые, по моему мнению, могут быть полезны молодому поколению». Однако, несмотря на эту публичность, в мемуарах Г.С. Блынского мы найдем много личного, а в его описаниях сибирской природы — почти интимные переживания человека, для которого его родная Земля — источник высшей радости и всех благ.

Вместе с тем Г.С. Блынский не был простым созерцателем этой красоты. Он — азартный охотник, пытливый исследователь, истинный первопроходец, настоящий пионер горно-шорской тайги, где слово «пионер» нужно понимать в его изначальном, северо-американском смысле, когда первые европейцы, освоив кромку Атлантики, углубились в леса и каньоны Дикого Запада. Когда читаешь воспоминания Г.С. Блынского, знакомясь с его биографией, невольно возникают параллели с сюжетами американской истории эпохи освоения в его литературно-классическом стиле пера Ф.Купера, где личность Г.С. Блынского заполняется образом «зверобоя», «следопыта», «Кожаного Чулка», одним словом, образом благородного Натти Бампо — знаменитого героя пенталогии американского писателя, где место индейцев занимают шорцы, а в роли бесстрашного могиканина

[1] Сущенко Е.М. Из истории Новокузнецкого краеведческого музея // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет Новокузнецк, 1998. С. 3-7; Агафонов И. Отражатели Блынского // Кузнецкий рабочий. 15 марта 2003 г.

Чингачгука выступает шорец Пугда. Впрочем, кто-то может сказать, что это явная натяжка. Пусть так. Но притягательная сила личности Г.С. Блынского, и в любом случае это действительно так, в его твердости духа, мощной силе воли и целеустремленности, а главное — в истинно гуманистическом отношении к людям. Жизнь и работа Г.С. Блынского пришлись на сложное для страны время. Сложность была не только в том, что приходилось «с нуля» осваивать заповедные участки в непроходимых дебрях Горной Шории, практически без техники налаживать серьезную работу по заготовке леса и его сплаву, что само по себе было трудно, физически тяжело. Однако не только, и даже не столько в этом заключалась вся трагическая обыденность того времени.

Напомним, что воспоминания были закончены в 1952 году, в самый апогей сталинской эпохи, когда любое упоминание, даже намек об изъянах системы были исключены. В мемуарах Г.С. Блынского вы не встретите упоминания о спецпереселенцах, политзаключенных и других категориях репрессированного населения, чей подневольный труд с конца 1920-х годов широко использовался на «лесоповале». Может сложиться превратное впечатление, что Г.С. Блынский превратился в ординарного исполнителя, управленца, для которого план, кубометры, норма выработки превратились в смысл его работы и жизни, за которыми сам Человек отходил на второй, а то и третий план. Но даже если б это было так, у нас бы не было морального права судить Г.С. Блынского — так в то время жили многие, очень многие, не смогшие или не сумевшие «подняться выше своего времени». Однако Г.С. Блынский смог. Сумел оставаться Человеком в любое время. Вот только один весьма характерный эпизод. В 1947 г. трест «Южкузбасслес», где работал Г.С. Блынский, был передан из Министерства угольной промышленности в подчинение МВД. Г.С. Блынскому предложили остаться на работе в системе МВД, обещая льготы и хорошую зарплату. Г.С. Блынский отказался. Несмотря на приближающееся 60-летие, он еще был полон сил и энергии, но работа в репрессивной системе была для него неприемлема. Может, поэтому безоговорочно веришь этому человеку, когда он говорит: «В этой жизни я старался, в меру своих сил, все подчинить глубокой любви к родному краю и его народу. Все, что я имел и мог, отдал делу развития Кузбасса».

Воспоминания Г.С. Блынского[2] печатаются в сокращении (опущены уже публиковавшиеся эпизоды — о добыче птенцов беркута[3], об основании краеведческого музея, о начале молевого сплава).

ЛИТЕРАТУРА

Агафонов, И. Отражатели Блынского / И. Агафонов // Кузнецкий рабочий. 15 марта 2003 г.

Блынский, Г.С. Бой с орлами. Быль / Г.С. Блынский // Огонек. 1958. Октябрь.

Сущенко, Е.М. Из истории Новокузнецкого краеведческого музея / Е.М. Сущенко // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет. Новокузнецк, 1998. С. 3-7.

[2] Воспоминания Г.С. Блынского «35 лет в строю угольщиков Кузбасса» // Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 19.

[3] Блынский Г.С. Бой с орлами. Быль // Огонек. 1958. октябрь.

Рис. 1. Портрет Г.С. Блынского.
(Художник А.В. Акцынов,
нач. 1960-х гг.)

Рис. 2. Г.С. Блынский.
(Фото 1908 г.)

Рис. 3. Г.С. Блынский на охоте.
(Фото 1927 г.)

Г.С. Блынский

35 лет в строю угольщиков Кузбасса

(отрывок)

20 сентября 1920 года я получил приказ от Управления Южной группы рудников о назначении меня заведующим Абашевским рудником. Рудник размещался там, где ныне находится шахта «Абашевская №1». Уголь Абашевского рудника считался лучшим в Кузнецком районе. Этот уголь окружающее население брало и увозило «за чернь» (в Алтайский край), где уголь обменивали на пшеницу мера за меру, то есть за пудовку угля давали пудовку пшеницы. До прихода Советской власти абашевские угли разрабатывались Салаирским Кабинетом только для местных нужд. Теперь рудник оформился и вошел в число эксплуатационных рудников Южного района. Управление им находилось в Прокопьевском.

Рудник имел горный надел земли размером в 99 десятин. Сбыт угля производился местному населению, предприятиям города Кузнецка и местному транспорту. В весенний паводок уголь транспортировался в баржах до г. Томска при помощи семи буксирных пароходов. Благодаря своему высокому качеству уголь выдерживал фрахт в сравнении с другими углями, находящимися ниже по течению реки Томи (Ерунаково, Порывайка).

В 1921 году развитие рудников шло интенсивно. Обеспечение крепежным и строевым лесом происходило сплавом по р. Томи до рудника в плотах.

Первая лесозаготовительная гавань мною была изыскана, запроектирована и построена в устье реки Абашевой, и в 1922 году произведен первый пробный молевой сплав по р. Абашевой до гавани, где весь лес сплачивался в плоты и плотами доплавлялся до рудника. Кроме того, до 10 тысяч кубометров леса мы сплавляли плотами до деревни Митино, где лес выгружался на берег лошадьми, а в зимнее время вывозился в Прокопьевское.

Во второй половине августа к нам приехала комиссия из девяти человек во главе с профессором Ленинградского горного института Борисом Ивановичем Бокием. Вся комиссия в составе 8 человек, кроме Бориса Ивановича, спала на огромной медвежьей шкуре (более четырех метров в длину). Шкура эта была с убитого мной предыдущей осенью медведя. Медведя я встретил в районе Абашевского рудника. Позволю себе кратко рассказать об этом случае.

В конце октября был ясный солнечный день. Выпал первый снег. Он лежал неровный слоем. Местами был выше колена, местами едва припорошил землю. Переплетение неровных плоскостей давало очень яркое отражение солнечных лучей. Снег, как говорят, искрился.

Уголь, вывозимый из наклонной штольни, опрокидывался из вагончиков в шлюз и с шумом катился через него вниз по тридцатиградусному уклону горы в бункер, из которого в коппелевских вагонетках откатывался в отвал.

Во время обеденного перерыва мое внимание привлек шум у входа в штольню №3, которая находилась над уровнем реки, где-то в шестидесяти метрах.

Рабочие гикали и кричали:

— Медведь! Медведь!

Я посчитал сначала, что рабочие затеяли какую-то игру, но в это время к окну моей квартиры, помещавшейся на самом берегу Томи, подбежал рабочий Бычков:

— Смотрите, Георгий Степанович, медведь плывет!

Я глянул в окно: на середине реки, среди плывущего «сала» действительно передвигается медведь и, видимо, немаленьких размеров.

Я схватил патронташ с «жаканами», ружье 12 калибра (штучное, работы мастера Бацена) и выскочил в окно. Подбежал к переправной лодке, и мы с перевозчиком поплыли вдогонку зверю. Мы еще не доплыли до середины реки, а бурый уже вышел на противоположный берег. На фоне снега было видно, что этот властелин тайги огромных размеров. Зверь оглянулся на нас и пошел в кустарники, на ветвях которых висели хлопья снега, заслонявшие видимость.

Крики рабочих у входа в штольню замолкли. Только один из них крикнул:

— Медведь отошел от реки метров 50 и направился берегом вдоль курьи.

— Идите обходом до тополя! — крикнул другой.

Мы причалили в том месте, где на берег вышел зверь. Следы подтвердили мне немалую величину зверя. Я пошел обходом до тополя, как мне подсказали. Слышу с шахты новый совет:

— Идите прямо к курье. Зверь залег в кустах. Не видно!

Я насторожился — взял ружье наперевес, обошел зверя и осторожно пошел навстречу. Не дошел до него метров десять. Он действительно лежал в кустарнике. Потревоженный моим появлением, зверь встал, рявкнул и пошел от меня своим следом обратно. Я продолжал осторожно двигаться по его следам. Прошел еще метров сто. Слышу, впереди, метрах в пятидесяти, выстрел, за ним второй. Шум, крики каких-то людей. Я стремительно побежал на выстрелы. Передо мной раскинулась покосная поляна метров 300 в длину, метров 50 в ширину. В середине куст черемухи, имеющий в диаметре 6-7 метров. Кругом него с ружьями в руках, с криками бегают три шорца, а за ними прыжками гоняется огромный бурый медведь. Я подошел всего на десять метров, но стрелять было нельзя. Медведь пробегал мимо меня с открытой пастью, отрывисто рявкая, устрашая своим разъяренным видом шорцев, но на противоположной от него стороне за кустами были люди. Выстрелом можно было убить одного из них.

На третьем кругу двое шорцев, заметив меня, оторвались от куста и побежали мимо меня наутёк. Третий шорец заметил исчезновение товарищей, но не заметил, куда они скрылись. Он тоже оторвался от куста, но побежал в противоположную от меня сторону. Медведь погнался за ним и не более как тремя прыжками настиг охотника и сбил его с ног.

Я кинулся следом за зверем. Вижу, шорец лежит вниз лицом. Ружье валяется в двух шагах впереди. Медведь левую переднюю лапу положил на спину шорца и стал ее сжимать, вонзая когти в спину. Левую лапу он положил на мягкую заднюю часть и, расправив когти, вонзил их в холку шорца. Зверь казался огромной копной, стоящей на человеке. Придавленный к земле такой силой, шорец лежал без движения. Правая задняя лапа медведя стояла на земле, правая передняя была поднята вверх на уровне раскрытой пасти, издающей рычание. Я приближался. Зверь со злостью смотрел на меня. Он приложил уши к голове и, как бы присогнувшись, готовился прыгнуть, стоя ко мне правым боком. Я приложил ружье к плечу. Мушка, наведенная на голову зверя, сошла ниже. Я направил ее на грудь в область сердца. Медведь оторвался от лежащего шорца, присогнулся и хотел прыгнуть на меня. В этот момент я выстрелил. Зверь отделился от земли и упал на живот, как бы лёг. Я отпрыгнул в сторону. Смотрю, моя жертва лежит без движения. Но я сделал еще несколько шагов назад. Раскрыл быстро ружье и вложил свежий патрон «жакана». Зверь продолжал лежать без движения. Но впечатление было такое, что он притаился. Я выстрелил ему в ухо. Он не реагировал. Тогда подошел к нему и опрокинул на бок.

У шорца была разорвана холка, вся спина в крови. Поднял его шомпольное ружье. Оно оказалось заряженным — не успел выстрелить. В это время подошли убежавшие шорцы. Я приказал им унести раненого товарища до берега, переправить и доставить в больницу. Одновременно подбежали несколько рабочих с рудника. Среди них нашлись специалисты по снятию шкур. Они занялись этим делом. Вскоре вернулись и шорцы.

— Как было дело? Расскажите! — попросил я.

Один из них — Василий Куюков из улуса Абашево — стал рассказывать:

— Медведя мы, верхами на лошадях, следили из тайги. Он прошел по р. Абашевой, вышел на гриву, добрел горами до рудника. Чуть не съел Семена Чульжанова: когда тот подъехал следом к обрыву горы, медведь выскочил из-под яра. Лошадь в дыбы, опрокинулась назад. Заряженное ружье у Семена выпало из рук, стволом воткнулось в землю. Медведь ударил лошадь по заду. Она упала, упал и Семен (он заболел — здорово испугался, остался на руднике). Медведь между тем спрыгнул обратно под яр. Спустился с почти отвесной скалы по камням и поплыл через реку. Мы видели, как ты в лодке поплыл за ним. Спустились с горы на рудник. Слезли с лошадей. Трое сели в лодку и поплыли за реку помогать тебе. Переправившись, еще твоего лодочника захватили на берегу. Вышли на берег, осмотрели свои шомпольные ружья, заряженные жеребьем. Пошли по звериному следу, зная, что ты обошел его, и он от тебя должен пойти назад. Прошли мы кустарником сажен триста. Шли около сенокосной опушки. Смотрим, а навстречу нам, среди кустов, саженях в двадцати, идет медведь, идет на всех четырех ногах. Самый опасный зверь, когда идет на четырех ногах. Обязательно бросится на человека. Я сказал: «Стрелять!» — и первым выстрелил, но промазал. Медведь рявкнул, разинул пасть и помчался прямо на нас. Рядом, на покосе мы увидели густой черемуховый куст и побежали за него. Медведь начал нас гонять, Феофан не успел даже выстрелить. Круга три дали, увидели тебя. Побежали, не помня себя. Как Феофана он придавил, не знаем. Но, спасибо тебе, однако. Ты просто нас спас. Он страшный. Задавил бы всех.

Тем временем мои рабочие сняли шкуру. Василий начал мерить своими четвертями. Насчитал 25 полных со средним пальцем четвертей. Шкура была солидных размеров, цвета темно-бурого. Шерсть необыкновенно чистая и густая. Высота ее достигала десяти сантиметров. Пушистая, мягкая, как постель. Средние когти доходили по кривой до десяти сантиметров. Судя по треугольному зубу, зверь был очень старый.

Стали обследовать — куда стреляли шорцы, куда — я.

Одна пуля шорца попала в левый пах, около задней ноги, и застряла под кожей в мышцах левой задней ноги. Второй выстрел в момент вставания медведя на задние лапы, когда передние он поднял на уровне головы. Пуля попала выше левой передней лопасти, в сухожилия, пробила кожу и торчала между сухожилий.

Медведь по своему бродячему укладу шатался до второй половины октября, уже сравнительно по глубокому снегу, оставляя после себя след. Был норовистого характера, злой, всегда готовый дать врагу отпор. В данном случае ему на дороге попались люди и, хотя немного, но обожгли его пулями. Он решил рассчитаться. Гоняясь за шорцами вокруг куста, не поймал их лишь потому, что шорцы вокруг куста описывали кривую по наименьшей окружности, а медведь делал прыжки, получалась ломаная линия, удлинявшая и усложнявшая его путь, тем более что у зверя на углах были сдерживающие движение моменты. Первый шорец, обегая куст, бежал в двух-трех метрах сзади зверя. Если бы только медведь обернулся назад, шорец забежал бы ему в «объятия».

Первый мой «жакан» попал в левую мышцу сердца и прошел по диагонали до низу. Он сделал огромное разрушение, оторвав половину верхушки сердца.

Вторая пуля, посланная в левое ухо, прошла через мозг к левому глазу. Но эта пуля, в данном случае, не имела никакого значения, так как зверь был уже мертв.

Шкура этого медведя служила постелью бригаде. Ее я подарил участникам экспедиции на память.

...В 1922 году добыча угля продолжала развиваться. Были заложены две наклонные штольни, из которых добыто угля в два раза больше по сравнению с 1921 годом. Строились жилые бараки. Потребность в лесе значительно возросла. Лесозаготовки развивались в Горной Шории по рекам Мрассу, Тутуяс, Усе и в верховьях Томи, где мы начали заготовлять лес ввиду трудности транспортировки его с Чумышской дачи.

На лесозаготовках работало почти все население Горной Шории.

В навигацию 1922 года я, в период максимального подъема воды, совместно с Николаем Долговым спустился самосплавом на однорядном плоту по Томи. В районе Байдаевки плот шел серединой реки. Так как плот двигался быстрее поверхностных скоростей, он с переката прошел на Спасское плесо и по инерции, пересекая поверхностные скорости, ударился о Спасскую скалу. Бревна из оплотин выбросило. Мы остались на оплотинах, держась за бабки и греби, которые быстрым течением перебрасывало через огромные спасские валуны. Нас понесло в Абагурскую протоку и занесло в кусты на то место, где ныне стоит Абагурский лесозавод. Это путешествие на плоту, столь опасное, мы с Николаем задумали не ради развлечения. Я хотел изучить, насколько и как поверхностные струи разделялись в Абагурскую протоку и в главное русло реки.

С этого времени я ежегодно изучал протоку на предмет строительства в ней лесозадерживающей гавани.

В 1922 году закончилась постройка железнодорожной линии от Прокопьевска до левого берега Томи, откуда мы начали отгружать лес и балласт. По распоряжению Управления Южного района, мы в этом году сплавили все постройки с Тельбеса до Левого берега, откуда они по железной дороге направлены были в Прокопьевское.

В 1923-1924 годах мной был разработан и представлен Управлению Южного района проект на транспортировку угля из Абашевской штольни.

Но тут произошла внезапная консервация рудников: Киселевского, Осинниковского, Ерунаковского, Араличевского и Абашевского. Действующим остался одни Прокопьевский рудник, на закрытие которого не согласился управляющий Южной группой рудников Корней Осипович Горбачев — старый донбассовец, старый большевик-подпольщик.

После закрытия Абашевского рудника, 1 октября 1924 года меня назначили заведующим лесозаготовительной конторой Кузнецкого района. С этого времени я начал работать непосредственно в лесной промышленности в системе угольного Кузбасса.

...Мы открыли ряд лесозаготовительных участков в Горной Шории. Лес сплавлялся в однорядных плотах, самосплавом, до Левого берега, где по покатам, на лошадях выгружался на берег, затем подвозился к железнодорожным тупикам, построенным нашей лесозаготовительной конторой, грузился вначале вручную в ж/д вагоны с помощью ивовых прокладок, которые рубились тут же, в зарослях Левого берега, и отправлялся на Прокопьевский рудник.

В 1925 и 1926 годах, находясь в должности заведующего лесозаготовительной конторой Кузнецкого района, я продолжал развивать лесозаготовки. Развитие их шло за счет ввода в эксплуатацию сплава мелких рек. Этим сокращалась да нуля подвозка леса к берегам сплавных рек. В эти годы изысканы и построены мной шесть гаваней по рекам Аксас, Баранзас, Старый Тутуяс, Новый Тутуяс,

Теш. На Левом берегу была сформирована резиденция Кузнецкой лесозаготовительной конторы, где производился расчет за приплавленную древесину.

Потребность в древесине резко возрастала. Для капитальных выработок (проходки стволов) требовались сосна и лиственница. Эта высокосортная древесина произрастала в верховьях р. Томь, по притокам Теренсу, Шоры, Балыксу.

Получив задание на заготовку вышеуказанных пород, я решил начать ее в неосвоенных и недоступных местах верховьев Томи, куда еще не ступала нога лесоруба. В конце декабря 1926 года, взяв двух проводников, я двинулся в путь на Балыксу. До Камешка мы доехали на лошадях. Дальше дороги не было. Пришлось стать на лыжи. Необходимые продукта и вещи мы поочередно тащили в «сюрке» (специальный вещевой мешок).

Идти было тяжело. Морозы достигали свыше 50 градусов. По договоренности с товарищами я шел на 500 метров — на километр впереди. Они шли сзади. Тащили «сюрку».

Подходим к устью Амзаса. Вижу: ниже левой Козырской протоки, около небольшой полыньи, бегает три выдры, охотятся за рыбой. Я скинул с плеч ружье, зарядил «тремя нолями» и пошел берегом в обход. Против зверьков над берегом наклонилась большая ветвистая береза. Я подходил с большой осторожностью, сдерживая дрожь охотничьего азарта. Послышались писк и возня выдр. Товарищи, шедшие сзади, заметили, что я крадусь, и остановились. Я тихонько подошел к березе и стал наблюдать. В метре от полыньи возились три выдры с пойманным кускучом, килограмма на три весом. Они бросались друг на друга и пищали от жадности.

Приложив ружье к плечу, я выждал момент, когда головы зверьков соединились вместе. Выдриха солидных размеров захватила в зубы голову кускуча. Два ее детеныша оспаривали друг у друга кусок рыбы. Выдриха бросила свою добычу, перепрыгнула через рыбину и оказалась между выдрятами. Наступил момент, когда головы всех троих сблизились в диаметре 30-40 сантиметров. Я выстрелил. Выдренки подпрыгнули, опрокинулись назад и остались лежать без движения. Смертельно раненная выдриха старалась преодолеть пространство, отделявшее ее от полыньи. Опасаясь, что она таки доберется до полыньи и потонет, я спрыгнул с высоты трех метров и упал вниз головой в снег. К счастью, лыжи остались целы. Я же, с большими усилиями выбравшись из снежной ямы, сам похожий на огромный снежный ком, встал на лыжи и подошел к месту пиршества выдр. Смотрю, выдрихи уже нет. На льду неподвижно лежат два выдренка и кускуч, от которого они отъели не больше четверти килограмма. Видимо, выдриха только что поймала кускуча и начала с детенышами обедать. У выдрят прострелены головы. Кровавый след тянется к кромке полыньи, где и обрывается.

Подошли товарищи. Подняли рыбину.

— Вот и уха! — сказали они.

Время было позднее. Идти дальше не имело смысла. Решили ночевать. Подобрали добычу и пошли в гущу кедрового леса. Выбрали хороший, ветвистый кедр. Наготовили дров. Один товарищ стал готовить уху, а мы с другим сняли с выдр шкурки. Еще засветло поели ухи, которая оказалась очень вкусной, и стали готовиться к ночлегу. Ночь выдалась звездная, морозная. Подстилка из пихтовых веток не особенно грела. Приходилось по очереди следить за костром.

Когда занялась заря и потускнели звезды, мы снова двинулись в путь. Идти было трудно. Мороз все крепчал, перехватывало дыхание.

— Но, — сказали проводники, — сегодня, однако, за пятьдесят.

Действительно, как я установил впоследствии, в этот день термометры показывали 52 градуса ниже нуля.

Я был моложе своих спутников. Вчерашняя охотничья удача подгоняла меня. Я снова вырвался вперед. Лыжи скрипели. Скольжения не было.

Километров через девять, вблизи горы по прозвищу «Старушка», увидел большую полынью. Она тянулась метров на двести. Я снял лыжи и пошел по свежезамерзшему льду, вдоль полыньи. Мои товарищи отстали метров на 700. Идти вдоль полыньи было легче и я быстро «вывершил» ее. Метрах в семи от верхней незамерзшей кромки я повернул влево и стал переходить свежезамерзшую полынью, затянутую поземкой. В узкой полосе она оказалась еще не затянутой льдом, и я провалился в студеную воду, причем лыжи и шапка остались на льду. Меня утянуло на дно. Я оттолкнулся ногами и поднялся вверх, но тут ударился головой об лед. Открыв глаза, увидел сплошную мглу. Только сзади прибивалась полоска света. Значит, там и была полынья. Все исчислялось мгновениями. Течением меня поднесло к полынье. Я вынырнул на поверхность, вздохнул, подобрался к кромке льда, стараясь на нее опереться. Лед обломился. Быстрое течение тянуло в ледяную могилу. Напрягая последние силы, я голыми пальцами правой руки вцепился в лед, выбросив левую руку по возможности дальше, и так продержался, очевидно, минуту или две, потому что ознобил концы пальцев, а рукав полушубка на левой руке примерз ко льду. Я вздохнул свободнее. Теперь не потону. Мои товарищи, издали заметив, что я исчез в полынье, бежали к месту трагедии бегом. Они спешили, падали, но были еще далеко. Быстрое течение упрямо тащило меня под лед. Я уже сильно устал, замерз и слабел с каждой минутой. Спас меня только рукав, примерзший ко льду.

Подбежавшие товарищи бросили мне лямку от «сюрки» и вытащили на лед. Один из них стал рубить дрова для костра. К счастью, попали на мелкий сухостой кедрача. Пока мы с другим плелись к берегу, там уже запылал большой костер. За первым вспыхнул второй, за вторым — третий. В середине между кострами мы организовали привал. Когда мое тело начало согреваться, его стала сотрясать сильная лихорадочная дрожь. Всю ночь мы палили костры, сушили одежду. На рассвете тронулись дальше.

Я чувствовал себя плохо. Ныли ноги. Озноб проходил по телу. Но кругом нас была молчаливая тайга, жаловаться было некому, и я был старшим в нашей маленькой группе. Я старался возможно быстрее добраться до Балыксинского зимовья, до которого оставалось километров 20. По обыкновению я шел впереди. Было морозно, но на пять градусов меньше, чем вчера. По реке шла легкая поземка, переметая все углубления и шероховатости.

Выше Канзасу, на перекате протоки, поземка затянула небольшую полынью. Я вновь провалился, на этот раз вместе с лыжами. Быстро раскинув руки, я задержался. Сильное течение настойчиво увлекало меня в речную пучину. Помощники отстали на пятьсот метров.

«Ну, — подумал я, — здесь нужно бороться энергично, иначе пропадешь и задания не выполнишь».

Попытался подняться на руках. Мешали лыжи, в которые, как в лопасти парохода била вода. Снять их не было возможности. Вдруг я почувствовал, что одна лыжа, на которую напирала вода, стягивает с ноги бродень. Я всячески стал помогать лыже. Бродень упал с ноги. Через некоторое время мне удалось стянуть второй бродень. Вылез на лед без лыж и без обуви, мокрый до самого ворота. Тут подбежали товарищи. Наскоро переоделся, одел валенки. Но лыж не было. Двигаться нельзя. Посоветовались и решили: одному остаться на месте, а мне с другим дойти до сторожевой избушки на Чарыше и послать сторожа с лыжами.

С трудом добрались до избушки. Сторожа послали унести лыжи. Сами начали сушиться. Пришлось ночевать. Лишь на следующий день по торной сеновозной дороге добрались до Балыксы.

Ледяные ванны не прошли бесследно. По приходе на Балыксу я еще две недели работал над созданием новых участков, ходил по лесосекам, организовывал труд лесорубов, а потом заболел суставным ревматизмом. Без движения дней двадцать я лежал на прииске Неожиданном в больнице. Из Кузнецка за мной прислали три подводы с медицинским работником Романом Марковичем Борисенко. В кибитке он увез меня в Кузнецк, где я еще с месяц пролежал в больнице, а затем меня отправили во ФТИ (г. Томск).

...Во втором квартале 1927 года мы впервые начали вводить молевой сплав.

Я разработал проект молевого сплава с верховьев Томи — от Балыксы до Студеного плеса и представил его на рассмотрение в управление «Кузбассугля».

Проект был принят, и мы получили разрешение на проведение пробного молевого сплава.

Мне предстояло немедленно плыть для проведения подготовительных работ к первому предстоящему сплаву.

Позволю себе вкратце остановиться на одном эпизоде.

Во второй половине июня, поднимаясь в лодке по реке Томи до Балыксинского лесоучастка, где заготовлялись ответственные породы леса: сосна, лиственница и откуда предстояло начинать первый молевой сплав, я имел лодочниками одного русского, другого шорца. Вода была выше среднего горизонта. Вместо шестов — этого излюбленного здесь способа движения вверх по горным рекам — ввиду больших глубин приходилось прибегать к веслам. При этом преодолевать быстрое течение стоило немалых трудов.

На седьмой день нашего пути мы подплыли к р. Сливень — правому притоку Томи. Ширина этой речки была небольшая — всего 10-12 метров, но речка была не речкой, а каким-то водопадом.

Выходит Сливень тремя метрами выше горизонта воды в Томи. Когда Сливень бывает, как говорят, «в самом разгаре», т.е. многоводным, он образует большой водопад. Вода, падающая в таком объеме с такой высоты, образует в Томи на большую глубину водоворот, за которым стоит как бы водяной гребень. Увлекаемые водами Сливня в Томь летят камни до десяти килограммов весом. Не один проплывающий в это время мимо, сбитый камнем, стал жертвой водоворота.

Причалив к берегу ниже Сливня, мы начали разведывать, как пройти это опасное место. По противоположному берегу Томи проплыть в лодке или провести ее на бечеве нельзя — мешают валунные камни и пенистый вал. Единственным местом, где можно попытаться проплыть, и то с большим риском для жизни, являлась полоска воды около водопада.

Шорец, видя опасность, плыть отказался. Второй лодочник не отказывался, но явно трусил. А дело требовало, чтобы мы спешили по назначению. Я решил принять управление лодкой на себя. Взял шест, встал на корму. Шорец сел в лодку на мое место. Второй лодочник стал в нос лодки. Договорились лодку вести водяным гребнем, около водопада. Далее в реку было нельзя — большой вал, и шест не доставал до дна, а на веслах прогреблись бы очень долго.

Тронулись. Сливень издавал грозное рычание при посредстве перекатываемых им камней различной величины. Он точно бы грозил: «Дерзкие! Я проглочу вас!». И, по совести, было довольно жутковато.

Лодка под напором шестов поползла вверх, колыхаясь по зыби. Всей силой упираясь шестом в дно, мы преодолевали сильное течение и качку. Носовой начал робеть, оглядываться назад. Стараясь перекричать рёв Сливня, я приказал ему:

— Не оглядывайся! Крепче упирайся шестом!

Лодка проходила мимо водопада. Ее нос уже был за ним. Начинала проходить и корма. Я напряг все силы и уперся в шест. В метре от меня бушевал падающий столб воды. Ничего не было слышно. Вдруг вижу, носовой вместо того, чтобы навалиться на свой шест и подать лодку еще немного вперед, дав этим возможность мне переставить шест, встал на борт, выпрыгнул в воду и выскочил на другой берег Сливня. Лодку мгновенно задернуло под водопад. О мою голову ударился камень, я вывалился из лодки и пошел ко дну. Шорец также свалился в воду и, оказавшись под ней, ухватился за меня. Я его оттолкнул и быстро вынырнул на поверхность, но снова оказался под водопадом. С трудом набрав воздуха, ослепленный брызгами, ничего не видя, я нырнул и на этот раз всплыл за пределами водопада. Смотрю, лодка, опрокинутая вверх дном, плывет вниз. Я бросился вдогонку. Забрался на дно лодки и начал ощупывать, что есть под ней. Нащупал ружье. Оно оказалось вместе с плывущим багажом, под лодкой. Вынув ружье, я бросил его на берег. Не долетев метров пять, ружье затонуло против наклоненной березы.

Вынув из лодки бечеву, я намотал ее на руку и поплыл к берегу... Километром ниже Сливня мне удалось подтащить лодку к берегу и закрепить ее бечевой за ближайшее дерево. Осмотревшись, увидел шорца. Он бегал по берегу, вытаскивал из воды плывущие вещи, шесты, весла. Я его окрикнул, и вместе мы подтянули опрокинутую лодку к берегу. После чего стали из-под нее вытаскивать вещи, находившиеся там как бы в вакуумном пространстве.

Многого недосчитались. Сума с ответственным грузом, патронташи остались на дне реки. С большими усилиями опрокинули лодку, вычерпали воду и подтянули лодку бечевой на прежнюю стоянку под Сливень. Наш носовой, выбравшись на противоположный берег Сливня, сидит себе и покуривает. Послал я ему несколько «лестных» фраз. Шорец тоже возмущался. Но размышлять долго не приходилось. Нужно разводить костер, сушить вещи. Спички у шорца подмокли, у меня тоже. Пришлось обратиться к мобзапасу. Одна коробка спичек находилась у меня всегда в боковом кармане в тонкой непромокаемой ткани, засмолена варом. Передал спички шорцу, чтобы разводил костер. Хватились, а топоров тоже нет, потопли, котелка и чайника также не оказалось. Хорошо, что на берегу было много топляка и наноса. Натаскали дров. Вскоре костер запылал.

Я пошел за ружьем. Метрах в пятистах от стоянки нашел наклоненную к воде березу. Забрел в воду, стал ногами нащупывать ружье. Когда вода подперла под мышки, я нащупал ружье. Подцепил его за ремень правой ногой и поднял над водой. Взял в руки и вылил из стволов воду. Осмотрел — не поломалось ли где? Но только около цевья была небольшая царапина. Видимо ружье легко ударилось о камни.

В этот момент вижу против меня, метрах в тридцати, что-то плывет. Вначале подумал — это дерево с ветвями. Но «дерево» плыло не вниз по течению, как ему положено, а против него. Тут свистнул шорец. Я сообразил — животное! Пригляделся — козел с ветвистыми рогами. Он подплыл близко ко мне и метрах в пятнадцати направился к берегу. Я вскинул ружье и выстрелил. Козел подпрыгнул и, упав, забился в предсмертной агонии. Побрел к нему, вытащил на берег. Хороший трофей!

Прибежал шорец, захлопал в ладоши, забрал козла, обделал и стал жарить мясо.

Одежда и продукты подсохли. Но мы решили сегодня не двигаться. Ночевать здесь. А наш носовой ночевал в одиночестве на другом берегу.

Наутро вода в Сливне немного убыла. Мы с шорцем встали в лодку и благополучно преодолели опасное место. Далее плавание пошло в обычном порядке.

...С 1922 года я начал изучать Абагурскую протоку на предмет постройки коренной лесозадерживающей гавани. Свои выводы я держал в секрете до тех пор, пока окончательно не убедился в пригодности протоки для намеченного строительства.

Одновременно я раздумывал над примыканием будущей Абагурской площадки к строящейся железнодорожной ветке Кузнецк—Тельбес.

На левом берегу Кондомы, до устья Тельбеса было сделано много земляных работ и построено устоев для мостов. Я написал докладную записку в Управление строившейся дороги, советуя изменить намеченный вариант и вести дорогу не по левому берегу Кондомы, а по правому. Левый берег на половину пути скалистый. Необходимо будет строить два лишних моста: один через Кондому в Осинниках, второй — через Мундыбаш при устье Тельбеса. Путь пройдет по северному склону под накатом. В зимнее время неизбежны большие снежные заносы. Предлагаемый мной вариант сильно уменьшал скальные работы. Дорога прошла бы по южному склону. Это могло предотвратить большие снежные заносы зимой. Через Кондому пришлось бы строить только один мост.

Управление строительства провело дополнительные изыскания, и мое предложение приняли. На десятом километре построили мост через Кондому. Дорога прошла правым берегом. Это обеспечило устройство тупика к Абагурской площадке.

В 1928 году Лесзаг открыл заготовки в лесах Горной Шории со сплавом леса до Кузнецка для Тельбесбюро, организовывавшего строительство Кузнецкого металлургического завода.

Представители Тельбесбюро, Крайлесзага и Окрлесзага стали притеснять лесозаготовки Кузбассугля, ограничивая лесные отводы, тормозя выдачу лесорубных билетов, вмешиваясь в организацию лесозаготовок. Окрлесзаг стал вербовать на лесозаготовки население Горной Шории, являвшееся основной рабочей силой наших лесозаготовительных участков, пытался переманивать шорцев, но те не шли. Дело дошло до облисполкома. Там решили уладить конфликт на демократических началах. Созвали в улусе Былбынь совещание с представителями всех селений Горной Шории, прилегающих к Томско-Мрасскому бассейну. На совещание съехались представители райлесзага, Окрлесзага, Облесзага, представители шорской общественности. «Кузбассуголь» командировал меня одного.

Был поставлен вопрос о передаче всех лесозаготовок в Горной Шории Лесзагу. Я восстал против этого самым категорическим образом.

— Леса Горной Шории, — докладывал я совещанию, — спелые и переспевающие. Они требуют интенсивной вырубки, иначе многомиллионные запасы леса подвергнутся ветровалу и погибнут.

Шорцы согласно кивали головами.

— Леса Горной Шории, — развивал я свою мысль — низкосортные. В основном это — пихта, пораженная напённой гнилью. Они мало пригодны для строительства. Их прямое назначение — быть крепежом в шахтах. Там они будут соответствовать.

И снова шорцы согласно закивали головами.

— Так, так!

— Если мы привозную сосну пустим на крепление угольных выработок, это будет преступлением. К тому же для строительства завода потребуется не столь большое количество леса, сколько его потребуется для крепления шахт, — докончил я свою мысль. — Лесные богатства Горной Шории может освоить только угольная промышленность, которая будет потреблять максимальное количество леса.

Шорцы гулко забили в ладоши, выражая солидарность с этим мнением.

На совещании решили лесозаготовки оставить за «Кузбассуглем».

Лесзаг, являясь поставщиком Тельбесбюро, внес предложение последнему отобрать у нас лесную площадку на Левом берегу (где в данное время находится трест «Южкузбасслес»). Этот ход Лесзага доставил нам немало хлопот.

Особой комиссией по отводу земель для строительства Кузнецкого металлургического завода был внесен на рассмотрение Кузнецкого городского Совета проект, предусматривающий изъятие перевалочной площадки Левого берега под подсобные цеха строящегося завода. (Как теперь видно, и сегодня на этом месте никаких подсобных цехов завода нет.)

В декабре 1928 года Городской Совет вынес решение, обязывающее «Кузбассуголь» через год убрать с Левого берега лесоперевалочную площадку. Другой площадки взамен нам не предоставили. Все сооружения, а они уже были капитальными, вплоть до подъездных путей, надо было перебрасывать куда-то в пространство. Этим райлесзаг рассчитывал заставить нас отказаться от лесозаготовок. Итак, надлежало перевозить куда-то три общежития, контору, конный двор, жилые дома, два отгрузочных тупика, на которые одновременно можно было подавать 30 вагонов. Надлежало где-то на новом месте устраивать все заново, всё, что было уже оборудовано — причал для плотов (рейд), наплавной предохраняющий бон, мертвяки, выгрузные взвозы, продольную бревнотаску, — словом, все, во что вложено столько трудов и средств.

Представители Лесзага откровенно посмеивались:

— Негде теперь «Кузбассуглю» организовывать рейд с перевалочной базой. Поневоле придется ему отказаться от лесозаготовок.

А в «Кузбассугле» действительно некому было заняться изысканием. Тогда, взяв теодолит и рейку, мы с Иваном Ивиным выехали на Абагурскую протоку. Начиная от поселка Абинцы, прошли полигон по левому берегу протоки, измеряя расстояние дальномером. Съемку протоки и площадки справа я произвел засечками с двух-трех мест. Это отняло день. На второй день я вычертил площадку с Абагурской протокой. Получился эскизно-инструментальный план участка.

Земля эта принадлежала колхозам Абинского сельсовета. На общем сходе Абинского общества от имени «Кузбассугля» я предложил эту землю, считавшуюся неудобицей и составлявшую площадь в 400 гектаров, отдать нам в аренду на три года. Сход согласился. Тут же подсчитали стоимость аренды. Я уплатил деньги, получил квитанцию и решение схода. Так «Кузбассуголь» сделался арендатором этой площадки до 1932 года.

Генеральный план площадки и проект строительства и был утвержден «Кузбассуглем». Строительство Абагурского лесокомбината началось под моим руководством. В декабре 1929 г. мы приступили к сооружению ряжевой гавани, лесопильного завода, лесотасок и подъездных железнодорожных путей, примыкающих к железнодорожной магистрали около деревни Муратово. На месте примыкания возникла станция Абагур.

Ряжевую гавань строил инженер Курников. Строил, а проект составили постфактум. Гавань стоит и эксплуатируется по сегодняшний день — двадцать второй год — безаварийно. Прорабами строительства лесопильного завода были механики Крылов и Врачинский. Лесозавод с двумя рамами Болиндера, обрезным станком также эксплуатируется по настоящее время. Выгрузочные лесотаски, наплавная гавань, сортировочные дворы строились под моим наблюдением. Железнодорожный техник Суваров вел строительство 12 километров подъездных путей с четырьмя мостами. Намеченный мной вариант не изменен — он был жизненно правильным. Абагур существует и в настоящее время.

Название Абагурский лесокомбинату присвоено мной из следующих соображений. Первым строением на Абагуре была сплавная контора в центре левого

берега протоки. На самом возвышенном месте, где когда-то был туземный поселок под названием Абатур (Аба — отец, тур — селение), значит — «отец-селение», расположился лесокомбинат. Полагалось комбинату называться Абатурским. Получалось не очень звонкое слово. Мы выбросили букву «т» и заменили ее буквой «г». Лесокомбинат получил название Абагурского и станция названа «Абагур». Вот и расшифровка названия.

Мы возбудили ходатайство перед Крайземуправлением о передаче Абагурской площадки «Кузбассуглю» на вечное пользование и после долгих просьб добились желаемого.

В IV квартале началось переселение с Левого берега на Абагур. Перевезли все бараки, оборудование лесопильного завода, контору, промышленные строения и жилые дома.

...Наступил 1932 год. В этом году «Кузбассуголь» возбудил ходатайство о приписке ему всех лесов Горной Шории и лесов северной части Кузбасса в бассейнах рек Яя и Китата. Ходатайство было удовлетворено. «Кузбассуголь» получил все леса Кузбасса для эксплуатации сроком на шестьдесят лет.

Летом этого года мне предстояло заплыть на Балыксинский лесоучасток. С рассветом наша лодка покатила по бурной шумливой Томи, переваливаясь с пенистого вала на вал. Вел лодку опытный лодочник Шории Дмитрий Петрович Турушпанов, по прозвищу «Пугда», что значит «Большой». Наш Пугда выглядел значительно моложе своих шестидесяти пяти лет. Был он выше среднего роста, широкоплеч. На скуластом, смуглом, словно лощеном лице сидел вздернутый нос с приплюснутыми ноздрями. Его зоркие, черные, продолговатого разреза глаза были всегда настороженны, особенно на бурливых перекатах реки. Несоответственно возрасту он обладал большой физической силой, был быстр и ловок в движениях. Я часто наблюдал, как, стоя на корме, он отталкивался шестом, и лодка, словно бы выпрыгивая из воды, резко продвигалась вперед. Этого толчка обычно не выдерживал носовой и падал в лодку. А Пугда оставался неподвижным и невозмутимым. Одет он был в самотканый костюм. На ногах носил бродни шорского покроя. На голове — старую шапку-татарку.

Дмитрий Петрович считался в Шории лучшим знатоком Томи и лучшим мастером по управлению лодками. Мне приходилось с ним плавать в перегруженной лодке по большим пенистым валам. Он в совершенстве знал законы движения струй и валов. Где затормаживал, где ускорял движение, но всегда направлял лодку так, что вал никогда не успевал заплеснуть за борт. Плавал я и со многими другими, да еще и в порожней лодке. Но почти всегда на перекатах и в сильную волну лодку наполовину заливало водой. Приходилось отчерпывать или приставать к берегу.

Переваливаясь с одного вала на другой, мы катились по быстрому потоку. Вот гора «Старушка» быстро промелькнула мимо, вот бывшее Калтасское зимовье, наполовину заросшее крапивой, осталось позади.

— Парота, — сказал Дмитрий Петрович. Он не чисто говорил по-русски.

Посередине реки стояли три камня, и между ними с шумом падала вода. На минуту мне стало жутковато. Лодка, как стрела, пролетела в левый пролет, и ворота остались далеко позади.

Когда вы плывете на лодке, обязательно прислушайтесь к воде. Вы услышите из глубины реки такую музыку, какую трудно себе представить и о которой невозможно рассказать. Камни разной твердости и разного объема, ударяясь всей массой один о другой, при разных скоростях течения, образуют многотонный шумливый оркестр, который сочетает все звучания от тонкого до грубого, от альта до баса, переходящего в октаву, от быстрого до медленного. Трудно на словах

передать очарование этой музыки, под которую я часами дремал в лодке, сплывая вниз по течению.

...Благополучно миновали Кобырсинские протоки. Вот и слюдяная гора Канчик. Смотрим, а в полугоре пасется целый табун медведей. Насчитали семь штук.

Такой заманчивый случай можно встретить в жизни только раз.

Дмитрий Петрович направил лодку к берегу. Причалил к ветвистому кедру, который укрыл нас своей обширной кроной.

— Медвежий свадьба, — вполголоса сказал Дмитрий Петрович. — Чё делать пудим? Если стрелять первой медведица, то вся артель побежит на нас. Но!.. Тогда не робей. Держись! Стреляй без промаха. А то разорвут. Съедят. Если стрелять первай другой медведь «жених», тогда все остальные сразу убегут.

Задача, поставленная нашим кормчим, была не из легких. Подобьем самку, самцы все бросятся на выстрел, а их шесть. Проверили оружие. У нас была четырехлинейная охотничья винтовка с пятьюдесятью патронами и двухстволка двенадцатого калибра, при которой патронташ с 25-ю «жаканами». Оружия достаточно. Посоветовались и решили: я первым из винтовки стреляю в самку, а потом в нападающих самцов с дальнего расстояния. Когда же подбегут на расстояние до 20 метров, стрелять «жаканами».

Я взял винтовку и охотничий нож, Дмитрий Петрович — двухстволку и нож. Стали осторожно подниматься в гору.

Ветерок дул навстречу. Это было хорошо — медведи не могли нас почуять. Мы шли под прикрытием высокого гребня скалы, находящейся ниже медведей, которые спускались вниз по диагонали горы.

Добравшись до гребня скалы, осмотрелись. Скала возвышалась над землей не более метра, такова же была ее ширина. Гранит проходил сверху вниз. На гребне росла черника и низкорослая горная трава.

Раздвинули траву, и перед нами раскрылась изумительная картина. Медведица стояла к нам левым боком. Она наклонила голову и щипала траву. Самец небывало крупных размеров, казавшийся на фоне зелени величиной с лошадь, стоял в одном метре сзади медведицы. Он, рыча, скалил зубы и поворачивал пасть то к одному, то к другому из остальных «женихов». Те стояли веером вокруг этой могучей пары. Они, боясь, видимо, получить хорошую встрепку, не осмеливались подойти ближе, хотя сами тоже были немалых размеров. Медвежья свадьба напоминала собачью — все подчинялись власти сильного.

Договорились принять решающую схватку. Даже Дмитрий Петрович — немолодой, бывалый охотник Горной Шории — такую картину встречал впервые. Его глаза не отрывались от медведя-гиганта. Он рассказывал мне про него целую легенду. Будто это — хозяин тайги и показывается он раз во многие десятилетия.

Мы выбрали себе хорошие двойные бойницы в двух метрах друг от друга. Из одной бойницы стрелять, в другую — смотреть на результаты. Выложили патроны на скалу. Чтобы можно было быстрее перезаряжать. У меня в магазине винтовки было четыре патрона и один в канале ствола. Двадцать патронов я приготовил и положил на бойницу. Дмитрий Петрович также весь патронташ «жаканов» выложил перед собой. Ножи оказались в порядке — отточены.

Заняли позиции. Первым по уговору стрелял я. Целиться надлежало в самку. Затем отстреливаться от нападающих самцов, а когда они приблизятся метров на двадцать, в бой вступал Дмитрий Петрович.

Поставил прицельную рамку на 80 метров. Чувствовал себя уравновешенным. В другое время на охоте иногда горячился, а тут был спокоен. Стал целиться под левую лопатку медведице. Она «сидела» на мушке, как на экране. Стояла

боком, наклонив голову, и щипала траву. Нажал на гапку. Грянул выстрел. Мгновенно сунулся в смотровую бойницу. Медведица сильно перегнула спину: видно, пуля попала в позвоночник. Прыжками она поскакала наутек. Великан-медведь и вся стая последовали за ней. Только медведь, стоявший выше самки, остался на месте, а потом закувыркался вниз по горе, по направлению к нам. Я не обратил на него внимания, а еще три раза выстрелил по убегавшему великану. Он бежал прыжками и казался сказочно большим. Так весь табун и скрылся за горой.

Махнув с досады рукой, я сел на камень.

— Да-а-а! — Протяжно, с сожалением произнес Дмитрий Петрович, но потом, спохватившись, стал меня успокаивать. — Это карашо, што убежали. А один нам остался. Это карашо.

У меня из глаз не исчезал красавец медведь, но и я вспомнил о раненом звере. Мы подобрали патроны, перелезли через скалу и пошли к ковылявшему к нам медведю. Зверь злобно разинул пасть и зарычал. Он двигался на передних лапах. Зад его волочился по земле. Задние ноги были парализованы. В области крестца струилась кровь. Видимо, пуля попала в позвоночник и раздробила крестец. Могучий зверь был совершенно беспомощным. Дмитрий Петрович подошел к нему вплотную и стал дразнить, размахивая стволом ружья у морды зверя. Глаза медведя налились кровью. Он пытался защищаться, ловил лапой ствол. Разинул пасть и злобно заревел, задыхаясь. Мне стало жаль беспомощного зверя. Я показал жестом Дмитрию Петровичу, что надо добить. Охотник выстрелил в голову. Зверь упал, перевернулся на бок и затих.

Получилось так, что я, стреляя в медведицу, глубоко взял мушку, завысил, пуля, слегка задев спину медведицы, дала рикошет и попала медведю, стоявшему на одной линии, но выше, в позвоночник.

В один час мы сняли шкуру. Она оказалась 18 четвертей. Зверь был крупный. Плыть было уже поздно. Решили заночевать.

Утром мы сели в лодку и снова покатили вниз. Вот и речка Гужба со своими лесными насаждениями осталась позади. Остановиться решили у «Кедровых островов» — посмотреть леса. Скоро показались и они. Тут Дмитрий Петрович толкнул меня веслом в спину. Я быстро обернулся. Он показал на правый берег. Там ходили дикие козы. Самец, самка и два козленка. Взрослые подняли уши и смотрят спокойно на приближающуюся лодку, поводя чуткими носами. Убедившись в приближении неприятеля, самка и самец на задних ногах повернулись назад и поскакали в гору, мелькая между ветвями своими белыми задами. Детеныши запрыгали за своими родителями.

Они были на расстоянии выстрела, но стрелять было жалко.

Дмитрий Петрович пояснил:

— Этот белый пятна под хвостом дан им не зря. Когда бегут по лесу, задний видит переднего по этому белому платку.

Я записывал в тетрадку данные о запасах, отмечал возможности прокладки транспортных путей для вывозки леса.

Лодка, днищем и нижними бортами ударяясь о волны, неслась, как бы прыгая с вала на вал, особенно по перекатам.

Дмитрий Петрович крикнул:

— Смотри — рыболов!

Среди реки, метрах в ста от нас, хлопала крыльями о воду какая-то большая темно-серая птица.

Лодка подплыла ближе. Это был хищник — скопа. Он вел борьбу с большим тайменем. Вонзил когти в нее, но поднять на воздух не мог. А рыба в свою

очередь не могла скопу утянуть в воду ввиду большой площади его раскрытых крыльев.

Борьба шла при равных силах обоих сторон. Они мучили друг друга и видимо погибли бы оба.

Я взял скопу за спину. Она строго следила за моими движениями, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, как бы ожидая, что с ней будут делать. Но я обращался с птицей осторожно, не причиняя ей боли. Поднял скопу. Вместе с ней из воды показался таймень весом килограмма на три. Положил обоих в лодку. Рыба была живая, но билась неактивно. Скопа также сидела с распущенными крыльями, которые не смогла подобрать.

Очевидно скопа набросившись с высоты на тайменя, вонзила ему когти в спину. Правой лапой проколола рыбу тремя когтями, которые до сантиметра вышли наружу, а левой лапой зацепила двумя когтями. Таким образом, рыбина оказалась прицепленной, как бы на пять крючков. Скопа не могла освободить своих ног.

Я начал освобождать лапы скопы, которая, несмотря на свой строптивый характер, вела себя спокойно. Она только изредка щелкала клювом и слегка шипела. Освободить когти, торчащие в плотной коже тайменя, было очень трудно. Я немало повозился, но освободил только один коготь. Дмитрий Петрович причалил к берегу, и мы вынуждены были разрезать спину тайменя, чтобы освободить лапы охотницы. Наконец, пернатый был спасен от смерти. Я вынес его на берег, посадил на камень. Он продолжал держать крылья распущенными: не мог еще от перенапряжения согнуть махательные мышцы.

Я не мог понять, почему так спокойно, без сопротивления, вел себя этот хищник. Надо полагать, что он всю свою жизнь имел дело с водой и вдруг почувствовал неминуемую гибель от этой самой воды. Он потерял всякую моральную и физическую надежду на спасение, и вдруг появились мы, которые не нападали, а вытащили его из воды, грозившей погибелью. Видимо, инстинктом он почуял, что люди желают ему добра. А ведь иногда даже смертельно раненный хищник, даже в предсмертных агониях, норовит ударить клювом или лапой.

Лодка последовала дальше. Скопа долго виднелась на берегу, пока мы не скрылись за очередным поворотом реки.

Я пополнил свою тетрадку новыми данными о запасах леса.

Вот и «Кедровые острова». Лодка причалила к берегу. Я распорядился — готовить обед. Сам взял ружье и пошел по правому берегу Томи.

Лес был хороший, смешанный. Я шел по долине одного лога. Преобладала пихта, которой было до 80 процентов, ель составляла процентов десять, остальное — кедры, осины, березы. По пойме росла смородина. На косогорах черника. Прошел я километра три. Лес был равномерный, эксплуатационный. Начал подниматься на водораздел, длина которого доходила до километра. Поднялся, стали видны пади до вершины ключей. Лес казался сплошной кроной. Зарисовал и записал необходимые данные. Спускался косогором, на котором росло много черники. Не дошел метров пятидесяти до поймы лога, как с левой стороны от меня с большим шумом захлопал крыльями огромный глухарь. Я вздрогнул от неожиданности. Глухарь же, медленно поднимаясь вверх, начал пристраиваться на сучок кедра. Я вскинул ружье и осыпал его картечью. Краснобровый красавец опустил голову, раскинул крылья и повалился на землю. Я подбежал к пернатому. Глухарь был величиной с барана. Весу в нем было девять килограммов. Подобрал могучую птицу и быстро дошел до остановки.

Котелок с похлебкой из медвежатины, вися на тагане, слегка кипел, покачиваясь. Над костром висел шашлык, зажаренный и нанизанный на прутики, на его пластиках шипело сало.

Дмитрий Петрович увидел глухаря:

— Кароший добыча!

Я подал ему могучую птицу. Он положил его рядом с собой и нежно погладил краснобровую голову.

Обедали на берегу реки, под тенью ветвистого кедра.

Кулики-пискунчики, пикая, бегали по берегу. Дятел где-то как трещоткой долбил ствол сухостоя. На верху кедра был слышен короткий отрывистый писк.

— Белка, — сказал Дмитрий Петрович.

Я взглянул вверх. Действительно, на нижнем суку стояла белка. Она смотрела на нас, встряхиваясь, как будто строжилась над нарушителями таежной тишины. Рядом заскрипел свою хриплую песню коростель. Он поет ее с перерывами, возобновляя каждый раз, когда перебегает на длинных ногах на новое место.

...День клонился к вечеру. Ярко-малиновым цветом горел закат. Дул слегка северный ветерок, колыхая ветви деревьев. Шелест деревьев, сливаясь с шумом воды, образовывал едва слышимую музыку. Предвидя ведренный день, обитатели дебрей напевали гимны любви своим подругам. Не смолкали трели соловьев. Вдали слышалась песнь иволги. Пели и другие многочисленные птахи, сливая свои голоса с песней воды и леса, образуя особую природную гармоническую музыку.

...Поужинав, я объявил свой план на завтрашний день. Лодка поплывет до устья Бельсу, по ней поднимется до устья Израса и там будет ждать моего прихода. Я пойду пешком по р.Борсук, до ее вершины, перевалю через водораздел и спущусь к устью Израса.

Дмитрий Петрович, сказал:

— Смотри, парень! Ты пойдешь один. На этом перевале много медведей. Будь аккуратным и не робей.

Я поблагодарил его за совет.

...Когда я проснулся, было пять утра. Встал, вышел, умылся. Дмитрий Петрович уже разогрел вчерашнюю похлебку и зажаривал кусок глухариного мяса.

Быстро позавтракав, стал собираться. Одел трековую толстовку, подпоясался патронташем, взял двухстволку двенадцатого калибра. В патронташе было двадцать пять «жаканов». Попрощавшись, тронулся в путь первым.

Зарядив двухстволку, поправив нож, начал подниматься по небольшой, узкой тропинке между двумя речками Борсук. Пройдя километра три, заметил на тропе свежий след босого человека. Сначала подумал, что это — след медведя, но при тщательном осмотре убедился — проходил человек, видимо, беглый преступник. Мне стало жутко. Преступный человек в тайге — хуже всякого зверя.

Сначала хотел вернуться, но решил что бесполезно — лодочники уплыли. Осторожно, шаг за шагом стал подниматься по тропе.

Густая утренняя роса падала на землю и была настолько сильной, что напоминала мелкий осенний дождь.

Слева от меня фыркнул с легким рычанием зверь. Повернув голову назад, я в двадцати шагах от себя увидел медведя. Он стоял на задних лапах, подняв передние на уровне головы, выставив вперед когти. Разинув пасть, медведь издал легкое рычание. Он прикладывал к голове то одно ухо, то другое, готовясь к нападению: медлить было нельзя. Я приложил к плечу ружье и выстрелил из правого ствола — прямо в грудь медведю. После выстрела, от дымного пороха образовалась сплошная завеса. Мне не было видно, что со зверем. Я сделал вправо два шага и передо мной возник медведь. Он делал спиральное напряжение, чтобы прыгнуть. Из раны в груди фонтаном с пеной била кровь. Я мгновенно прыгнул вправо. В это время медведь сделал скачок вперед. Я снова увернулся вправо. Он левой лапой с силой ударил меня в спину против легких, а сам

упал через голову. Я после удара чуть не задохнулся, сунулся вперед, побежал и чуть не упал. Через несколько секунд пришел в себя и, наконец, вздохнул. Обернулся на медведя. Он снова поднимался, пытаясь прыгнуть, но уже не с прежней силой и проворством. Рана оказалась сквозной. В обе стороны лилась кровь. Он неоднократно поднимался и прыгал, но не далее двух метров. Я увертывался за деревья. Моя толстовка все время сползала с плеч, я безрезультатно встряхивал ее обратно и не понимал в чем дело,

Медведь третий раз попытался подняться и упал. Я приложил ружье и выстрелом хотел добить его. Но смотрю, на линии прицела, метрах в тридцати ниже, стоит второй медведь в такой же позе, в какой стоял при встрече первый. Я немного струсил. Но, помня совет Дмитрия Петровича «не робеть», взял себя в руки.

Обстановка сложилась так, что имея целый патронташ жаканов, я не имел момента, чтобы зарядить ствол, так как раненый медведь все пытался напасть и поймать меня, а я всячески увертывался.

Наконец, я решил зарядить ружье. Переломил ствол и вставил новый патрон с «жаканом». Раненый медведь чуть не зацепил меня лапой. В этот же момент второй медведь сделал два прыжка вперед ко мне. Убедившись, что я не пойман, он встал снова на задние лапы и держал себя выжидательно.

От того, что у меня в стволах было уже два «жакана», я вздохнул немного свободнее.

Раненый медведь, наконец, измучился от смертельной раны. Последний раз он приподнялся на четвереньки и свалился на бок. Этот медведь уже был не опасен. Убедившись в этом, я вскинул ружье на второго медведя. Но как только я сделал легкое движение стволом в его сторону, он прыгнул вправо и пустился наутек. Я выстрелил вслед, но попал или нет - не знаю. Даже не попытался посмотреть, была ли кровь на траве.

Раненый медведь поднимал голову, смотрел на меня злобными кровяными глазами, но уже был беспомощный. Я подошел и выстрелил ему в голову. Он вытянул ноги, несколько раз дернул ими в предсмертной агонии и замолк.

Быстро зарядил ружье и только теперь вздохнул глубоко и свободно. Хотел присесть на колодину отдохнуть. Слышу, в брюках по ногам книзу в сапоги течет какая-то жидкость. Обернулся во все стороны, словно боясь, что кто-то в этой глуши увидит меня, и чувствую, как щеки загорелись от стыда. Спрашиваю себя вполголоса: как же я не слышал, что у меня появилась «медвежья болезнь». Мне стало очень стыдно, но я смирял свой стыд уговорами, что к этому были законные основания. Когда раненый медведь бросился на меня, мог броситься и второй. В этом случае трудно было бы защититься. Я мог бы ранить второго, и они, освирепев, расправились бы со мной по-своему.

Подойдя к убитому медведю, я наклонился и взял его за ухо. Рубашка снова свалилась с плеч. Я посмотрел — оказывается, она была разорвана, и на концах виднелась кровь. Левой рукой я пощупал поясницу. Она была мокрая. Взглянул на ладонь. Ладонь в крови. Только тут я почувствовал боль в спине в том месте, где меня ударил медведь. Я снял рубашку. Она оказалась разорванной от верха до низу, а когтями медведь сорвал мне кожу, сделав рану десяти сантиметров вдоль спины, из которой и струилась кровь. Так вот какая «медвежья болезнь» у меня. А я то думал...

Нарвал «бархатнику», нажал соку, похожего на йод, залил через плечо рану. Рана быстро перестала кровоточить, и стала подсыхать.

Рубашку пришлось стянуть шнурком, свитым из акации. Надев рубашку, я вынул нож, снял с медведя шкуру, выправил ее на правилке и подвязал на сук дерева, чтобы просыхала. Тушу мяса волоком стащил под гору в холодный ключ

р. Борсук. Туша ввалилась в русло речки, спрудила воду и вся покрылась ею. Сохранность мяса была на два дня гарантирована.

Умывшись, я нарвал еще бархатнику, нажал дикого йода и залил им еще раз рану. Около ручья развел костер, отрезал кусок жирной медвежатины, нарезал ее кусочками, нанизал на толстый прут. Прут одним концом воткнул в землю. Другой конец находился над костром. Мясо, зажариваясь, шипело, и сало капало на костер. Поджарив медвежий шашлык, я хорошо покушал.

Солнце уже клонилось к вечеру. Приходилось думать о ночлеге в пути. Осмотрев ружье, поправив нож и патронташ, я занес в записную книжку состояние лесонасаждений, рельеф местности и тронулся дальше по намеченному маршруту.

Невдалеке захлопал крыльями, поднялся и сел на сук глухарь. Вытянув шею, он удивленно смотрел на меня, видимо, впервые встретив подобного нарушителя его покоя в этих дебрях. Еще поднялась пара глухарей. Но стрелять я не думал, чтобы не подавать звука бродяжьему люду тайги.

Начинало вечереть. Идти еще было километров восемь. Ходьба тайгой, с бурной растительностью, без тропы, через буреломы — не более одного километра в час. До темноты тоже оставалось не более часа. Я стал обдумывать, как лучше ночевать. Поддерживать костер всю ночь — хорошо от зверя, но подашь сигнал бродягам. Провести ночь на дереве — не спасение от зверей, да и за отсутствием веревки можно упасть. Решил забраться на толстый кедр, сесть спиной к стволу, чтобы сзади никто не мог напасть и просидеть ночь с ружьем в руках.

Начались глубокие сумерки. Подошел к одному кедру. Ствол диаметром в 90 сантиметров. От комля метров на пять нет сучков. Кругом в радиусе семи метров нет деревьев. Много травы. Решил здесь оставаться до утра. Взял стяжок, сбил траву, чтобы виден был подход к кедру, вокруг самого кедра оставил травяную полосу для прикрытия в радиусе двух метров, остальную траву до леса сбил. Образовалась как бы чистая поляна кругом кедра.

Наложил травы для сиденья и сел, прислонившись спиной к дереву. Сидеть было мягко, хорошо, удобно. Ружье лежало на коленях.

Стало темно. Птички в разных сторонах напевали и чирикали каждая по своему. Над моей головой, на нижнем сучке беспокойно, отрывисто вскрикивала маленькая пташка. Сердилась, что я нарушил ее покой. Подобные птички в тайге — это сигнальщики тревоги. Опытный таежник по нервному чириканью этой птички определяет нарушителя ее покоя.

Птичка почирикала и смолкла, очевидно, убедившись, что от меня нет опасности. Нервная и физическая усталость клонили ко сну. Голова плохо держалась, валилась на грудь. Я, видимо, задремал. Слышу сквозь сон какой-то крик. Поднимаю голову. Сравнительно недалеко, метрах в двухстах, рев медведей. Видимо, медведица расправляется с медвежатами. Она отрывисто рявкает, а они протяжно воют. Куда девались моя дремота и сон! Меня как бы холодным душем обдало. Глаза зорко смотрят, уши напряженно слушают звериный хор, ружье крепко сжато в руках.

Медведица, видимо, отдыхала, а медвежата, по обычаю играя с матерью, видимо, иногда кусали ее до боли (игра у них заключается в кусании и царапании). Она строжилась, грубо рявкала, а иногда и била их. Поэтому они так протяжно визжали. Иногда слышался третий голос — взрослого зверя. Это, видимо, «пестун» вмешивался в семейный раздор и с протестом рявкал то на мать, то на детенышей. На первую, чтобы не била малышей, на вторых, чтобы не надоедали матери. Всю ночь до рассвета медвежье семейство беспокоило и волновало меня. Много всевозможных мыслей приходило в голову. Вот погибну и никто не будет знать, где и как. Но тут же я вспоминал наказ Дмитрия Петровича «не робеть».

Наконец дневной свет начал заполнять все лесные пространства. Звери замолкли. Я достал кусок глухариного мяса, закусил и собрался в путь.

Спустился в долину Израсу, которая вся была изрыта золотоискателями. Вышел на дорогу, ведущую к р. Бельсу.

Вот и р. Бельсу засинела. По волнистой поверхности проплыла к берегу лодка. Пройдя еще несколько шагов, я увидел свою палатку. Я вышел из-за кустов. Дмитрий Петрович обернулся, поднял руки и побежал мне навстречу. Мы радостно поздоровались.

Здесь же были шорцы — знакомые охотники. Возвращались с Бельсинского порога, с рыбалки. С ними я также поздоровался радостно.

— Но сначала будем кушать, — сказал Дмитрий Петрович. — А потом слушать твой рассказ. У нас варится хороший рыба — свежий хариус и жареный рыба будет.

Обед кончился. Тут Дмитрий Петрович увидел мою окровавленную рубашку и вопросительно поглядел на меня. Я стал переодеваться и рассказал им, как было дело. Царапин на спине оказалось не одна, а три.

— Ишь! Большая был медведь. Когти далеко друг от друга царапали спину, — сказал Дмитрий Петрович.

Он принес теплой воды, обмыл спину, нарвал бархатнику, нажал соку и еще раз залил раны.

Рассказав про свою охоту, я предложил шорцам взять мясо из речки. Они охотно согласились. Предлагали плату. Я отказался. Договорились, что за мясо они потом приплавят мне шкуру.

— Но ты все-таки молодец! — сказал Дмитрий Петрович. — Любой положений выйдешь. Настоящий таежник. Шорцы тебя будут считать своим человеком.

И это было высшей похвалой в его устах.

Сборы закончены. Сели в лодку и поплыли до устья Бельсу.

Пара наших лодок, слегка покачиваясь на мелко-волнистой поверхности воды, плыла довольно быстро. При встрече небольшого вала в лодку шорцев заплескивалась вода, хотя запаса над водой у них было более, чем у нас. Лодка, управляемая Дмитрием Петровичем, шла по поверхности валов и не принимала в себя ни одного всплеска воды.

С левой протоки выбежала целая стая крохалей. Три взрослые самки поднялись на крыло и шли тихим полетом в голове бежавшего молодняка. Молодые взрослые крохали до пятидесяти штук, вытянув вперед голову, бежали, переваливаясь с одного бока на другой. Казалось, что они бегут с такой быстротой как будто по суше, но они бежали по воде. Это выдавал остававшийся после каждого след водяной струи.

Речка Бельсу, отдавая Томи свои воды, бурливо боролась с последней, образуя на месте встречи волнистую, водоворотную поверхность. Лодка наша, налетев на неровную поверхность, под опытным управлением Дмитрия Петровича, пробила водоворот и понеслась вниз. Прокатили Усть-Бельсинское плесо. Река разбилась на две протоки. Мы поплыли по быстрому перекату левой протоки. Теперь, после встряски на водовороте, лодка как бы отдыхала, шла спокойно. Дмитрий Петрович крикнул:

— Эй! Смотри, это что?

На левом берегу виднелось тело огромной рыбы с красным оперением. Мы пристали к берегу. Вот так небывалое зрелище. Таймень длиной около двух метров, толщиной в диаметре 25 сантиметров, весом свыше 40 килограммов заглотал наполовину второго тайменя, весом 5-7 килограммов. Проглотить не смог, а также и выбросить обратно, так как жабры заглотанной им жертвы уперлись в гор-

ло. Хищник мучился. Борьба уже стала бесполезной. Он потерял равновесие, и его ветерком прибило к берегу.

Таймень лежал вверх животом и слабо водил плавниками, изредка открывая свои жабры. Рыба была еще живая... Мы с большим усилием завалили его в лодку. Он почувствовал отсутствие воды, начал ворочаться и слабо бить хвостом. Попробовали вытащить заглотанного тайменя, но наши усилия ни к чему не привела. Пришлось разрезать «великана» и вынуть его добычу. Так мы получили около трех пудов прекрасной рыбы из породы «форель».

Дальше пошли населенные пункты. Не останавливаясь, мы доплыли до села Подобас. Здесь Дмитрий Петрович пошел в село, а я вышел на берег, где сидели два пожилых мужчины. Один из них сказал:

— Вон желтушка пошла ловить рыбу.

Мне было непонятно. Я спросил:

— Что за желтушка, которая ловит рыбу?

— Смотри! — Показал один. — Вон желтая курица. Она третий год ловит рыбу.

Я заинтересовался. Подошел поближе и стал следить за желтушкой.

Курица, высоко подняв голову, редко, плавно ступая, шла вдоль берега и смотрела в воду. Вот она остановилась. Правая лапа осталась в воздухе. Курица наклонила голову к воде и сделала как бы стойку. На мгновение замерла. Затем слегка наклонилась и сделала прыжок в воду, погрузившись по грудь. Одновременно она голову засунула в воду.

Когда желтушка подняла голову, в клюве у нее была небольшая рыбка. Она выбрела на берег, отошла на метр от воды и начала клевать свою добычу. Потом повторила свой маневр еще дважды.

Я был поражен. Никогда не видал и нигде не читал, чтобы курица ловила рыбу. А тут — на тебе! Если бы не был сам свидетелем, не поверил.

Пришел Дмитрий Петрович. Я рассказал ему о проделках курицы.

— Но! Шутишь! — засмеялся он, не поверив. Мужики подтвердили, что эта курица уже третий год ловит рыбу. Дмитрий Петрович был явно поражен, также как и я.

После этого мы спокойно доплыли до Абагура. Поездка помогла выявить много мест с эксплуатационными запасами леса для открытия новых лесозаготовительных участков. Эта поездка также помогла мне определить места для лесозадерживающих гаваней.

Подготовлено к публикации П.П. Лизогубом.

Время идет, жизнь продолжается

История отмечает не только лишь выдающихся людей. Для полноты картины ей требуется изучить, узнать жизнь обычного, простого человека.

Любой человек живет и действует в рамках исторических обстоятельств своей эпохи. Действия любого человека что-то добавляют к ходу истории, оказывают влияние на ход будущих событий и в этом смысле являются микроисторией.

Жизнь тех, кого можно назвать типичными представителями своего времени, как правило, переплетена с жизнью родной страны, родного города.

Публикуемые нами воспоминания Марии Калиновны Толмацкой (девичья фамилия Жога, по первому мужу Храмцова) пример тесной взаимосвязи судеб человека и города. Яркие события, рабочие будни, настроения горожан — внимательный исследователь найдет в рассказе Марии Калиновны.

«Я, Жога Мария Калиновна родилась 13 мая 1925 г. Мой отец Жога Калин Карпович. Мама Жога Федора Львовна. Девичья фамилия мамы — Зайцева. Родилась она в 1897 г. Отец был женат, имел сына Игната. Сыну было 1,5 года, когда отец женился второй раз (на моей маме). Сын жил в новой семье.

Моих родителей привезли с Украины когда им было по три года. Это было в 1896 г. Жили родители до свадьбы в селе Тимонино, под г. Ачинском. В то время там была непроходимая тайга. Тогда много семей уезжало в Сибирь. Люди приезжали, корчевали деревья, разрабатывали землю. Строили себе хорошие рубленые дома, разводили скот, сеяли пшеницу, овес, сажали картофель и овощи.

В 1913 г. мама с отцом поженились, скоро появились дети. Всего нас было в семье 6 детей: 5 братьев и я одна. Село строилось на небольшой горе, внизу протекала не широкая, но глубокая речка, в которой водилось много рыбы. За рекой опять была гора и тайга, где водились медведи, волки, зайцы, много птиц. Через речку построили из бревен мостик, женщины ходили туда полоскать белье. У реки выкопали колодец, назывался он крынница. Вода в крыннице была очень чистая, зимой вода в ней не замерзала.

В 5 км от деревни была заимка. Разрабатывали участок земли и строили избушки. Отец с мамой почти все лето проводили там. В избушке была печка, вдоль стен — нары, застеленные травой. Участок был огорожен оградой. Двор охраняла сторожевая собака, звали ее Жулик. Когда мама на субботу уезжала в деревню, собака провожала маму почти до деревни, потом возвращалась на заимку. Однажды она спасла маму от волков. Проехала мама почти половину дороги в телеге. Вдруг услышала вой волков. Лошадь волков почуяла, помчалась со страшной силой. Хорошо, что телега не перевернулась. Собака придержала волков. Когда вернулась на заимку, была вся ободранная, покусанная, но, к счастью, жива.

У отца была берданка (ружье). Сам себе смастерил он лыжи и зимой ходил на охоту. У него была охотничья собака Муха, которая всегда ходила с отцом на охоту. Как только увидит, что отец вышел с ружьем во двор, она от радости повизгивает, ласкается, лижет отцу руки и тянется к лицу. С охоты отец приносил зайцев, лис. Летом охотился на уток, рябчиков, глухарей. Глухарь — птица большая. Отец охотился на нее так: построит из веток скрадок (небольшой шалашик) и ждет когда глухари прилетят на тачок (открытое ровное место, где птицы ведут игры). И нельзя было сначала убить самку, иначе птицы сразу улетают.

Однажды зимой отец пошел на охоту с собакой Мухой. Возвращался вечером. Мороз усилился. Очень устал, захотел закурить. Он присел на одно колено, закурил, задремал и приснился ему сон, что он уже дома, в избе, что тепло ему, а сам уже замерзал. Повалился на снег. Собака почувствовала в чем дело, стала тормошить его, прыгать вокруг, зубами и лапами вцепилась в одежду и таскала его по снегу. Отец очнулся, а встать не мог: замерзли руки и ноги. Муха тащила его по снегу. Он сам стал понемногу шевелиться, некоторое время полз, потом потихоньку поднялся и добрался до дома.

Огород у нас был большой, тянулся до самой речки. Зимой в конце огорода отец ставил петли на зайцев. Вечером поставит, а утром вытаскивает несколько зайцев. Но зайчатиной особо не увлекались.

У семьи было большое хозяйство. Держали несколько лошадей, 5-6 коров, телят, много овец, кур, были свои пасеки. Корма для скота было нужно много. Помогали родителям мы, дети. Мы помогали весной пахать землю, сеять, осенью убирали урожай, готовили сено на зиму.

Зимой было чем кормить скот и чем самим питаться. Заполняли закрома. В то время зимой холодильников не было. Посреди двора были выкопаны два погреба, в одном держали молоко в крынках, сметану, творог, муку, крупу и бочку меда, а во втором картошку и овощи. Держали две пасеки: одна на заимке, а вторая за оградой в огороде. Отец умел ухаживать за пчелами. На зиму он их домики ставил в большой сарай, где находилась печь, им было тепло. В огороде было построено гумно (большой сарай на столбах). Там молотили зерно (с помощью запряженной лошади).

Жили мы зажиточно, большое хозяйство у нас было. Игнат ездил на тяжеловозе за водой. Были у нас в хозяйстве сеялка, веялка, жнейка, сенокосилка, конный плуг, грабли конные... В огороде стояла баня рубленная. Топили ее раз в неделю. Топить было чем — жили в тайге, лесу было много.

Овец зимой стригли, отец катал пимы (валенки). Зимой ездили на базар продавать продукты. На базар везли крупу, муку, зерно, мед. На полученные деньги покупали инвентарь для ведения хозяйства. Ехали обычно ночью с пятницы на субботу. Вставали часов в 12 ночи. Со всей деревни собирались подводы, все вместе выходили и к утру приезжали в город. Утром начиналась торговля. К вечеру все съезжались вместе и ехали домой. Дорога была длинная и все время тайгой.

Помню такой случай. В середине пути, примерно в 12 км от города был большой ров, который летом, если дождливая погода, трудно переезжать. В городе после торговли остался один мужчина, молодой да здоровый. Загружены у него были две лошади. Вместе со всеми он не успел, возвращался домой один. Его подкараулили и убили разбойники, забрали деньги. А лошади вырвались и убежали домой.

В 1917 г. началась революция.

В деревне народ был крепкий, но неграмотный. Кто шел за белых, кто за красных. На наше село напал Колчак. Люди скрывались в тайге. Отца дома не было, он тоже ушел в лес, а маму пытали, где муж. Она сказала, что не знала. Ее утащили в сельсовет и там секли розгами — 25 ударов розгами дали (а она в то время была в положении). Потом ее увезли в город, хотели посадить в тюрьму. Когда она сидела на телеге, ее охранял солдат с ружьем. Ждали, что еще кого-то должны были привезти. Ее выручили наши деревенские — Картушинский Андрей с женой Мариной в то время были на базаре. Привезли маму домой. После за ней не приходили. Пришло подкрепление из города, и выгнали Колчака с его шайкой из деревни. И так несколько раз повторилось, много народу погибло. Потом все утихомирилось. Как было страшно!

Советская власть особо не мешала — так как жили мы далеко от города. Сельсовета не было. Только время от времени к нам приезжали из города какие-то люди.

В 1930-е гг. началась коллективизация. Люди пошли в колхозы. Сначала записывались с охотой, потом пошел разговор, что в колхозе все будет общее, кормить будут из общего котла, жены и мужья будут общие. Народ был в недоумении. Люди стали бросать все, что нажили и уезжали кто куда. Мама не хотела записываться в колхоз. Отец записался, но уже на следующий день или через день под нажимом мамы решил выйти из колхоза и «выписался». После этого к нам во двор пришли несколько городских мужиков. Сказали, что мы кулаки и стали все забирать. Увели весь скот, лошадей, коров, овец, свиней. Помню, мы стояли с мамой на крыльце, смотрели, как набрасывали веревки на рога коровам, уводили их со двора. Мы плакали. Позже забрали курей. Затем стали выгребать все из закромов, со всех засеков, подмели все метелкой и все увезли. Ночью пришел знакомый из сельсовета и нашептал отцу, что если сегодня не уедем, завтра за ним придут и его заберут, посадят в тюрьму или расстреляют. Это за то, что посчитали нас кулаками. Но на нас никто не работал, мы только своей семьей работали! Мама с отцом работали с утра до ночи, дети подрастали и тоже помогали.

Ночью на соседской лошади мы уехали в город, в Ачинск в 25 км от деревни. В городе жил мамин брат — Яков Львович Зайцев (а всего у нее было 11 сестер и братьев), он работал на железной дороге стрелочником. Мы у них недолго побыли, они нам помогли деньгами. Мы вместе с несколькими семьями откупили вагон-телятник, построили в нем нары, наложили травы на нары и поехали на восток. Хотели доехать до г. Алдан на Дальнем Востоке, там жили три маминых брата — Григорий, Саша и Иван.

Ехали мы целый месяц, уже и холода наступили. Проезжали рядом с озером Байкал. Поезд шел очень медленно, можно было пешком его обогнать. Железнодорожная линия проходила совсем рядом с кромкой озера. Стоишь в вагоне и видишь дно озера. Вода в Байкале была очень чистая, светлая. Озеро глубокое. Ехали вдоль берега долго. Было интересно и страшно: отец сказал, что если вагон сойдет с рельс, то сразу весь состав упадет в озеро — так близко от него была проложена железная дорога. Рассказывали, что бывали случаи, когда целые поезда падали в озеро.

Какая красивая там природа! Кругом тайга. Я в 1980 г. ездила на восток. Сейчас железнодорожная линия проходит дальше от Байкала.

Доехали мы тогда до станции «Зима». Пришлось выйти из вагона, так как дальше почему-то поезд не шел. Все вышли из вагона. На улице холод. Рядом со станцией гора и замерзшее озеро. Нарубили льда, развели костер и кипятили воду. Мне мама дала в руки сумочку и мы с ней пошли побираться. До этого я и не знала что это такое — мне было всего 5 лет. Мама говорит: «Пойдем просить хлеба». Недалеко была деревня, люди добрые, дали нам хлеба, накормили нас и разрешили нашей семье переночевать у них в доме. Сказали потом, что у них на горе в тайге строится большой гараж. Утром отец пошел туда, его приняли на работу. Рядом строился барак на несколько семей, в нем нам дали место. В бараке были 2 печки. Перегородок никаких не было, самим надо было приносить доски и строить себе комнатки. Для детей потом сделали нары под потолком — нам было тепло.

С работы отца нам привезли продукты: мешок муки, мешок сахара, ведро сливочного масла, сухофрукты, соль, крупу и мешок мороженой картошки. Сколько было радости! Правда, прежде чем варить картошку, надо было сначала

положить ее в холодную воду — что бы хоть немного оттаяла, после чего ее можно было варить.

Во всех семьях было много детей, мы жили дружно. Кто постарше, сделали санки и катались с горы. Летом ребята ходили в лес за черникой. В лесу жили зайцы. Зимой, бывало, они прибегали к самому бараку. Говорили, что в лесу водились дикие кабаны.

Жили мы там больше года. Потом отец сильно заболел (надорвался на работе во время рубки деревьев), мы боялись, что он может умереть. В то время нас, детей, уже было пятеро (я в семье пятая, младше меня — только Николай, родился он позже, в 1936 г.)

В то время в Сталинске жил брат отца — Федор Карпович. Он позвал к себе. Жил он тогда не плохо. Был сапожником. Вместе с женой приторговывал водкой. Имел деревянный дом (на его месте сейчас находится кафе «Юность». В 1932 г. и мы приехали в Сталинск.

Поначалу помогал семье выжить Федор Карпович. Затем пришлось рассчитывать только на свои силы.

Первое время жили недалеко от Кузнецкстроя, улица называлась Песочногалечный карьер. Рядом было озеро, откуда экскаватором добывали песок и гравий для строительства завода. В том озере летом купались, бывали даже случаи, что кто-то тонул. На берегу озера была школа №5, старшие братья в ней учились. Жили тогда очень бедно, не было одежды и обуви. Братья обматывали ноги тряпками, привязывали их тесемочками — так и ходили в школу.

Построили несколько землянок под одной крышей. С одной стороны было болото, оно доходило до самых дверей, вода заходила в сени весной. Болото было усеяно лягушками, если не успеешь захлопнуть дверь — они запрыгивали в землянку. С другой стороны проходила железнодорожная линия метрах в трех от окон. По этой линии поезда возили уголь на завод. Когда поезд останавливался, дети, кто постарше, забирались на вагоны и сбрасывали уголь. Поезд уезжал, дети собирали уголь и тащили в землянки, топили печки. Помню случай, как соседний мальчик лет десяти попал под вагон, и ему отрезало обе ножки. Не выжил, умер потом.

Отец в то время устроился на КМК. После дождя к заводу подплывали на лодках — кругом была вода. Техники на стройке было мало. Котлованы рыли вручную, лопатами.

Директором тогда был Белан. Во время войны Белану и главному инженеру КМК строили коттеджи. Строили вдоль дороги, вдоль ул. Кирова, недалеко от того места, где сейчас Драматический театр (но тогда его еще не было). Построили ограду кирпичную, высокую. Но достроить не успели: директора отозвали на работу в Москву. После того, как дома все же достроили, их определили под детские сады, а сейчас там гостиница для иностранцев.

Тогда ходили по городу слухи, что жена главного инженера принимала ванны из молока, которое было положено беременным женщинам, работающим на заводе. Затем молоко сливали во фляги, привозили на завод и по пол-литра раздавали беременным женщинам и тем, кто работал в горячих цехах.

Одновременно с заводом строили город. Он тогда был небольшой, кирпичных трехэтажных домов было всего десять. Народу на стройку приезжало много, жить было негде. Завод и город строили на болоте. Улицы, где строили землянки, называли Болотная, Моховая, Ледяная. На берегу реки Абы находилась длинная улица Бессонова.

Строили бараки. Город разделен был на районы: на горе за заводом находилась Верхняя колония (и сейчас сохранилось название), где сейчас ул. Орджоникидзе, было много бараков, район тот назывался Нижняя колония, там, где сей-

час Драматический театр — Соцгород, а за вокзалом — Сад-город. В сторону аэропорта строили еще один район — Куйбышевский.

Люди сооружали себе «засыпухи» — (крепили доски в 2 ряда, а между ними засыпали землю — получалась стена, и на потолке тоже была земля). Вокруг такого жилища еще наваливали землю — что бы было теплее.

В начале 1933 г. мы построили землянку на улице Транспортная, позже она получила название Санаторная. В то время уже строился кинотеатр «Коммунар», мы жили совсем рядом с ним. Там место было повыше, чем где либо. Где сейчас кафе «Юность» была небольшая площадка. В город прилетал вертолет. Позже площадку для него перенесли в сторону 6-го километра. Там же были озера, куда ходили охотиться на уток.

Чуть ниже «Коммунара» была большая канава, она тянулась от кинотеатра в сторону Левого берега. Канава всегда была полна воды, по обочине канавы жители пасли скот (кое у кого были лошади и коровы). Были случаи, что в той канаве тонул скот и даже люди, кто хотел спасти корову или лошадь. Там была трясина и если кто по неосторожности подойдет — затягивало в ту трясину и не было никакой возможности выбраться от туда.

В послевоенное время болото, которое тянулось от «Коммунара» в сторону Горбольницы, начали заливать, проложили большие в диаметре длинные трубы с горы Островская через р. Томь до «Коммунара» и заливали это болото. Под большим давлением смывали водой гору и глина с водой доходила до болота, получалось большое озеро, даже прилетали дикие утки и жили на озере. Любители охоты стреляли в уток, но достать их не могли, а если кто пытался достать, рисковал провалиться в болото. Озеру постепенно делали отводы в р. Аба и вода потихоньку уходила. Это продолжалось не один год. После войны начали застраивать это место. Построили СМИ, Горбольницу, Дом бытовых услуг, жилые дома в 5 этажей. Проложили шоссейную дорогу. Сейчас здесь ходят машины, автобусы, троллейбусы. От ул. Кирова до ул. Бардина посадили деревья, разбили Парк имени Гагарина (это было уже в 1960-е гг.). 1-ю Горбольницу начали строить в 1950-е гг. А в начале больница была у стен КМК, в бараках. Машин скорой помощи не было, больных возили на лошадях.

Летом 1933 г. мы вырыли себе землянку прямо на пригорке. Землянку полили глиной. Окон не было. Дверь сделали из прутьев. Жили там не долго: чуть выше потом построили себе новую землянку 3х4 (12 кв.м). Семья была в то время 7 человек: отец, мама и нас пятеро. Все спали на полу.

Город понемногу строился. Машин было мало (Рис. 4). Трамвай ходил от вокзала до завода и обратно. Первый трамвай появился в городе в 1933 г. Так как была только одна линия, два трамвая встречались на разъездах и потом опять шли по одному и тому же пути: один в сторону завода, а второй на Левый берег. Моста тогда через р. Томь не было. Его построили только в 1936 г. Мост был узенький и когда встречались поезда, то один ждал встречного на берегу, и только так разъезжались. После войны построили каменный мост через Томь. А до того в районе ДОЗа переправлялись через реку на пароме.

Отец работал. Была у нас корова, сено для которой косили за рекой, напротив деревни Ильинка. Я еще не училась в школе, в то время принимали в школу детей, когда им исполнялось 9 лет. Я ходила к отцу, носила ему обед. Уходила рано утром, шла пешком. Через Томь переправлялась на пароме и шла вдоль берега. Недалеко от реки находилась шорская деревня. По дороге я их встречала, они обычно спрашивали меня, куда я шла. Я их не боялась. Дорога моя поднималась в гору. Еще попадались деревни, и недалеко от одной из них отец косил траву. На покосе я собирала грибы, их было много. Ночевала на копне сена — было мягко и тепло. На второй день я шла домой.

На другом берегу реки от нас располагался старый город — Старокузнецк. Домов там было мало, но почти все они были богатые, там людям жилось хорошо. Помню разрушенную крепость, винзавод, кладбище. Кладбище было ухоженное, обнесено оградой, на каких-то могилах росли цветы. Сейчас на месте кладбища находятся Сад алюминщиков и жилые дома.

Помню магазин «Золотоскупка», где принимали золото (мыли золото на правом берегу Томи). Артели заготавливали мед и орехи, сдавали продукты тоже в этот магазин. Рядом с ним находилась братская могила, где были похоронены бойцы Красной Армии, погибшие во время революции. В 1957 г. прах бойцов перевезли выше в сторону винзавода, разбили там Парк героев, поставили большой красивый обелиск, выгравировали на нем фамилии погибших. Вокруг посадили деревья, заасфальтировали дорожки, поставили скамеечки. Парк обнесли красивой оградой. Сейчас парк является местом отдыха новокузнечан.

Чуть ниже нынешнего кинотеатра «Пламя» располагался Народный дом имени Калинина. Дом был деревянным. В нем во время революции располагался штаб революционеров. В то время дом был местом встреч революционеров. Недалеко от Народного дома был небольшой ров. Там белогвардейцы подкараулили красного командира и застрелили, на том месте долго лежал большой камень-памятник. Ныне там построены высокие современные дома. Когда я училась в 3 классе, нас водили на крепость, но в то время она была вся разрушенная. Рассказывали, что от крепости шел подземный ход к реке Томь.

В 1934 г. я пошла в школу. В 1941 г. закончила 7 классов и поступила в ремесленное училище №7 (находилось недалеко от КМК), училась там два года. Там нас кормили, выдавали специальную форму (шинель, ботинки, гимнастерки, брюки, ремень, девочкам береты, а мальчикам фуражки). Мы очень гордились формой, нам завидовали сверстники. В 1941 г., когда началась война, я уже работала. Работала я на Стане-500, на печах дежурным электриком. На работу ходили по сменам, работали днем и ночью. Подвозили болванки, открывали ворота и толкателем заталкивали эти болванки в печь, где была высокая температура. Болванки нагревались, потом их вытаскивали из печи на рольганг. Они проходили по роликам, попадали под пресс и шли дальше. Из этих болванок получалась готовая продукция для дальнейшей работы. Наш завод выполнял заказы для фронта. За достижения в годы войны, КМК наградили Орденом Кутузова, Орденом Красного знамени и Орденом Ленина.

В нашем цехе работали ребята, эвакуированные из г. Запорожья. По специальности они были вальцовщики. Стояли они недалеко от рольгангов, следили чтобы эти детали не выскакивали из рольгангов. Подальше у стены стояли несколько аппаратов, с которых шло управление этими рольгангами. В цехе было очень жарко и через определенное время раздавался сигнал, чтобы остановить работу на несколько минут. Я выключала рубильники (была специальная комнатка — контакторная, где находились эти рубильники), потом вновь их включала.

От работы мне дали два талона на платья (без платы), присланные из Америки. Был в городе магазин, где давали по талонам подержанные вещи бесплатно. Я, конечно, была рада подаркам, потому как в то время невозможно было купить что-либо в магазине, ничего не было. Одежду и обувь, и тушенку нам присылали из Америки. Хлеба выдавали тем, кто работал по 600 грамм в день, а кто не мог работать, был иждивенцем, — по 100 грамм в день. Жизнь была очень тяжелая.

В 1943 г. я пошла в училище на курсы бухгалтера. Проучилась там год. Нам платили стипендию по 300 руб. Потом я работала в главной конторе Пром...(?), которая находилась за горбатым мостиком через р. Аба, по ул. Орджоникидзе, возле Горсовета. В бараке были артели: «8-е марта», «Звезда»,

«Возрождения», зеркальный цех, трикотажный цех и другие. В артелях шили одежду, обувь.

Во время учебы нас группой посылали в колхоз на уборку урожая. Первый раз мы были в Промышленовском районе в деревне Каменка. Были там месяц, убирали хлеб с полей. Подростки на лошадях косили, а мы скошенное вязали в снопы, потом грузили и увозили с поля в гумно. Еще один год ездили в колхоз в Шушталеп. Одежду нам тогда не выдавали. Осенью нас соберут, увезут, а теплой одежды нет, обуви тоже нет. Ноги все в кровь издерем, болеем. Парни наши тогда говорили, мол, сдохнем здесь, и никто не заметит. Решили мы бежать из деревни. Шли долго, через лес, через болото. И никто нас не кинулся искать. Домой пришла вся больная, по всем телу чирии, на глазах ячмень. Еле меня тогда вылечили. Помогла колдунья, что рядом жила. Странная это была женщина. Нигде не работала, на что жила — не понятно. Заметили мы как-то, что она кур у соседей таскает, но никто с поличным ее поймать не мог. Как раз я только прибежала домой больная, она к нам заходит. А отец как раз туфли новые купил одному из братьев («Кто первый домой придет, тому и достанутся»), так вот поговорила она с матерью, а потом глядь — а туфлей нет. Мы к ней. Пригрозили, что соседям расскажем. Тогда она пообещала меня вылечить. Я к ней два раза чуть свет прибегала, она что-то нашептывала. Мне легче стало. Третий раз вообще к ней не пошла, хоть она говорила, что надо.

После ремесленного училища я пошла на бухгалтерские курсы. Училась хорошо. Одновременно работала. Как-то две девушки с нашей работы позвали меня праздновать Новый год на Алтай, где жили родители одной из моих подруг. Я не поехала, побоялась, что можно не приехать в срок (выходных дали мало), а они уехали. На работу в срок они не вышли — дороги замело, и они опоздали на один день. За это их судили: по году дали каждой. Обе сидели. Одна из них после того, как вышла из тюрьмы, скоро умерла.

Молодые были, сил было много. Любили бегать на танцы. Танцы были в школе №12 (сейчас находится на том же месте, но тогда была она в 2 раза больше), а так же в Саду металлургов. В Саду тогда была танцплощадка: пол деревянный, вокруг невысокий заборчик. Все покупали билеты в кассе, женщина-контролер собирала билеты. Но многие подростки перелезали через ограду, не покупая билетов. Играл духовой оркестр. Мой брат Марк играл в этом оркестре на кларнете и меня на площадку обычно проводил бесплатно. Летом по воскресеньям часто ходили на 6-ой километр на озеро. Там рядом тоже была построена танцплощадка, днем и там играл оркестр. На танцы ходили в брезентовых тапочках, которые покупали на базаре. Молодежь любила ходить в ТЮЗ (театр юного зрителя), и там тоже были танцы.

Во время войны в наш город был эвакуирован Московский театр. Я тогда училась в ремесленном училище, мы группой ходили на его представления в театр Металлургов у заводоуправления. Смотрели «Сильву», «Баядерку» — даже по нескольку раз. Если билеты уже были все проданы — проходили бесплатно. В дверях стояла женщина-контролер, она пропускала нашу группу стоять у дверей. Мы стоим у дверей, а ребята сзади нажмут на нас, и мы мигом влетаем в вестибюль, сдаем пальто в гардероб и бежим смотреть представление. Нас уже никто не выгонял.

Во время войны раненных солдат привозили в наш город в госпиталь. Жители с нашей улицы ходили в этот госпиталь. Сначала все было готово к привозу раненных, все было убрано, чистые полы и окна. За раненными ухаживали, в палатах постоянно дежурили.

Тех, кто не выживал, хоронили на горе в сторону Точилино, там и сейчас находится кладбище. Когда я была помоложе, каждый год в праздничный день

— 9 мая — ездила туда. Кладбище ухоженное, на могилках цветы. И сейчас это кладбище посещают горожане, родные и близкие погибших, их дети, внуки и правнуки. Вечная им память, отдавшим свои жизни за то, чтобы мы жили, и никогда не было войны.

Отца у нас уже не было — умер в 1941 г. перед самой войной (ему было 48 лет). Братья мои уже все работали на КМК, женились, жены их тоже работали на КМК.

Старший брат Игнат Калинович Жога (1915 г.р.) работал каменщиком, строил школу в Редаково. До войны его несколько раз призывали в армию на 3 месяца, после он приходил домой. В 1941 г. он был в армии, сразу же в начала войны оказался на фронте. Погиб в 1943 г. на территории Литвы. С фронта прислали похоронку. Тогда ему было 28 лет.

Второй брат Василий Калинович Жога (1918 г.р.). Работал шофером в Литейном цехе на КМК. Его жена Татьяна Васильевна Жога работала в том же цехе машинистом крана. Во время ее смены кран загорелся, после чего она, обожженная, прожила не долго. Осталась у них 13-летняя дочь Люба. Позже вышла замуж за Соседко Анатолия, родился сын Олег. Ныне Олег женат, есть дочь.

Третий брат Марк Калинович Жога (1920 г.р.). Свое имя, полученное по церковному календарю, по святкам, Марк не любил. Всем говорил, чтобы звали его Мишей. Так все его и звали. Закончил всего 5 классов, но поступил в училище по моей справке (инициалы совпадали). После училища работал на КМК, на ТЭЦ, электромехаником. Женился. Жена работала в том же цехе. Марк хорошо играл на кларнете. Брата призвали на фронт, но из Новосибирска вернули — дали бронь, и он работал по 2 смены, домой приходил редко, ночевал прямо в цехе, так как некому было работать.

Когда Марка призвали, некому было даже проводить его на фронт (мама сильно болела, братья все были на работе). Я отпросилась у мастера (не своего, а у того, кто замещал нашего мастера). Он сказал: «Делай, как хочешь». После проводов брата я на работу не пошла, а побежала наводить порядок дома. На следующий день наш мастер сказал, что мне следует явиться на Верхнюю колонию в Народный суд. Когда я пришла в здание суда, услышала свою фамилию. Зашла в комнату. Там находились две молодые женщины. Они что-то долго писали, вопросов не задавали, а потом одна из них закричала: «Встать! Суд огласит приговор!» и объявили, что я совершила прогул, а потому мне наказание — год тюрьмы. Я запричитала, упала. Одна из женщин сказала, что на себя надо было пенять, когда на работу не пришла. Я сказала, что брата на фронт провожала и что отпрашивалась. Тогда они порвали бумаги и написали новые. По новой бумаге у меня должны были целый год забирать из зарплаты 25% и 200 грамм хлеба (выдавали в войну по карточкам по 600 грамм хлеба работающим и по 100 грамм иждивенцам). Это было достаточно мягкое наказание. Маме я сказала, что из своей карточки вырезала часть талонов (как раз на 200 грамм хлеба) и оставила на работе, мол, чтобы не носить их туда да сюда. А сама голодная днем ходила.

Четвертый брат Григорий Калинович Жога (1923 г.р.) так же работал на КМК вырубщиком, готовил болванки для прокатки. Имел бронь, потому на фронт его не призывали.

Младший брат Николай родился в 1936 г. — копия отца. Учился в ФЗО. Работал строителем (строил кинотеатр «Сибирь»). Работал на шахте в Куйбышево. Умер в мае 2004 г.

Сводный брат Жога Владимир Федорович (1920 г.р.) служил на границе, на Украине. Погиб в 1941 г.

Я вышла замуж в 1948 г. за Храмцова Николая Михайловича (1923 г.р.). Он родился в Архангельской области. Мать его умерла еще молодой (25 лет), Николаю тогда было всего 5 лет. Отец женился на ленинградке (приехала в Сталинск во время блокады Ленинграда, пролечилась, устроилась работать на КМК техничкой). В семье тогда было 5 детей. Сестра Николая Елена была старше всех, училась в школе, потом в институте. Жила у чужих людей, они ее кормили, одевали (отцу было трудно воспитывать всех) потом работала в первом роддоме врачом-гинекологом. Мы с Николаем жили до войны на одной улице. Все его любили. До войны у него было много голубей, он строил маленькие домики для голубей, ухаживал за птицами, кормил. Они его знали. Еще он держал кроликов. В 15 лет Николай сбежал из семьи.

До войны Николай хотел устроиться работать на КМК, но ему было только 16 лет, его не приняли. Однажды он перелез через заводскую стену, увидел, что у токарного станка стоит молодая женщина. Он попросился к ней учиться на токаря. Когда она ушла в декрет, он стал работать на станке вместо нее. Стал отличным токарем, даже сам учил детей токарному ремеслу. В начале войны его забрали в армию. В Омске или Томске (не помню точно) он учился на танкиста, через 6 месяцев его отправили на фронт водителем танка Т-34. Воевал с первых дней до конца войны, и после окончания войны служил 2 года в армии.

На войне Николай ранен не был, но был контужен. Когда пришел домой, то во время разговора сильно заикался, но потом заикание прошло. Рассказывал много военных эпизодов, где и как воевал, как погиб весь его экипаж, а он один остался живой в танке. Воевал всегда на передовой. Как-то танк переезжал через реку и сорвался с моста, но к счастью в воде лежала большая плита, на которую танк и попал. Танк вытащили тягачом, заправили горючим, воду вылили, опять поехали. Все это было осенью, Николай простыл и попал в полевой госпиталь. По всему телу у него вскочили чирии, никакую одежду нельзя было одеть, а через несколько дней пришли к нему ребята из экипажа, и сказали, что идут в бой. Он замотался в простыню, вылез через окно. Ребята приготовили ему одежду, все вместе поехали. Ушли глубоко в тыл, но кончилось горючее, встали, и вдруг немец с самолета стал бомбить, снаряды падали вокруг танка. Весь экипаж успел выскочить через люк и спрятался под танк, а Николай не смог подняться, так как одежда прилипла к телу, и было очень больно. Самолет улетел, Николай вылез из танка, и увидел, что все ребята погибли от осколков снарядов, лишь он один остался жив. Выходил из окружения, вместе с двумя парнями, рассказывал, что шли через какое-то кладбище. Его контузило, засыпало землей, парни его откопали, принесли к своим. Пошел опять в бой, был приказ как можно больше занять территории.

Тогда радио не было и мы, дети и взрослые, ходили ко Дворцу Металлургов слушать военные сводки от Советского Информбюро. Там на углу Дворца висело радио в виде черной тарелки. В день, когда началась война, 22 июня 1941 г., выступил Молотов, сказал, что немцы вероломно напали на нашу землю. Мы тогда жили недалеко от кинотеатра «Коммунар», было все очень хорошо слышно. Народ рыдал. Все ожидали большого горя.

Во время войны в нашем городе было много пленных немцев. Их привлекали к строительству домов за р. Абой, за мостом, параллельно ул. Металлургов (прспекту Молотова). Летом после работы немцы по несколько человек взявшись под ручки ходили, гуляли. У них были губные гармошки. К некоторым приезжали жены, невесты. После окончания войны все уехали.

Тогда в городе было много евреев, все они работали в магазинах. К концу войны их осталось мало.

Во время войны в городе задержали японского шпиона. Я и сама его видела. Летом часто сидел около ограды, где строили коттедж Белану, напротив 25-го дома по ул. Кирова. Молодой парень, лет 30-ти. Вокруг него всегда собиралась детвора. Он притворялся — вроде дурачок, как будто доставал из волос вшей и ел. Детям было смешно. Потом милиция обратила на него внимание, за ним начали следить. Выяснили, что вечером он забирался на чердак дома №25 по ул. Кирова, переодевался, ел, выходил с фотоаппаратом, фотографировал город, завод. Его забрали, и больше никто его не видел.

Николай пришел домой в 1947 г. Был много раз награжден, имел 2 ордена медали, даже благодарности от Сталина. Его наградили билетами на двоих — можно было ехать по Союзу бесплатно в любую сторону. Билеты были действительны в течение 5 лет, можно было ехать один раз в год, но мы так никуда и не ездили, так как были молодые, и ехать было не в чем, да и денег не было.

Муж сразу же устроился на работу. Работал токарем в Новокузнецкой автобазе, и работал на заводе «Запсиб» в механическом цехе токарем. Я ходила к нему на работу. Он работал на самом большом станке.

У нас было двое детей: сын Анатолий (1950 г.р.) и дочь Лариса (1952 г.р.) (Рис. 9). Жили мы тогда в маленькой землянке. Я часто прибегала с работы домой — проверяла все ли нормально с детьми (боялась, что задохнуться, обожгутся — печь была вмонтирована прямо в стену, мало ли что могло произойти). Нам с мужем предложили переселиться в новый дом на ул. Металлургов, от его работы обещали двухкомнатную квартиру. Но я испугалась: жить одним в такой большой квартире, да без соседей. К тому же мама болела, если надо было оставить под присмотром детей, я всегда обращалась к ней, а она уже не смогла бы подниматься высоко. В общем, мы отказались. Потом предложили квартиру в районе Левого берега. Мы опять отказались, так как тот район считали окраиной города, страшно там было жить. Только в 1960 г. мы переехали в новый дом на ул. Кирова (в так называемую «хрущевку»).

Тогда нам довелось встретиться с человеком, которого называли «Человек-экскаватор». Это был Андрей Севастьянович Филиппов. Мы жили с ним в одном доме, в одном подъезде. Он был здоровый, сильный, в то время он уже и не работал. Знаю, что сейчас лопата, которой он работал, находится в Москве в музее. В нашем городе в честь него названа улица — ул. Филиппова.

Свою землянку мы продали за какую-то небольшую сумму денег соседке. Та специально приобрела землянку и прописалась там, так как знала, что скоро эти временные жилища будут сносить, а живущих в них людей будут расселять в новые квартиры. Знаю, что потом ей дали квартиру на проспекте Октябрьском (он тогда только строился).

В 1958 г. в городе было страшное наводнение — разлилась река Томь. Вода дошла до школы №57 (находилась на улице Кирова). Вся Болотная была затоплена. Вода сносила землянки вместе со скотом и людьми. На помощь пришли машины, летали вертолеты, плавали на лодках, спасали людей. Было много милиции, они тоже дежурили и помогали спасать людей. У кого были лодки, всех освобождали с работы. Мой муж Николай Михайлович Храмцов тоже на лодке плавал, спасал людей.

Лодку мы заказывали на ДОЗе. Помню, что заплатили за нее 125 рублей. Она была сделана из досок длиной 12 метров. В лодке был мотор от машины. Вмещалось в нее 10 человек (Рис. 12). Летом мы семьей ездили отдыхать вниз по Томи. Брали палатки, пилу, продукты. Жили на острове Кукша (Рис. 11). Отдыхали во время отпуска по две недели, ловили рыбу — ее было в Томи много. Вязали сети, в то время разрешалось ловить рыбу сетью. Вечером поставим сеть, а утром еле вытаскивали ее, так как вся была забита рыбой. В Усть-Нарык

ездили за хлебом, за продуктами. Отдыхали лучше, чем на курорте, загорали, купались. Всегда брали с собой детей.

Осенью ездили с ребятами в тайгу за орехами. Шишек привозили по два рюкзака. Плавали на лодке за грибами и ягодами. В то время много было всего. Зимой давали машину, и ребята с работы ездили на охоту за зайцами. Как-то раз зимой мой муж Николай поехал на охоту. Машина, в которой он ехал, упала с моста и перевернулась. Он получил тяжелое ранение, сильно болел. Лежал в больнице №29 на Запсибе, ему сделали операцию. Как раз перед этим он уволился с завода, забрал документы. Но после того как месяц пролежал в больнице, его начальник сумел восстановить документы, взял его на работу обратно, оплатил больничный лист.

Умер Николай Михайлович в июне 1974 г. Ему был 51 год.

Наши дети — Анатолий и Лариса — имеют семьи. Анатолий Николаевич с женой Ириной Александровной (в девичестве Хомутовой) проживает в Новокузнецке. Их старшая дочь Елена Анатольевна живет в Сыктывкаре. Она замужем (по мужу фамилия Шмидт), у них дочка Ксюша. Младшая дочь — Ольга Анатольевна — тоже замужем (фамилия по мужу Лейсле). Лариса Николаевна вышла замуж за Антошевского Александра Витальевича, у них три дочери. Супруги проживают в Казахстане, в г. Шимкенте (в советское время — Чимкент). Старшая дочь Анна Александровна и младшая Марина Александровна проживают с родителями, средняя Юлия Александровна (по мужу Илиади) в Алма-Ате, у нее дочь Александра.

Сейчас я живу со вторым мужем — Михаилом Рафаиловичем Толмацким. От второго брака детей у нас нет. Оглянувшись назад, могу сказать, что тяжело было. Но на судьбу не жалуюсь. Когда есть семья, дети, внуки и уже даже правнуки — разве ж можно на что-то жаловаться?»

Май 2005 г.

Подготовлено к публикации О.А. Лейсле.

Рис. 1. Мария Калиновна
(урожденная Жога).
(Фото 1950-х гг.)

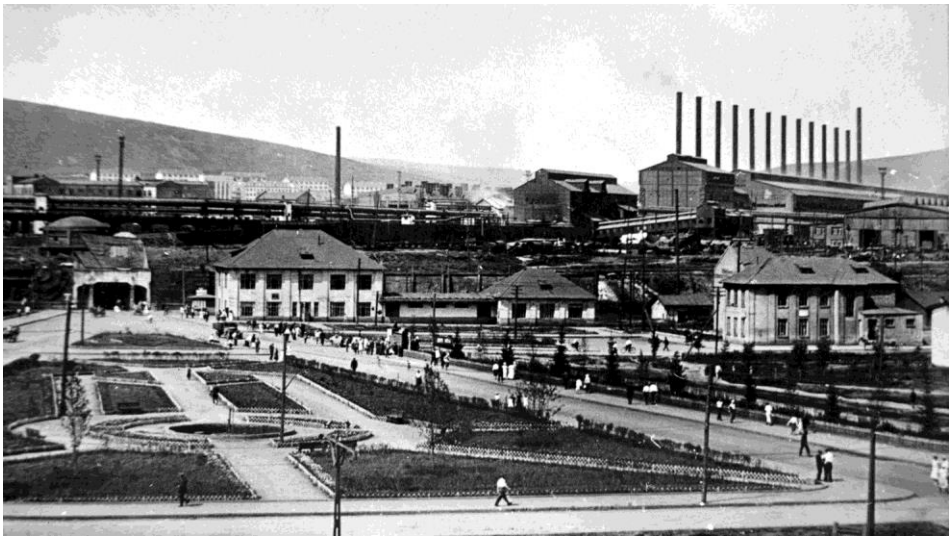


Рис. 2. Площадь Побед перед КМК.
(Фото 1936 г.)

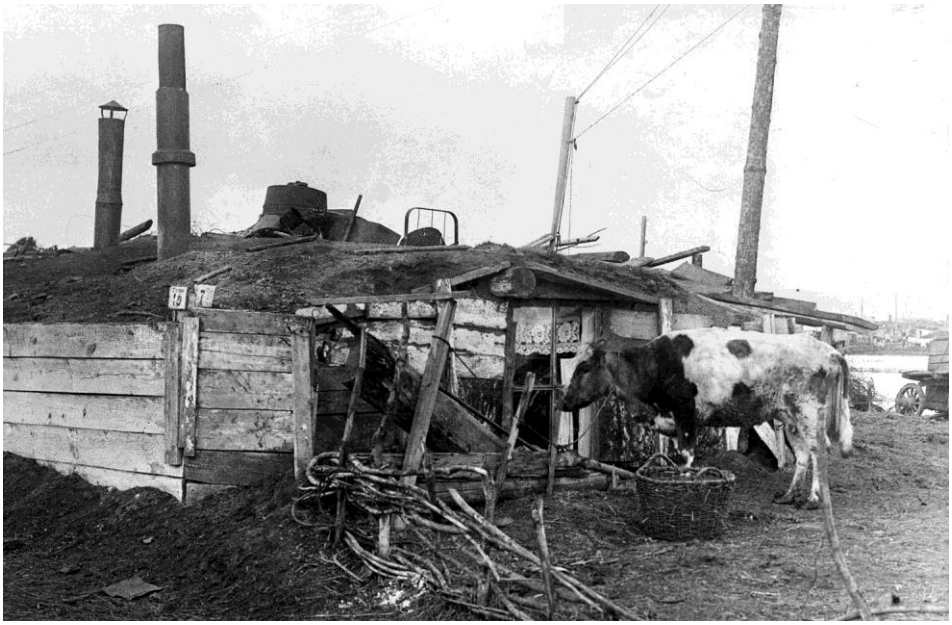


Рис. 3. Одна из землянок г. Сталинска — по адресу ул. Луговая, 10.

Рис. 4. Перекресток ул. Молотова (Металлургов) и ул. Кирова.
(Фото 1936 г.)

Рис. 5. Фонтан в Саду металлургов.
(Фото 1930-х гг.)

Рис. 6. На ул. Металлургов у кинотеатра «Коммунар».
(Фото 1950-х гг.)

Рис. 7. Николай Жога (видны дома на ул. Спартака). (Фото 1950-х гг.)

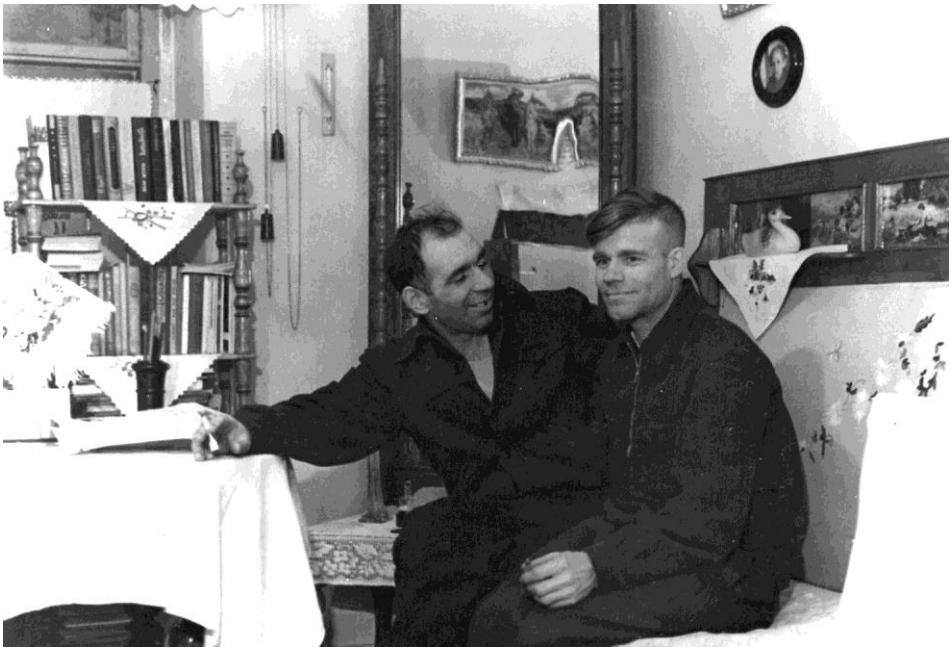


Рис. 8. Григорий Жога и Николай Храмцов (слева на право).
(Фото 1950-х гг.)

Рис. 9. Анатолий и Лариса Храмцовы. (Фото нач. 1960-х гг.)

Рис. 10. Николай Храмцов (стреляет) и Григорий Жога. (Фото 1950-х гг.)

Рис. 11. Отдых на острове Кукша на р. Томи.
(Фото нач. 1960-х гг.)

Рис. 12. На семейной лодке.
(Фото нач. 1960-х гг.)

Рис. 13. Горпромторг г. Сталинска. 1-я слева в 1-м ряду — М.К. Жога.
(Фото 1947 г.)

Рис. 14. Магазин «Юбилейный».
1-я справа в 1-м ряду сидит М.К. Толмацкая.
(Фото 1980-х гг.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ — Вопросы истории
ГАКО — Государственный архив Кемеровской области
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГКО — Государственный комитет обороны
ЗСАЭК — Западно-сибирская археолого-этнографическая конференция
ИАИЭ СО РАН — Институт Археологии и Этнографии Сибирского отделения Российской Академии Наук
ИИФФ СО АН СССР — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии Наук СССР
ИЛАИ — Известия Лаборатории археологических исследований
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КМАЭЭ — Музей археологии, этнографии и экологии КемГУ
КМК — Кузнецкий металлургический комбинат
КузГТУ — Кузбасский государственный технический университет
ЛАОЛКУ — Ленинградское артиллерийское ордена Ленина Краснознаменное училище
МАЭ — Музей антропологии и этнографии в г. Санкт-Петербург
МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИА — Материалы и источники по археологии
НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей
РА — Российская археология
РАН — Российская Академия Наук
СА — Советская археология
САИ — Сборник археологических источников
ЦАМО — Центральный архив Министерства образования
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЭВ — Эпиграфика Востока

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.....5
С.А. Ковалевский, А.М. Илюшин
Материалы переходного времени и раннего железного века
из комплекса поселений Торопово-4.....6

Н.А. Кузнецов
Средневековые монеты в памятниках верхнеобской культуры
как показатель торговых связей Сибири и Семиречья в VIII-IX вв. н.э.....15

Ю.В. Ширин
К проблеме этнической атрибуции южно-сибирских археологических
комплексов нового времени в зоне расселения русских.....25

ИСТОРИЯ XVII-XX вв.....37
А.О. Кауфман
Артиллерия укрепленных пунктов Кузнецкого уезда
в первой половине XVIII в.....38

Ю.Б. Кауфман
Шведские военнопленные в Кузнецке в первой четверти XVIII в.....46

В.С. Пилипенко
Жены декабристов сибирячки.....50

Е.В. Майорова
Из истории кузнецкой кооперации.....58

Ю.С. Надлер
Геология, геологи и город Новокузнецк.....67

Г.Б. Платонов
Нашу судьбу определила война
и 9-я Ленинградская артиллерийская спецшкола.....80

Ю.В. Ширин
Вклад У.Э. Эрдниева в исследование древней истории Кузнецкого края.....102

АРХИВНЫЕ И МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ.....111
Ответы Кузнецкой воеводской канцелярии
на анкету Г.Ф. Миллера 1760 года.....112

П.П. Лизогуб Мемуары Г.С. Блынского.....116

Г.С. Блынский 35 лет в строю угольщиков Кузбасса (отры-
вок).....119

Время идет, жизнь продолжается.....138

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....156

Историко-документальное издание

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

Выпуск 8

Редактор
Б.А. Рахманов

Допечатная подготовка
Ю.В. Ширин

Корректор
Г.Е. Бондаренко

Издательство «Кузнецкая крепость»
654007, г. Новокузнецк, пр. Кузнецкстроевский, 1
ДТС, Союз писателей

отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
издательства «Ветер»
г. Томск, иркутский проезд 1 тел. 659-336
подписано в печать: 15.06.2006 г.
Формат 70х100/16. Гарнитура «Academy»
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. Печ. л. 9,875
Тираж 500 экз.